ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 4(20)

2020

ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2020 № 4(20)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырева

Редакционная коллегия:
А.А. Бочков (*ответственный за раздел «Право»*),
Э.В. Павлыш (*ответственный за раздел «Экономика»*),
С.Л. Богомаз (*ответственный за раздел «Психология»*),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев, Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич, П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев, А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак, Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова, С.В. Лауткина, Г.В. Лосик, А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик, Л.Ф. Трацевская, И.А. Фурманов, И.И. Шматков, В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (*Беларусь*), С.А. Трахименок (*Беларусь*), В.М. Хомич (*Беларусь*), Ю.Н. Карандашев (*Польша*), Т.В. Сенько (*Польша*), В.А. Моляко (*Украина*), В.А. Мазилов (*Россия*), Н.А. Адамов (*Россия*), Л.В. Винницкий (*Россия*), Р.А. Курбанов (*Россия*), К.В. Павлов (*Россия*), А.И. Савенков (*Россия*), С.М. Шингаев (*Россия*)

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридической, экономической и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Бочков А.А., Гурщенков П.В., Бочкова Г.Ш. Концептуально-правовые основы законности и правопорядка 3

Дмитриева Т.Ф. Технологическое обеспечение преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» 12

Козловская В.В., Карпенко А.М. Справедливость и эффективность как принципы административной ответственности в Республике Беларусь 21

ЭКОНОМИКА

Богатырева В.В., Костюкова С.Н., Черевко Н.С. Методика внедрения эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка 29

Боровский А.А. Апробация оптимизационной модели по выявлению наиболее эффективного пути развития налоговой системы 40

Клименко В.А., Карпович Ю.В. Гносеологический потенциал теории поиска ренты 55

Янкевич Е.М. Региональная структура туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь 61

Турковский С.Р. Новая экономика: сотрудничество, образование, наука 69

ПСИХОЛОГИЯ

Пергаменщик Л.А. М.М. Бахтин и художественно-научное познание личности 78

Колмаков А.А. Переживание одиночества и риск суицидального поведения у молодых людей 84

Каратерзи В.А., Климкович М.В. Особенности пищевого поведения студентов с разным уровнем жизнестойкости 89

Совейко Е.И. Диагностика уровня психологической готовности обучающихся к самообразовательной деятельности 95

Шевцов А.В. Информационные технологии как фактор развития рефлексии личностной учащегося 101

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2020 № 4(20)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
A.A. Bochkov (*in charge of the Law Studies section*),
E.V. Pavlysh (*in charge of the Economics Studies section*),
S.L. Bogomaz (*in charge of the Psychology Studies section*),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschik,
L.F. Tratsevskaya, I.A. Furmanov,
I.I. Shmatkov, V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Counsil:
T.V. Voronovich (*Belarus*),
S.A. Trakhimenok (*Belarus*),
V.M. Khomich (*Belarus*),
Yu.N. Karandashev (*Poland*),
T.V. Senko (*Poland*),
V.A. Moliako (*Ukraine*),
V.A. Mazilov (*Russia*),
N.A. Adamov (*Russia*),
L.V. Vinnitski (*Russia*),
R.A. Kurbanov (*Russia*),
K.V. Pavlov (*Russia*),
A.I. Savenkov (*Russia*),
S.M. Shingayev (*Russia*)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

Bochkov A.A., Gourshchenkov P.V., Bochkova G.Sh. Conceptual and legal foundations of law and oredr 3

Dmitriyeva T.F. Technological Provision for Teaching Schoolchildren the Elective Course of Young Criminologist 12

Kozlovskaya V.V., Karpenko A.M. Justice and Efficiency as Principles of Administraive Liability in the Republic of Belarus 21

ECONOMICS

Bogatyreva V.V., Kostiukova S.N., Cherevko N.S. Methodology for the Implementation of an Efficient Motivation System for Bank Retail Business Specialists 29

Borovski A.A. Approbation of an Optimization Model for the Identification of the Most Efficient Way of the Tax System Development 40

Klimenko V.A., Karpovich Yu.V. Gnoseological Potential of the Rent-Seeking Theory 55

Yankevich E.M. The Regional Structure of the Tourist and Recreation Complex of the Republic of Belarus 61

Turkovsky S.R. The New Economy: Cooperation, Education, Science 69

PSYCHOLOGY

Pergamenshchik L.A. M.M. Bakhtin and Artistic and Scientific Knowledge of the Individual 78

Kolmakov A.A. Experiencing Loneliness and the Risk of Adolescent Suicidal Behavior 84

Karaterzi V.A., Klimkovich M.V. Features of the Eating Behavior of Students With Different Vitality Levels 89

Soveiko Y.I. Diagnostics of the Level of Students' Psychological Readiness for Self-Education 95

Shevtsov A.V. Information Technologies as a Factor for the Development of Student Personality Reflection 101

УДК 340.131.4:340.132.83

Conceptual and legal foundations of law and order

Bochkov A.A., Gorshenkov P.V., Bochkova G.Sh.

Institution of education "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

Law and order are the life of law, the prerequisite for order, stability, and development of a state-organized society. In a democratic, social, legal state with a strong civil society, where the law prevails, the rule of law turns into legality. When implemented in practice, it gets embodied into legal order.

The purpose of the article is to analyze the conceptual apparatus of these categories and identify areas for improving these institutions.

Material and methods. *The research material was the regulatory legal acts of the Republic of Belarus, scientific and educational literature on the topic. The main research methods are dialectical-materialistic, system analysis, comparative studies, interpretation of legal norms.*

Results and discussion. *The methodological, axiological and praxeological role of law and order requires a set of measures aimed at the legal and legitimate implementation of their essential characteristics.*

Conclusion. *Doctrinal development, legislative consolidation, and improvement of the law enforcement mechanism are a necessary condition for building a prosperous state, implementing democracy, and increasing the well-being of citizens.*

Keywords: *state, the rule of law, law, legality, legal legality, discipline, guarantees, order, law and order.*

Концептуально-правовые основы законности и правопорядка

Бочков А.А., Гурщенков П.В., Бочкова Г.Ш.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Жизнью права, условием упорядочения, стабильности, развития государственно-организованного общества выступают законность и правопорядок. В демократическом социальном правовом государстве с сильным гражданским обществом, где закон торжествует, законность превращается в правозаконность. Реализованная на практике, она воплощается в устойчивый правопорядок.

Цель статьи – анализ понятийного аппарата данных категорий и определение направлений совершенствования этих институтов.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили регламентирующие нормативные правовые акты Республики Беларусь, научная и учебная литература по теме. Главные методы исследования: диалектико-материалистический, системного анализа, компаративистики, толкования норм права.*

Результаты и их обсуждение. *Методологическая, аксиологическая и праксеологическая роль законности и правопорядка требует комплекса мер, направленных на легальную и легитимную реализацию их сущностных характеристик.*

Заключение. *Доктринальная разработка, законодательное закрепление, совершенствование правоприменительного механизма являются необходимым условием построения процветающего государства, реализации народовластия и роста благосостояния граждан.*

Ключевые слова: *государство, право, закон, законность, правовая законность, дисциплина, гарантии, порядок, правопорядок.*

Complex strategic and functional characteristics that ensure the security of society and the effectiveness of the state-legal mechanism are law and order. They are the confirmation of the indissoluble unity of law and the state, the latter being legalized by legal dogma.

In the explanatory dictionary of the living great Russian language by V. Dahl, legality is defined as the state, belonging to the legal, consistent with the laws, based on them. The law is regarded as a limit set to freedom of will or action; an inevitable beginning, foundation; a rule, a decree of the highest authority [1, p. 588–589]. One of the definitions of the state is an order organized by law. In the modern legal dictionary, the rule of law is interpreted as a system of actually established social relations ordered by law [2, p. 516].

The purpose of the article is to analyze the conceptual apparatus of the categories law

and order and determine the main directions for improving these institutions.

Material and methods. The research material was the regulatory legal acts of the Republic of Belarus, scientific and educational literature on the topic. The main research methods are dialectical-materialistic, system analysis, comparative studies, interpretation of legal norms.

Results and discussion. Legal legality and the rule of law perform a special methodological, axeological and praxeological role, affecting collective, group and personal interests. They are fundamental intersectoral institutions showing the qualitative state of the legal system. These phenomena exist at the conscious and unconscious (genetic) levels and have socio-biological bases and subject-space-time characteristics.

Law and order, as a way of being law, are aimed at preserving and multiplying society and its members. They appear together with the state, the rule of law and laws, but they have a historical and national character, and depend on the degree of democracy, spirituality, and civilization of society.

Legality can be formal and real, legal, democratic, legitimate and illegitimate, illegal, undemocratic. Democracy has various forms of expression, including intermediate ones. History has preserved a large number of examples of legality formally proclaimed, but never implemented in practice.

If the rule of law in authoritarian and totalitarian regimes is based on violence, fear, and suppression, then it is implemented mainly through the voluntary lawful behavior of the majority of the population, who are convinced of its necessity and appropriateness. Existing formally in anti-democratic conditions, the rule of law can turn into its opposite – in disenfranchisement and arbitrariness raised to the law. The gap between the words and deeds of representatives of state power, the desire to serve their own interests rather than those of the people causes great damage to the law. The erosion of the rule of law leads to a narrowing of the range of its subjects and objects that require legal regulation, when individual citizens who hold responsible public positions and profitable sectors of the economy are outside the law.

As the state becomes more democratic and civilized, and its legitimacy increases, so does the rule of law, and its quality. It is most pronounced in a legal democratic social state with a strong civil society, where the law prevails and the rights and freedoms of citizens are guaranteed and implemented in practice. The goal of legality is to create such laws and a mechanism for their implementation that would ensure peace, order, confidence in the future, and increase the welfare and prosperity of the people.

Even for the ancient Romans legality was an unquestionable *axiom: aequum et bonum est lex legume* (justice and good are the law of laws); *exekutio est finis et fructus legis* (execution is the completion and fruit of the law); *frustra ferentur leges nisi subditis et obedientibus* (it is useless to make laws if they are not submitted to and obeyed); *dura lex, sed lex* (strict and severe law is, but it is necessaryto obsernve); *nemo est supra leges* (no one is above the law); *fiat justitia, pereat mundus* (let justice be done, even if the world perishes (whatever it costs) [3, p. 427–429].

Legality includes both formal and content aspects. The formal aspect is related to the existence of laws in the state, the legal procedure for adoption, their supremacy and strict, unconditional implementation. The content – to the expression in legal laws of social patterns, progressive trends in social development, interests and needs of the people, human and civil rights and freedoms. Legality has state-legal, political, moral and humanistic aspects. This is the result of the interaction of politics, economics, law and culture. On the one hand, it is a social value, as the result of the development of progress, democracy and the state, on the other hand, their existence is impossible without a solid rule of law and order.

Legality reflects public interests and contradictions, as well as the state of legal life. In its highest manifestation, it is an expression of the triumph of legal law, truth, verity, objectivity, justice, formal equality and impartiality. Legality is opposed to lawlessness, disenfranchisement, injustice, arbitrariness, chaos and anarchy.

Legality is a multidimensional phenomenon that focuses on objective and subjective law, the system of legislation, its implementation, legal responsibility, a hierarchy of normative legal acts (NLAs), lawful behavior, the inevitability of punishment, etc.

The complexity and multi-aspect nature of this legal institution gives rise to various approaches. Legality is understood as the strict and rigorous observance and enforcement of laws by all subjects of law; the basic legal principle that requires acting in accordance with the law; the method of managing society without going beyond the law; the legal regime of strict and scrupulous compliance with legal regulations; compliance of public activities with legal norms. This is a theory, principle, method, mode, system of influence and process that complement each other.

Legality in the broad sense of the word is the observance and enforcement of laws by all subjects of law without exception. In the narrow sense of the word – the legal regime of functioning of the state apparatus and officials. Moreover,

laws can be understood in the proper sense of the word and in the sense of legislation. It seems that one should deal here with the strict implementation of all legislation in the activities of all subjects of law without exception.

Of course, real power is largely vested in the state apparatus and officials, who have more opportunities than common citizens. The harm from their illegal actions in violation of the law is immeasurably greater, as it undermines the foundations of the state and people's faith in the justice of the laws. Therefore, the Republic of Belarus pays special attention to the fight against corruption, abuse of official power, and violation of laws.

According to the Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions) adopted at national referendums on November 24, 1996 and October 17, 2004, the people are the sole source of state power and bearer of sovereignty in the Republic of Belarus (article 3). Democracy produces positive results with a high level of its legal culture, which includes awareness, conviction, social activity, lawfulness and legitimacy.

Legality represents the unity of objective and subjective factors. The objective are related to the law-making and law enforcement activities of the state, state bodies and officials. The subjective – to the conscious, active behaviour of agents that create and implement the laws in practice. Legal awareness and legal culture act as the subjective content of legality [4, p. 437].

This phenomenon is an indicator of the quality of laws, the state of security, stability and law and order in society. Violation of the law entails a breach of the legality. The operation of legal laws is a normative condition for the onset of legality. The spiritual basis is the level of culture, morality, education and humanity of society.

According to the Russian corresponding member of the Russian Academy of Sciences S.S. Alekseev, legality is the "heart and life" of law.

The rule of law for the state is a necessary means of ensuring power, the foundation of functioning, stability, strength, and durability. For citizens, this is the only legal way to ensure their rights, freedoms, and meet their needs.

Legality is a manifestation of the triumph of law. It reflects the requirements of society to the state and law, law to the state, to the citizen, the individual to the law and their implementation in public relations.

Legal legitimacy is derived from democratic power, it is a meritocracy (government by the worthy). The legality relies on the rule of law, popular representation, separation of powers, the state, its agencies, officials within the Constitution and adopted regulationsin accordance with it. It requires priority of the Basic law, principles of international law, prohibition of forcible change of the constitutional order (articles 2, 3, 5–8 of the Constitution of the Republic of Belarus), etc.

The Constitution proclaims the mutual responsibility of the state and the citizen (article 2). The protection and patronage of the state is guaranteed to every citizen of the Republic of Belarus (article 10). It emphasizes the equality of all before the law, equal protection of rights and legitimate interests (articles 10, 22). The state ensures in practice the exercise of the rights and freedoms of citizens: the right to life, inviolability, the presumption of innocence, protection from unlawful interference with personal life, freedom of opinion, beliefs, etc.

Legality is based on the following legal principles: justice, democracy, equality before the law, unity of rights and obligations, inevitability of punishment (penalty), responsibility for guilt, presumption of innocence, inviolability of property, freedom of speech, equality of participants in civil legal relations, their integrity and reasonableness, administration of justice only by the court, transparency of judicial proceedings, ensuring the protection of citizens' rights and freedoms, respect for the honor and dignity of the individual, etc.

Manifesting the level of humanism, the nature of the social system, the idea of legality rises in the legal civil state to the category of the rule of law [5, p. 265]. This implies legitimation, filling positive law with the principles and basic provisions of natural law. The legitimized right, receiving mandatory state institution, legalization, is implemented in practice in the lawful behavior of all its subjects.

The law expressed by the legislator is a formalized product of awareness of the essence of legal reality. According to Karl Marx, it is the law that is the true expression of the legal nature of things and must adapt to it, and not vice versa [6, p. 122]. Social relations are developing, maturing, and being consolidated in a legal form. We can speak about "catching up" and "advancing" legislation. There should not be a large gap between reality and its legal form.

It is necessary to regard as fair the viewpoint of Belarusian Professor N.V. Silchenko that not everything that is regulated by law and protected by the state is a right, and not everything that is a right is protected by the state and regulated by law. Therefore, the fact that non-legal public relations are formally included in the law does not make them legal [7, p. 88–103, 247]. Sometimes this relationship is ill-conceived, artificial,

and contradictory. Of course, if you are guided by arbitrariness, narrow self-interest, short-term perspective, political expediency, you can regulate any relationship by law, but from the point of view of maintenance, efficiency, compliance with the law – this will contradict its essence and will not give a positive result. Non-legal law creates an imaginary, false legality that violates the rights and freedoms of citizens, contradicts and falsifies its content characteristics.

The law can effectively regulate only legal social relations that correspond to it in form and content. Therefore, the law, as well as legality, must be legal.

According to the law of the Republic of Belarus of July 17, 2018 No. 130-3 "On normative legal acts", the law is a normative legal act that establishes the principles and norms of legal regulation of the most important public relations. These are relations of state power, ownership, distribution, rights and freedoms of citizens, and legal responsibility.

In a modern civil society based on the rule of law, the rule of law acquires its own existence, independent of state power, including democratic legal principles, private law and fundamental human rights. It is this category, in contrast to the right of power, that reveals the right from the humanitarian side, corresponds to the ideals of freedom and independence [5, p. 273]. According to the Austrian economist and philosopher Friedrich von Hayek (1899–1992), the concept of legality is not only a shield of freedom, but also a legal mechanism for its implementation [8, p. 123–128].

Legal legality is the strict implementation of the legally established natural law in the activities of all its subjects. The legal law is regarded as a formalized and implemented right that creates favorable legal conditions for the life of the population in demographic, economic, social, material and cultural spheres. It provides for the regulation and protection of public life, reflects social laws and regularities, and expresses the progressive interests and needs of the people. The law is based on democracy, morality, justice, humanism, solidarity and mutual responsibility of the state and the individual.

The rule of law is based on real compliance with the principle of formal equality before the state power, the law, the court, in the sphere of production, distribution, and possession of rights, freedoms, and duties. Formal equality is based on the rule of law (law), democracy, separation of powers, independence of the judiciary, control of civil society, and the operation of legal laws in a state governed by the rule of law.

For the state, the absence of the law is less harmful than its illegality and illegitimacy, non-compliance and inaction. Otherwise, the meaning is lost not only in laws, but also in the state and law, and their fundamental foundations are undermined.

Through legality, the connection between idea and reality, due and existent, theory and practice is realized. Legality provides answers to the questions: what, where, to whom, to what extent, how, for what purpose, is the legal law observed?

Legality goes from the general obligation of law, subordination to the law, its supremacy, equality, the inevitability of punishment to the conviction of its rightness, legitimacy, positivity and usefulness.

The supreme, basic law that determines the life of society, the state and the individual is the constitutional law. It is the concentrated expression (cluster) of law, the concentration of freedom and necessity, truth and justice, mutual responsibility of the state and the individual, ensuring the rights, freedoms and duties of citizens. Constitutional legality is the highest form of legal legality based on the supremacy of the Constitution and law. It is related to the authority and respect for the Constitution, legal laws, and their guaranteed compliance and enforcement.

Legal legality, as a fundamental legal category, is the embodiment of law. It is based on the recognition and support of the people and the strength of the state.

Legal legality is inextricably linked to justice. For justice, which has a social content, the legal aspect is the most precise and important. It is considered as an action under the legal law, based on the principle of formal equality before the law and the court. It includes objectivity, evidence, and impartiality of the decision of a legal case, regardless of the persons, their property and power status.

Legal and constitutional legality is one of the necessary conditions for the formation and functioning of the rule of law. The extent to which the state has become legal is indicated by the legal nature of the laws and the extent to which they are implemented.

When a law is established, recognized, and supported by the people, it becomes legal due to its material, social, spiritual, and moral content. Only by mastering the consciousness of the masses can it be fully realized. According to Russian Professor A.V. Polyakov, only a legitimate legal law should be implemented [9, p. 622–623].

Since the rule of law depends to the greatest extent on the state and state structures in the field of rule-making and law enforcement, one deals primarily with the responsibility of deputies and civil servants, law enforcement officers who give life to the law.

R.F. Yering (1817–1892) – the German jurist, Professor at the universities of Basel, Vienna,

and Göttingen in his work "Struggle for law" called violation of the law by the authorities a legal murder [10, p. 64].

A law detached from the interests of the people and not supported by them will not work. The main task is to provide a mass level of its feasibility. It is impossible to monitor the compliance and enforcement of the law by each member of the society. The best monitor is the conscience, faith, self-discipline, and self-awareness of every citizen who is sure that their demands are right.

The position of the Belarusian Professor S.G. Drobyazko, who regards legal legality as the supremacy, indisputability, and triumph of legal laws in the legal establishment and legal implementation, seems to be justified. This is a state of legal reality, when in case of violation, the violated rights are restored without delay, and the guilty are punished [11, p. 373]. Studying legality as a method, principle, and regime, the author believed that in modern conditions, legal legality presupposes that the state and the law are bound by law. At the same time, it includes: the adoption of legal laws and bylaws based on them; a mechanism for implementing current legislation; a prevention system aimed at preventing offenses; exposing and punishing offenders in strict accordance with the legal law; restoring the violated rights and legitimate interests of victims [11, p. 374].

The core of legality is discipline [12, p. 437], the strengthening of which leads to the strengthening of legality.

Discipline (lat. disciplina) is the mandatory submission of all members of the team to a firmly established order, norm, rule [13, p. 169–170].

Discipline is based on the implementation of the established norms of law, morals, religion, or the guidelines of an organization. Thanks to it, social connections between people, peace, normal, rhythmic order and well-being are established and maintained.

A disciplined person is a diligent, conscientious, obliging person who is used to order, submission, and subordination. Discipline involves punctuality, responsibility, activity, exacting oneself and others, strict, scrupulous, unquestioning execution of orders and tasks.

As the state and law increasingly acquire legitimacy and sociality, the form and content of the discipline changes. It is becoming more and more conscious, voluntary, based on the belief in justice and the need to fulfill its requirements, the usefulness of following the guidelines. External, violent discipline turns into internal self-discipline based on morality, conscience, and universal values.

Discipline is based on power and subordination, equality of rights and duties of its subjects.

A major role in ensuring discipline is played by the leader (commander, military chief, General Secretary, President, captain, leader, authority). It is he who has a special responsibility for decision-making. A professional, smart, honest, fair, strong-willed, charismatic leader, thanks to his personal example, intellectual, strong-willed, moral qualities, is able to ensure order, inspire and lead the people's masses to perform enormous tasks. History knows many examples when, thanks to heroism and iron discipline, it was possible to perform "unsolvable" tasks (the implementation of industrialization in the USSR, the implementation of the "New deal" by F.D. Roosevelt in the United States, the victory of the Soviet people in the Great Patriotic war, etc.). Discipline tenfold increases the potential and strength, helps to use hidden reserves due to organization and cohesion.

There is no contradiction between discipline and democracy, because ultimately, discipline serves democracy. Democratic discussion of the issue is possible before the adoption stage, but after the adoption, there is a discipline of law enforcement.

State discipline is a procedure established by the state for strict and steady performance by state bodies, officials, enterprises, organizations and citizens of their duties and functions [14, p. 445].

In the Republic of Belarus, much attention is paid to strengthening executive discipline. The Directive of the President of the Republic of Belarus No. 1 of 11.03.2004 (as amended on October 14, 2015) "On measures to strengthen public safety and discipline" pays special attention to ensuring healthy and safe working conditions. Managers of organizations of all forms of ownership are required to ensure that employees are unconditionally brought to disciplinary responsibility, including dismissal, for appearing at work in a state of alcoholic, narcotic or toxic intoxication, drinking alcoholic beverages, using narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues, toxic substances during working hours or at work place. Employers are prohibited from allowing employees to work on faulty equipment, or in the absence of its testing, inspection, or technical inspections. Systematic monitoring of the physical condition of employees engaged in work with harmful and (or) dangerous working conditions or increased danger is introduced.

In accordance with article 91 of the Code of the Republic of Belarus "On the judicial system and status of judges", judges are subject to disciplinary responsibility for violating the requirements of the law in the administration of justice, for violating the code of honor of a judge of the Republic of Belarus, for non-compliance with internal labor regulations, and for other disciplinary offenses.

The Disciplinary Statute of the Internal Affairs bodies of the Republic of Belarus (approved by the decree of the President of the Republic of Belarus 29.05.2003 № 18), defines the service discipline as strict compliance by the police of their duties established by legislation, including the Charter, the Oath, Rules of professional ethics, concluded contracts on service in bodies of internal Affairs and the orders of superiors.

Military discipline is strict and precise observance by all military personnel of the order and rules established by the legislation of the Republic of Belarus and military regulations. It is based on the awareness of each serviceman of military duty and personal responsibility for the protection of the Republic of Belarus (part 1. Chapter 1. of the disciplinary Charter of the Armed Forces of the Republic of Belarus, approved by the decree of the President of the Republic of Belarus on June 26, 2001 No. 000).

Article 193 of the Labor code of the Republic of Belarus defines the concept of labor discipline as mandatory for all employees to submit to the established labor order and properly perform their duties. Executive discipline is defined as the execution of orders, instructions, and prescriptions by managers, specialists, and teams of enterprises headed by them. Employees are responsible for performing their work duties. The employer is responsible for ensuring production discipline in full [15, p. 529–530].

Contractual discipline is the establishment of economic relations of enterprises on a contractual basis, with compliance with contractual obligations and responsibility of economic entities.

It is based on the principles of the rule of law, priority of public interests, equality of participants in civil relations, inviolability of property, freedom of speech, integrity and reasonableness of participants in civil legal relations, inadmissibility of arbitrary interference in private affairs, etc. (article 2 of the Civil Code of the Republic of Belarus). Contractual discipline is based on proper performance of obligations (article 290 of the Civil Code of the Republic of Belarus).

The concepts of "discipline", "performance" and "legality" are in a dialectical relationship. Discipline and legality require diligence. The latter is possible only within the framework of a certain discipline and legality. Without discipline, legality is not possible, and discipline that is not based on law or rule can turn into arbitrariness, lawlessness, and violence.

Legality is the discipline of the law, its binding, unconditional, and unavoidable implementation. The basis of the discipline is the implementation of the rules, norms introduced into action through the code, law, presidential decree, etc., which serve as its legal basis.

Legality is the implementation of a legal rule based on state coercion, the system of punishments, as well as on the belief in its rightness, justice and legality.

Discipline requires endurance, the ability to mobilize, manage your emotions, not giving in to fear, and concentrating strength. Through discipline, social connections are established in the process of joint activities, social order is maintained and strengthened, desirable relationships between people are formed, and material and spiritual values are created. Discipline is based on the coordination of actions of subjects and subordination of their relations. In order for the discipline's requirements to be perceived as fair and legitimate, unity, equality in relation to all subjects of influence and the reasoned nature of its requirements are necessary. Discipline requires resources: political, economic, legal, and cultural.

On the one hand, the rule of law is part of the state discipline, so the demands made to public servants simultaneously constitute the content of discipline, on the other hand, discipline also contains some moral obligations that are not reflected in the norms of law. The content of discipline consists not only in compliance with general rules, but also in the execution of individual instructions and orders.

Order is an integral part of discipline. Order can be defined as a correct, established state, location, sequential course of something related to the observance of accepted rules and customs.

Social order is the order of social relations that contributes to their organic interconnection and leads to consistency, rhythm, integrity and consistency. This is order in all spheres of public life: economic, political, environmental, scientific, etc.

The nature of law manifests itself in establishing order, organizing public life, and creating a "peaceful" environment. According to Russian Professor V.P. Malakhov, public order is a legal, not a general social category, since it arises exclusively with the appearance of law [16, p. 237]. It is difficult to agree with this, since social order appears with the emergence of society, and is first regulated by mononorms, customs, traditions, morals, and only then by law. Obviously, we can talk about different levels of public order. Undoubtedly, it is higher when public relations are regulated by law, especially if it is supported by the entire system of social regulation.

The core of public order in a state-organized society is the rule of law. The rule of law appears as a habitual stereotype of the behavior

of people who observe customs, traditions, and are accustomed to discipline and organization. As social life becomes more complex, the role of law and order in society will only increase.

Law and order is regarded as a necessary condition for the functioning of the state and the individual in the most important areas of their life. It provides protection, stability, and implementation of citizens' rights and freedoms and serves as the goal of legal regulation. Being a complex, multi-border phenomenon, it needs an integrated approach.

Law and order is a concentrated expression of order. This is the legal result that the state authorities and all subjects of law strive for. In a narrow sense of the word, it is an order in public places regulated by criminal and administrative legislation. In a broad sense, it is the regulation by law of all public relations that are in the sphere of legal influence. The scientific doctrine of law and order is insufficiently developed [17, p. 534].

As before, the legal literature discusses the question of the time of the emergence of law and order and its qualitative content. The starting point for the emergence of the rule of law, which has a historically determined character, is the emergence of the state, law, and legislation. In the proper sense of the word, one can speak of a true legal order only under democratic, humanistic regimes, when law manifests itself as the art of good and justice, not only de jure, but also de facto. In non-democratic forms, it is a legal shell of arbitrariness and violence [17, p. 535]. This provision is valid from the point of view of the natural law concept. From the point of view of the positivist (normativist) position, the state generates law and establishes the rule of law, where the state itself acts as its organized form (G. Kelsen). What state and laware like, such is the rule of law.

It seems that any state uses law to regulate public relations and establish a legal order that is identical to the nature, essence and form of the state. It has a specific historical character (pre-constitutional and constitutional), both in form and content, and has its own specifics in various political regimes. The best conditions for establishing and strengthening the rule of law are provided by a democratic social state governed by the rule of law.

Society objectively needs a legal order that is based on law, morality, and the expression of people's urgent needs and interests. It must be stable and guaranteed.

The rule of law is inextricably linked to the rule of law, and these categories do not exist separately from each other. They are connected with the state power and need the support of the people.

The legal order is the order of relations between legal entities in the sphere of legal regulation. This is the degree of implementation, materialization of legality in practice, in action. It is linked to the full and accurate implementation of legal prescriptions by all subjects of law.

In legal literature, the concept of "law and order" is defined in different ways: as a political and legal regime; a system of legal relations protected by the state; the result of legality, respect for the rights, freedoms and obligations of citizens; the regime of subordination of subjects to legal regulations; the form of implementation of law and the embodiment of legality in real relations; the state of order of public relations based on law; internal consistency and regularity of the system of legal relations with the principles of legality, democracy, humanism, rights and obligations of legal entities, etc.

The legal order is a coherent and comprehensive formation. However, not all areas of social life that are part of the rule of law or actively affect it are regulated by regulatory legal acts. The rule of law is also formed by social regulators that do not have a legal content, but without which it is impossible (moral, religious, civil, corporate). It is based on conscience, public opinion, habits, customs, spiritual and religious values at the mass level.

Acting together, they are transformed in the behavioral interaction of people, giving them higher quality characteristics and generating a new state and property of social existence.

The main goal of any state is to establish a general public order. It arises and exists there, then and to the extent where, when and to what extent the state authorities are interested in it and can afford it. First of all, the government establishes and maintains an official legal order, protects against violations, and, if necessary, defends. If the government itself is, in fact, guided mainly by anti-norms, then this destroys the official order. The modern level of order in society in the conditions of entropy, individualization and commercialization of relations can only be maintained by a powerful state apparatus with all its attributes. A self-organizing civil society can provide little support so far, due to its underdeveloped, unformed structures and disjointed members.

According to Professor V.P. Malakhov, the civil legal order has specific features: it is based on a system of values, not institutions; it is established by itself, since its origin is social relations that lead to the emergence of rights and obligations; it is dynamic and represents an unstable balance of public relations; it is reproduced using the mechanism of customary law; it is synthetic, because it is provided by all social groups and aimed at the agreement of mutual interests; it is a cultural phenomenon; fragmentary, internally contradictory;

it reproduces social relations in positive and negative forms [16, p. 236–239]. This point of view is of considerable interest, because legislative and law-enforcement mechanisms based on civil society institutions play a decisive role in the formation, maintenance and strengthening.

Law and order is established primarily by state bodies: the police, the prosecutor's office, the courts, the investigative committee, the state control committee, the state security committee, tax authorities, customs, etc. However, it cannot function normally without the joint actions of not only the state, but also civil society, morality, culture, religion, traditions, etc. Civil society acts together with the state: the civil court, mediation, freelance employees of the investigative committee, the prosecutor's office, various public councils, citizens who participate in investigative actions as witnesses, statisticians, etc. We also need a high level of victimological culture of the population, internal readiness to comply with laws and protect themselves from offenders.

In order to move law and order from the sphere of theoretical considerations to the practical plane, a system of state and public guarantees is necessary.

Guarantee (Fr. garantie) – guarantee, surety, security, pledge, condition that provides something [18, p. 111]. Guarantees are a system of factors and measures that ensure accurate and consistent implementation of legal requirements [19, p. 468].

Conclusion. Guarantees of law and order represent a certain set of organizational, economic, political, ideological factors and legal measures that ensure compliance with the law, protect the rights of citizens and the interests of society and the state. Guarantees include both a system of accompanying conditions and a set of measures aimed at ensuring law and order. Guarantees contribute to the implementation of legal requirements, their materialization and implementation of lawful behavior [20, p. 548]. Legal guarantees are a system of special legal means, ways and methods aimed at ensuring law and order.

The main conditions of ensuring democratic, social nature of law, its legitimacy, the expression in the law of the people's interests, the control of civil society over the activities of state government, developed economy, high level of education and culture.

The main directions of strengthening the rule of law in modern conditions are:

1. the expansion of subject areas, range of facilities associated with the increasing complexity, globalization, the digitalization of social relations, the introduction of information and communication technologies, their opportunities, risks and unpredictability, which manifests itself:

a) in the field of public administration in connection with the de-bureaucratization of the state apparatus, the creation of e-government, improving the functioning of local administration and self-government;

b) in the political sphere – the redistribution of power between the state apparatus and civil society, the increase in social activity of citizens in the conditions of "street", electronic democracy;

c) in the economic system – state support especially in the context of a pandemic of small and medium businesses and low-income categories of population, creation of state system of social guarantees (health, education, pensions), increase a producer's responsibility for manufactured products and services rendered, the development of digital, innovation economy, the introduction of breakthrough technologies;

d) in the field of implementation of machine-readable law – the creation of a unified, automated law enforcement mechanism that ensures the occurrence of legal liability;

2. legal and material guarantees by the state and civil society of the implementation of the rights and obligations of legal entities;

3. improving the content and formal aspects of the rule of law. The content aspect is aimed at increasing the expression in laws of objective trends in the development of society related to the progress and democratization of social life. Formal – related to legality, legislation meeting social needs, coherence of normative legal acts, ensuring the priority of the law in the hierarchy of legislation. The main source of law should be long-lasting and stable laws and codes of direct action that do not require a large number of by-laws and clarifying instructions.

Thus, legality and a solid rule of law, based on a reliable law enforcement mechanism, a system of state guarantees and supported by civil society, create the prerequisites for stable functioning and steady development of society.

All this requires improving the quality of legislation and more effective law enforcement in accordance with the principles of the rule of law, respect for the Constitution, legality, strict observance and protection of the rights and freedoms of citizens, the sanctity of laws and treaties [21, p. 462].

References

1. Dahl, V. Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vol. / V. Dahl. – M.: Rus. yaz., 1989. – Vol. 1. – 700 p.
2. Legal dictionary / N.A. Zhiltsov, D.A. Lipinsky, R.L. Khachaturov, O.I. Cherdakov. – M.: Publishing house International Law. Institute, 2009. – 704 p.

3. Cherdantsev, A.F. Latin expressions / A.F. Cherdantsev // Theory of state and law: textbook for universities. – M.: Yurayt, 1999. – P. 427–429.
4. Sokolov, N.Ya. Legality and law and order / N.Ya. Sokolov, A.A. Fedorchenko, R.V. Shagieva // Theory of state and law: textbook / ed. by R.V. Shagiev. – M.: Prospect, 2019. – P. 432–452.
5. Alekseev, S.S. Law in action / S.S. Alekseev // The theory of law. – M.: Publishing house BEK, 1995. – P. 209–275.
6. Marx, K. Collected works: in 50 vol. / K. Marx, F. Engels. – M., 1960. – Vol. 1. – 698 p.
7. Silchenko, N.V. The theory of the supremacy of law / N.V. Silchenko. – Minsk: Belarusian Nauka, 2015. – 288 p.
8. Hayek, F.A. The Road to serfdom / F.A. Hayek // Questions of philosophy. – 1990. – No. 11. – P. 123–128.
9. Polyakov, A.V. Law and order / A.V. Polyakov // General theory of law. Course of lectures. – SPb.: Publishing house "Legal center Press", 2001. – P. 622–638.
10. Iering, R. Struggle for the right / R. Iering. – M., 1991. – 87 p.
11. Drobyazko, S.G. Legal legality and legal order / S.G. Drobyazko // General theory of law: Manual / V.A. Abramovich [et al.]; under the general editorship of S.G. Drobyazko, S.A. Kalinin. – Minsk: BSU; publishing house "Four quarters", 2014. – P. 370–379.
12. Dahl, V. Discipline – military obedience, obedience, order of subordination, Chino-veneration / V. Dahl // Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vol. – M.: Rus. yaz., 1989. – Vol. 1. – 700 p.
13. Philosophical encyclopedia / main editorial Board: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. – M.: Sov. encyclopedia, 1983. – P. 169–170.
14. Mukhaev, R.T. Legality and law and order / R.T. Mukhaev // Theory of state and law: textbook for universities. – M.: "Prior publishing house", 2001. – P. 437–449.
15. Comment to the Labor code of the Republic of Belarus / under the general ed. of G.A. Vasilevich. – Minsk: Amalfeya, 2000. – P. 529–530.
16. Malakhov, V.P. Main elements of the legal theory of the state / V.P. Malakhov // General theory of law and the state. A course of lectures: textbook for law students. – M.: UNITY-DANA: The rule of law and law, 2018. – P. 215–242.
17. Borisov, V.V. Legal order / V.V. Borisov // General theory of state and law: academic course: in 2 vol. / ed. prof. N.M. Marchenko. – M.: Publishing house "Mirror", 1998. – Vol. 2: Theory of law. – 620 p.
18. Dictionary of foreign words / ed. by I.V. Lekhin, F.N. Petrov [et al.]. – 12th ed., stereotype. – M.: Rus. yaz., 1985. – 608 p.
19. Lazarev, V.V. Legality and law and order / V.V. Lazarev // Problems of the General theory of law and state. Textbook for higher schools. Under the general editorship of corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Jurid. V.S. Nersesyants. – M.: NORMA-INFRA publishing Group, 1999. – P. 465–476.
20. Lisyutkin, A.B. The Rule of Law. Discipline. Law and Order / A.B. Lisyutkin // Theory of state and law: lectures / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Malko. – M.: Norma, INFRA-M, 2016. – P. 543–565.
21. Demichev, D.M. Legal Consciousness and legal culture / D.M. Demichev, A.A. Bochkov // General theory of law: textbook. – Minsk: Vysheyshaya shkola, 2019. – P. 453–476.

Поступила в редакцию 15.10.2020

УДК 343.98:371.32:371.336

Технологическое обеспечение преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист»

Дмитриева Т.Ф.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Новые возможности для концептуального освоения различных аспектов образовательной и педагогической действительности открывает технологический подход. Однако в Республике Беларусь отсутствуют работы, посвященные технологическому обеспечению факультативных занятий юридической направленности, что является серьезным недостатком, не позволяющим полноценно реализовать программу практико-ориентированного образования и профессиональной ориентации школьников. Одним из средств решения этой проблемы нам видится технологический подход к сфере образования, к педагогическим процессам.

Цель научной статьи – определить технологии преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» путем выявления и описания особенностей их компонентов с учетом совокупности общепедагогических подходов к довузовской подготовке школьников и практико-ориентированного прикладного характера вузовской сугубо юридической дисциплины «Криминалистика».

***Материал и методы.** Исследование основано на практическом шестилетнем опыте автора, приобретенном при преподавании курса по выбору «Юный криминалист» в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова, определенных ранее теоретических основах конструирования содержания и структуры данного курса. Методологической базой изучения является система педагогических и общенаучных, частных научных методов криминалистики.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье сделан вывод о том, что наибольшее прикладное значение при технологическом обеспечении курса по выбору для школьников «Юный криминалист» представляют: 1) проблемная технология; 2) технология схемных знаковых моделей; 3) информационно-компьютерная технология преподавания дисциплины «Криминалистика». В работе раскрыта сущность каждого компонента предложенных технологий.*

***Заключение.** С учетом совокупности общепедагогических подходов к довузовской подготовке школьников и практико-ориентированного прикладного характера дисциплины «Криминалистика» определены основные технологии преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист». Значение проблемной технологии заключается в том, что учащиеся учатся разрешать проблемы, мыслить. Технология схемных знаковых моделей позволяет осуществить дифференцированный подход к обучаемым. Информационно-компьютерная технология в процессе обучения активизирует процесс преподавания, повышает интерес обучающихся к дисциплине «Криминалистика» и эффективность учебного процесса, позволяет достичь большей глубины понимания учебного материала. Технологическое обеспечение преподавания курса по выбору «Юный криминалист» способствует комплексному решению образовательных проблем и полноценной реализации программы практико-ориентированного образования и профессиональной ориентации школьников.*

***Ключевые слова:** технологическое обеспечение, допрофессиональное юридическое образование, технология курса, компонент технологии, юный криминалист, криминалистика.*

Technological Provision for Teaching Schoolchildren the Elective Course of Young Criminologist

Dmitriyeva T.F.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

New opportunities for the concept mastering of different aspects of educational and pedagogical activities are revealed by the technological approach. However, there are no works in the Republic of Belarus on the technological provision of optional classes in Law, which is a serious shortcoming that does not make it possible to implement properly the program of practice oriented education and schoolchildren's career guidance. We consider technological approach to the sphere of education and to pedagogical processes to be one of the means to solve the problem.

The research purpose is to identify technologies of teaching the elective course of Young Criminologist for schoolchildren by identifying and describing features of their components considering the combination of general pedagogical approaches to pre-university training as well as practice oriented applied character of the university Law discipline of Criminology.

Material and methods. *The research is based on the author's six year practical experience of teaching the elective course of Young Criminologist at Vitebsk State University and on the earlier determined theoretical bases of building the course content and structure. The research methodological basis is the system of pedagogical, general scientific and special criminology methods.*

Findings and their discussion. *The research conclusion is that the biggest applied significance of the technological provision of the elective course of Young Criminologist for schoolchildren is: 1) the problem technology; 2) the technology of scheme sign models; 3) the information and computer technology of the discipline of Criminology teaching. The essence of each of the components of the offered technologies is revealed in the article.*

Conclusion. *The combination of the general pedagogical approaches to pre-university schoolchildren's training and the practice oriented applied character of the university Law discipline of Criminology identifies main technologies for teaching the elective course of Young Criminologist. The significance of the problem technology is in the fact that schoolchildren learn to solve problems and to think. The technology of scheme sign models makes it possible to implement the differential approach to students. The information and computer technology promotes the teaching process, increases students' interest in the discipline of Criminology and the efficiency of the academic process, makes it possible to reach better understanding of the academic material. The technological provision of the elective course of Young Criminologist for schoolchildren makes it possible to solve academic problems and implement properly the program of practice oriented education and schoolchildren's career guidance.*

Key words: *technological provision, pre-professional legal education, the course technology, the technology component, young criminologist, criminology.*

Приоритетным направлением государственной политики является совершенствование подготовки школьников к осознанному, эффективному и творческому использованию средств новых информационных технологий в учебно-познавательной и будущей профессиональной деятельности [1, с. 3]. Образование прогрессирует в направлении совершенствования его содержания, научного исследования современных идей и технологий, использования новейших возможностей дидактики и теории воспитания в целях повышения эффективности образовательных структур [2, с. 3]. Представляется, что технологический подход к освоению различных аспектов образовательной и педагогической деятельности открывает новые возможности, к которым можно отнести: 1) выбор и разработку новых эффективных технологий и моделей решения социально-педагогических проблем, 2) управление и точное предсказание результатов педагогических процессов, 3) комплексное решение образовательных проблем, 4) оптимальное использование всех имеющихся в распоряжении ресурсов. Мы полностью солидарны с японским педагогом Т. Сакамото, по мнению которого технологический подход – это «внедрение в педагогику системного способа мышления» [цит. по: 2, с. 6].

Технологический подход к обучению в настоящее время активно разрабатывается учеными-педагогами, среди которых В.П. Беспалько, В.И. Боголюбов, М.Е. Вернадский, В.В. Гузеев, Т.А. Ильина, М.М. Левина, Е.С. Полат, Е.В. Попкова, Г.К. Селевко, А.И. Уман и другие российские и белорусские авторы, а также исследователи дальнего зарубежья, такие как Л. Андерсон, Дж. Блок, Б. Блум, Р. Мейджер, А. Ромашковски и другие. Однако технологические основы преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» в Республике Беларусь не анализировались. В частности, отсутствуют работы, посвященные технологическому обеспечению факультативных занятий юридической направленности. Между тем отсутствие исследований, в которых выявляются место и роль гуманитарных дисциплин в подготовке учащихся, является серьезным недостатком, не позволяющим полноценно реализовать программу практико-ориентированного образования и профессиональной ориентации школьников. Эффективным средством решения указанной проблемы нам видится технологический подход к сфере образования, к педагогическим процессам. Вышеуказанные обстоятельства подчеркивают актуальность необходимости проведения научного исследования по выбранной теме.

Цель научной статьи – определить технологии преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист», выявить и охарактеризовать особенности их компонентов на основе использования совокупности общепедагогических подходов к довузовской подготовке обучающихся и практико-ориентированного формата вузовской специфической дисциплины «Криминалистика».

Материал и методы. В основу исследования положены шестилетний практический опыт автора, приобретенный при преподавании в школе юных криминалистов Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; определенные ранее «Теоретические основы конструирования содержания курса по выбору "Юный криминалист"» [3] и «Структура курса по выбору для школьников "Юный криминалист"» [4]; специальная литература по педагогике и криминалистике по теме работы.

Исследовать проблему и обосновать результат позволила использованная при этом совокупность научных педагогических и кримина-

листических (общенаучных и частных) методов. При этом применялся логический метод изложения материала, оформления выводов. Информационно-аналитический метод, методы системного анализа, синтеза и обобщения использовались для выделения технологических особенностей курса, анализа и обобщения исследований ученых. При определении технологий преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» применялся метод моделирования и из частных научных методов – технико-криминалистические методы.

Результаты и их обсуждение. Термин «технология» (от греч. *техно* – искусство, мастерство, умение; *логос* – наука, учение; мысль, причина; методика, способ производства) и в широком смысле – совокупность методов, процессов и материалов, применяемых в каком-нибудь деле, а также научное описание таких методов; в узком смысле – комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на изготовление и/или эксплуатацию изделия с номинальным качеством и оптимальными затратами. При этом под термином "изделие" понимается любой конечный продукт труда (материальный, интеллектуальный и т.п.); под термином "номинальное качество" – прогнозируемое или заранее заданное состояние; под "оптимальными затратами" – минимально возможные затраты» [5, с. 98]. В настоящее время понятие «технология» используется в различных словосочетаниях: криминалистическая технология, педагогическая технология, образовательная технология, технология образования и т.п.

Современная технология объединяет в общий механизм метод, способ, прием, методику. Так, исходя из анализа многочисленных мнений ученых-криминалистов, констатируем: криминалистическая технология – это 1) наиболее целесообразный и эффективный способ осуществления неких трудовых операций в должной последовательности (Р.С. Белкин); 2) специфичность способа (метода) применения технических средств (В.Г. Болычев); 3) процесс, т.е. совокупность операций (действий), осуществляемых в определенной последовательности на основе специальных знаний (А.М. Зинин, Н.П. Майлис); 4) система, ориентированная на достижение цели (А.А. Калмыков); 5) неразрывно связанный комплекс последовательных процедур, которые выполняются нормативно зафиксированными способами действий с целью достижения запланированной эффективности деятельности (В.А. Юматов) [5, с. 100].

Педагогическая или образовательная (в более широком смысле) технология, согласно этимологии этого слова, означает науку о мастерстве педагога, являющемся лично его уникальным сплавом личностных особенностей, знаний и опыта [6, с. 22]. Относительно сущности педагогических технологий существует множество определений, предложенных В.П. Беспалько, И.П. Волковым, М.В. Клариным, Б.Т. Лихачевым, В.М. Монаховым, Г.К. Селевко, В.М. Шепель [7, с. 5–6], М.М. Левиной, П.И. Образцовым, В.А. Сластениным, Н.Е. Щурковой [8, с. 9–10] и др. Общепринятым и понятным для нас, в приложении к педагогической технологии курса по выбору для школьников «Юный криминалист», является следующее определение, наиболее точно отражающее ее сущность: «Педагогическая технология – это научное проектирование и точное воспроизведение определенной последовательности способов педагогического взаимодействия, гарантирующей достижение запланированного результата или создающей условия для его достижения» (И.И. Прокофьев и др.) [9, с. 9]. К аспектам понятия «педагогическая технология» ученые относят следующие: во-первых, научный аспект, в свете которого педагогическая технология – это часть педагогической науки, разрабатывающая основы (цели, содержание, методы) обучения и проектирующая педагогические процессы; во-вторых, процессуально-описательный аспект, который представляет собой описание технологического процесса; в-третьих, процессуально-действенный аспект, характеризующий осуществление процесса [7, с. 5; 8, с. 10; 10].

Определенная педагогическая эпоха порождала свое поколение технологий: 50-е годы ознаменованы появлением педагогической технологии, в 60-е годы возникла идеология программированного обучения, в 70-е годы развилась теория проблемного обучения, в 90-е годы общепринятой становится образовательная технология. В настоящее время существует четыре класса образовательных технологий: 1) традиционные методики, 2) модульно-блочные технологии, 3) цельноблочные технологии, 4) интегральные технологии. Выделяя основные характеристики указанных технологий, можно привести их в сравнении следующим образом:

основной учебный период традиционных методик – это урок; модульно-блочных технологий – модуль или цикл (занятий); цельноблочных и интегральных технологий – блок (занятий);

используемые методы обучения в традиционных методиках – объяснительно-иллюстративный и эвристический; в модульно-блочных технологиях – кроме указанных выше, еще и программированный; в цельноблочных технологиях – проблемный в дополнение ко всем перечисленным; в интегральных технологиях – объяснительно-иллюстративный, эвристический,

программированный, проблемный и модельный (с тенденцией к преобладанию);

преобладающие организационные формы обучения в традиционных методиках – беседа и рассказ; в модульно-блочных технологиях – беседа и практикум; в цельноблочных технологиях – лекция, беседа и практикум; в интегральных технологиях – семинар, практикум, самостоятельная работа и семинар-практикум;

основные средства диагностики в традиционных методиках – это текущие устные опросы без фиксации, обработки результатов и письменные контрольные работы по окончании изучения темы; в модульно-блочных технологиях – текущие письменные программированные опросы (тесты) без фиксации и обработки результатов, письменные программированные контрольные работы или зачеты по окончании изучения темы; в цельноблочных технологиях – текущие устные вопросы или письменные контрольные работы без фиксации и обработки результатов и устные или письменные зачеты по окончании изучения темы (типичными образцами цельноблочных технологий являются лекционно-семинарские системы разных видов); в интегральных технологиях – текущие устные опросы или письменные контрольные работы с фиксацией и обработкой результатов и устные или письменные зачеты (тесты) по окончании изучения темы (таблица) [10].

Таблица – **Сравнительный анализ основных характеристик образовательных технологий**

Основные характеристики	**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**			
	Традиционные методики	**Модульно-блочные технологии**	**Цельноблочные технологии**	**Интегральные технологии**
Основной учебный период	Урок	Модуль или цикл (занятий)	Блок (занятий)	Блок (занятий)
Используемые методы обучения	Объяснительно-иллюстративный, эвристический	Объяснительно-иллюстративный, эвристический, программированный	Объяснительно-иллюстративный, эвристический, программированный, проблемный	Объяснительно-иллюстративный, эвристический, программированный, проблемный, модельный (с тенденцией к преобладанию)
Преобладающие организационные формы обучения	Беседа, рассказ	Беседа, практикум	Лекция, беседа, практикум	Семинар, практикум, самостоятельная работа, семинар-практикум
Основные средства диагностики	Текущие устные опросы без фиксации, обработки результатов, письменные контрольные работы по окончании изучения темы	Текущие письменные программированные опросы (тесты) без фиксации и обработки результатов, письменные программированные контрольные работы или зачеты по окончании изучения темы	Текущие устные вопросы или письменные контрольные работы без фиксации, обработки результатов, устные или письменные зачеты по окончании изучения темы (типичными образцами цельноблочных технологий являются лекционно-семинарские системы разных видов)	Текущие устные опросы или письменные контрольные работы с фиксацией, обработкой результатов и устные или письменные зачеты (тесты) по окончании изучения темы

Анализ многочисленной педагогической и научно-методической литературы свидетельствует о том, что широкий спектр инновационных технологий качественно дополняет область образовательной технологии [11–13]. В условиях современности обеспечить педагогически грамотное обучение возможно только с арсеналом определенных образовательных технологий, которые в педагогике классифицируются по-разному [8, с. 12–17]. В связи с этим считаем возможным рассмотреть теорию отдельных технологий, имеющих наибольшее прикладное значение при технологическом обеспечении курса по выбору «Юный криминалист», среди которых:

1) проблемная технология;

2) технология схемных знаковых моделей;

3) информационно-компьютерная технология.

1. Технология проблемного обучения разработана Т.В. Кудрявцевым, И.Я. Лернером, М.И. Махмутовым. В ее основе лежит использование поисковых методов. Ключевое звено данной технологии – проблемная ситуация. Основная цель – развить эвристические умения и стимулировать познавательный интерес [8, с. 13]. Понимание материала учащимися связано с думанием, с мыслительной деятельностью. Психологи обоснованно утверждают, что человек начинает думать, размышлять, когда перед ним стоит какая-то задача – краткая словесная формулировка, содержащая данные для оперирования и требование по этим данным найти ответ [14, с. 17]. Поэтому проблема – это задача, затрагивающая за живое, возникшая в условиях проблемной ситуации и потому подталкивающая учащихся к поиску решения, стимулирующая такой поиск.

Существуют различные точки зрения на природу проблемной ситуации. В частности, А.М. Сохор считает, что проблемная ситуация – это обнажение, вскрытие противоречия между известным и сообщаемым [14, с. 42]. По мнению Ю.К. Бабанского, это ситуация познавательного затруднения, вовлекающая учащихся в самостоятельное познание элементов новой темы [15, с. 9]. А.М. Матюшкин под проблемной ситуацией понимает особый вид мыслительного взаимодействия субъекта с объектом, который характеризуется определенным психическим состоянием учащегося, возникающим при выполнении задания, требующего усвоения ранее неизвестного знания или способов действия [16, с. 352]. М.И. Махмутов под проблемными ситуациями имеет в виду учебные затруднительные ситуации, возникающие в момент принятия учащимся задачи, попытки ее решить и понимания недостаточности прежних знаний, что приводит к активной мыслительной деятельности учащегося, направленной на преодоление затруднения, т.е. на приобретение новых знаний, умений, навыков [17, с. 8]. А.М. Матюшкиным была предложена структура проблемной ситуации, включающая три элемента: 1) познавательную потребность в новом знании; 2) интеллектуальные возможности учащихся; 3) неизвестное, которое должно быть раскрыто [16, с. 352].

На основе анализа работ, раскрывающих теорию и методику проблемного обучения [16–19], технологию проблемного обучения можно представить в виде шестикомпонентной системы, включающей целевой, диагностический, аналитический, проектно-конструкторский, личностно-деятельностный, контрольно-коррекционный компоненты.

Целевой компонент технологии проблемного обучения применяется для: 1) формирования самостоятельности учащихся; 2) развития интереса к предмету; 3) формирования творческих качеств личности; 4) активизации познавательной деятельности обучаемых; 5) стимулирования поисковой деятельности учащихся; 6) овладения методами научного познания; 7) интеллектуального развития каждого школьника.

Диагностический компонент направлен на выявление уровня подготовленности учащихся к решению проблемы определенного вида и включает в себя умение решать проблему, а именно: умение ее сформулировать, проанализировать, найти известное и неизвестное, выявить противоречие, определить способы решения, собственно включиться в решение, проанализировать и оценить результат.

Аналитический компонент состоит из следующих элементов: 1) выявление специфики содержания конкретного учебного материала; 2) анализ уровня подготовленности учащихся; 3) оценка эффективности применения технологии проблемного обучения.

Проектно-конструкторский компонент включает: 1) моделирование всей деятельности учащихся по решению определенной проблемы, выделение степени самостоятельности их работы; 2) проектирование способов их создания и содержания проблемных ситуаций; 3) моделирование преподавательской деятельности и вариативное прогнозирование оказываемой учащимся помощи.

Личностно-деятельностный компонент представляет собой организацию проблемного обучения в виде реализуемой поэтапно взаимосвязанной деятельности преподавателя и учащегося. Так, на первом этапе осуществляется постановка проблемы и выявляются противоречия; на втором – анализируются условия задачи; на третьем – основная проблема делится на подпро-

блемы, составляется план решения; на четвертом этапе актуализируются знания и способы деятельности, приобретаются недостающие знания, которые соотносятся с условием решаемой задачи; на пятом этапе формулируются гипотезы; на шестом – составляется план решения; на седьмом этапе проверяются гипотезы и реализуется план решения; на восьмом этапе осуществляется практическая проверка правильности решения; на девятом – конкретизируются полученные результаты, устанавливаются их связи с известными ранее теоретическими положениями.

Контрольно-коррекционный компонент состоит из следующих элементов: 1) соотнесение поставленных целей и полученных результатов; 2) оценка результативности деятельности учащихся при решении проблемы; 3) оценка преподавательской деятельности, эффективности выбранных им методов, средств и форм организации педагогического процесса; 4) планирование и осуществление коррекционной работы при отсутствии ее результативности (несоответствие целей и полученных результатов) [6].

Значение проблемного обучения не сводится только к формированию у обучающихся познавательных процессов, а заключается в том, что учащиеся учатся разрешать проблемы, мыслить. Ведь на практике важно научиться усматривать задачи самостоятельно и находить пути решения. Формирование интереса к знаниям и создание проблемных ситуаций чуть раньше или чуть позже должно принести плоды и тогда станет интересна любая познавательная задача [14, с. 45].

2. Технология интенсификации обучения на основе использования схемных и знаковых моделей учебного материала разработана С.Н. Лысенковой и В.Ф. Шаталовым. Цель использования этой технологии – ускоренное формирование у всех учащихся прочных знаний, умений и навыков. Материал компонуется поблочно и вводится крупными дозами. В качестве средства интенсификации обучения применяются схемные и знаковые модели учебного материала. В основу обучения положен личностно-ориентированный подход. Для рассматриваемой технологии характерны многократное повторение изучаемого материала и поэтапный контроль за ходом его усвоения [8, с. 13]. В технологии интенсификации обучения на основе схемных моделей содержания учебного материала ключевая идея опоры воплощается на практике в виде использования опорных конспектов и схем изложения нового материала, закрепления и контроля сформированных знаний. «Схема позволяет расчленить сложные теоретические вопросы на ряд узловых моментов, что, с одной стороны, обеспечивает детальное рассмотрение сущности изучаемого педагогического явления и концентрацию внимания студентов на наиболее значимых его признаках, а с другой – позволяет сформировать синтетическое представление о нем» [8, с. 5]. Структура технологии интенсификации обучения на основе использования схем включает подготовительный, личностно-деятельностный и контрольно-коррекционный этапы.

Подготовительный этап состоит из трех взаимосвязанных стадий: аналитической, проектно-конструкторской и рефлексивной. *Аналитическая стадия* начинает подготовительный этап, на которой преподаватель осуществляет проектно-конструкторскую деятельность, базируясь на информационной составляющей данной стадии. К объектам указанной преподавательской деятельности относятся: во-первых, содержательная часть учебного материала; во-вторых, дидактические методы, формы и средства обучения (в том числе схемные и знаковые модели); в-третьих, развитие или совершенствование личности обучающегося. *Проектно-конструкторская стадия* подготовительного этапа технологии интенсификации обучения на основе использования схем обеспечивает начало конструирования содержания учебного материала путем построения его структурно-логической схемы с отражением в ней места конкретной темы среди всех тем курса. Среди составляющих преподавательской деятельности рассматриваемой стадии обязательной является создание схем, таблиц и опорных конспектов для обеспечения эффективности процесса обучения. *Рефлексивная стадия* становится завершающей для подготовительного этапа исследуемой технологии обучения. Задачами преподавателя на данной стадии выступают осмысление и адекватная оценка результатов осуществленной им на подготовительном этапе деятельности: целеполагания, диагностической, прогностической, аналитической, конструктивно-содержательной, конструктивно-материальной, конструктивно-операциональной. Подготовительный этап технологии интенсификации обучения на основе использования схем позволяет преподавателю курса по выбору «Юный криминалист» обеспечить почти индивидуальное и конструктивное взаимодействие с обучающимися.

Личностно-деятельностный этап является вторым компонентом технологической цепочки исследуемой технологии интенсификации обучения на основе использования схемных и знаковых моделей учебного материала. Эффективность реализации данного компонента на практике находится в прямой зависимости от качества и результативности организации преподавателем взаимодействия с обучающимися.

Контрольно-коррекционный этап завершает технологический цикл, на котором предметно-значимой является совокупность деятельности преподавателя и результатов учебно-познавательной деятельности обучающихся курса по выбору «Юный криминалист».

В ходе учебного процесса курса по выбору «Юный криминалист» в случае применения технологии интенсификации обучения на основе использования схемных и знаковых моделей последние могут служить средствами предъявления учебного материала и определения уровня усвоения обучающимися изученной темы [8]. Практическая реализация рассмотренной технологии способствует использованию дифференцированного подхода к обучающимся в школе «Юный криминалист», что является очень важным в случае обучения школьников азам науки криминалистики в условиях отсутствия базовых знаний юриспруденции. Например, юные криминалисты, имеющие низкий уровень подготовки, имеют возможность при ответах и выполнении практических заданий воспользоваться опорным конспектом для усвоения логики изложения материала, что позволяет им в итоге самостоятельно грамотно, доказательно отвечать, а также качественно продемонстрировать практические умения и навыки использования этих знаний при выполнении предложенного преподавателем задания.

3. Информационно-компьютерные технологии обучения разработаны Б.С. Гершунским, Е.И. Машбиц, И.В. Роберт, Е.С. Полат. Сообщение учебной информации и управление познавательной деятельностью учащегося осуществляется за счет применения педагогических программных средств. *Информационно-компьютерная грамотность* предполагает сформированность у обучающихся электротехнических, вычислительных, проектно-конструкторских, поисковых и информационно-компьютерных знаний и умений; характеризует необходимый и достаточный уровень подготовленности к эффективному использованию средств информационных технологий в учебно-познавательной деятельности. Под *информационной технологией* понимается совокупность методов, способов, приемов и средств сбора, обработки, хранения, передачи, представления, распространения информации, включая прикладные программные средства и регламентированный порядок их применения [8, с. 15]. При технологическом обеспечении курса по выбору для школьников «Юный криминалист» используется информационно-компьютерная технология обучения, предложенная Е.В. Гелясиной, которая реализуется в три этапа: подготовительный, личностно-деятельностный и контрольно-коррекционный [8].

Подготовительный этап информационно-компьютерной технологии включает четыре компонента: целевой, диагностический, аналитический, проектно-конструкторский. В рамках *целевого компонента* осуществляется формирование у каждого школьника информационно-компьютерной грамотности в сочетании с криминалистическими знаниями. *Диагностический компонент* предполагает диагностику уровня сформированности у обучающихся в школе «Юный криминалист» криминалистических знаний, умений и должного уровня их информационно-компьютерной грамотности. *Аналитический компонент* включает анализ фонда педагогических программных средств, специальной литературы по криминалистике для школьников, содержания и специфики демонстрационного материала, дидактических возможностей компьютера. *Проектно-конструкторский компонент* подразумевает следующую деятельность: 1) по построению структурно-логической схемы содержания курса по выбору для юных криминалистов; 2) по созданию проекта педагогической деятельности в школе «Юный криминалист», включающего определение методов, форм, средств обучения, оптимального педагогического материала и программных средств, естественно-научного эксперимента; 3) по модификации имеющихся и созданию новых программных средств для обеспечения эффективности обучения школьников; 4) по определению места и роли демонстрационного эксперимента на занятиях в школе «Юный криминалист»; 5) по планированию деятельности учащихся в условиях компьютеризации обучения.

Личностно-деятельностный этап информационно-компьютерной технологии включает блоки деятельности преподавателя в школе «Юный криминалист» и обучающегося, а также содержательно-процессуальный блок. При этом *деятельность преподавателя в данной школе* направлена на придание обучению юных криминалистов эмоционально-волевого характера, заключающегося в следующих аспектах: во-первых, в формировании мотивации обучения в школе «Юный криминалист»; во-вторых, в организации деятельности школьников по овладению криминалистическими знаниями и умениями и формированию информационно-компьютерной грамотности; в-третьих, в постановке перед учащимися целей и задач предстоящей деятельности на каждом конкретном занятии курса; в-четвертых, в развитии личности учащегося. *Содержательно-процессуальный блок* включает содержание

курса по выбору для школьников «Юный криминалист», а также информационно-компьютерное содержание, методы, формы, средства занятий в данной школе. В результате практической реализации вышеприведенных блоков осуществляется *деятельность обучающегося* в школе «Юный криминалист», которая заключается в проявлении эмоционально-положительного отношения к компьютеризированной деятельности на занятиях в следующих видах. Во-первых, в виде осознания школьниками целей и задач учебно-познавательной деятельности каждого конкретного занятия определенной темы курса; во-вторых, в виде развития у обучающихся потребности в овладении криминалистическими знаниями и умениями, в формировании информационно-компьютерной грамотности; в-третьих, в восприятии, осмыслении, запоминании, практическом применении учебного материала по криминалистике, последующем многократном их повторении и совершенствовании; в-четвертых, в осуществлении деятельности по творческому саморазвитию личности.

Контрольно-коррекционный этап информационно-компьютерной технологии обучения в школе «Юный криминалист» включает три блока следующей деятельности. Первый блок подразумевает *контролирующую деятельность педагога* результативности учебной деятельности школьников и их *самоконтроль,* заключающийся в соотнесении полученных результатов с поставленной педагогической целью; в эффективности использования методов, форм и средств; в педагогическом эффекте от применения программ на каждом конкретном занятии школы. Второй блок включает *самооценку* организаторской и коммуникативной деятельности и *оценочную деятельность педагога* результативности обучения: уровня сформированности у школьников криминалистических знаний и умений, уровня информационно-компьютерной подготовленности юных криминалистов. Третий блок содержит *корректировочную деятельность преподавателя* по усовершенствованию и модернизации комплекса средств обучения; коррекции содержания и методики преподавания курса по выбору для школьников, а также содержания и характера деятельности обучающихся в школе «Юный криминалист».

Использование информационно-компьютерной технологии в процессе обучения активизирует процесс преподавания, повышает интерес у школьников и эффективность учебного процесса, позволяет достичь большей глубины понимания учебного материала.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что сегодня педагогически грамотно осуществить обучение нельзя без арсенала определенных образовательных технологий, представленных в педагогике обширной классификацией. Наибольшее прикладное значение при технологическом обеспечении курса по выбору для школьников «Юный криминалист» представляют:

1) проблемная технология;

2) технология схемных знаковых моделей;

3) информационно-компьютерная технология.

Заключение. В результате проведенного исследования с учетом совокупности общепедагогических подходов к довузовской подготовке школьников и практико-ориентированного прикладного характера вузовской юридической дисциплины «Криминалистика» определены основные технологии преподавания курса по выбору для школьников «Юный криминалист». Значение проблемной технологии не сводится только к формированию у обучающихся познавательных процессов, а заключается в том, что учащиеся учатся разрешать проблемы, мыслить. Технология схемных знаковых моделей позволяет осуществить дифференцированный подход к обучаемым. Информационно-компьютерная технология в процессе обучения активизирует процесс преподавания, повышает интерес обучающихся к дисциплине «Криминалистика» и эффективность учебного процесса, позволяет достичь большей глубины понимания учебного материала.

Использование предложенных технологий преподавания школьникам дисциплины «Криминалистика» несомненно способствует совершенствованию подготовки обучающихся к учебно-познавательной и будущей профессиональной деятельности. Технологическое обеспечение преподавания курса по выбору «Юный криминалист» позволяет комплексно решать образовательные проблемы и полноценно реализовать программу практико-ориентированного образования и профессиональной ориентации школьников.

Литература

1. Попкова, Е.В. Подготовка будущего учителя естествознания к формированию информационно-компьютерной грамотности старшеклассников: учеб. пособие / Е.В. Попкова, О.С. Аранская. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2003. – 189 с.
2. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. / Г.К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – Т. 1. – 816 с. – (Серия «Энциклопедия образовательных технологий»).
3. Гелясина, Е.В. Теоретические основы конструирования содержания курса по выбору «Юный криминалист» / Е.В. Гелясина, Т.Ф. Дмитриева // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 1. – С. 9–15.

4. Дмитриева, Т.Ф. Структура содержания курса по выбору для школьников «Юный криминалист» / Т.Ф. Дмитриева // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 1. – С. 3–9.
5. Дмитриева, Т.Ф. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: монография / Т.Ф. Дмитриева; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2016. – 307 с.
6. Федотова, Г.А. Технологии профессионального образования: учеб. пособие / авт.-сост.: Г.А. Федотова, Е.Ю. Игнатьева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2010. – 142 с.
7. Педагогические технологии: учеб. пособие для студентов педагогических специальностей / под общ. ред. В.С. Кукушина. – М.: ИКЦ «МартТ»; Ростов н/Д: Изд. центр «МартТ», 2004. – 336 с. – (Серия «Педагогическое образование»).
8. Попкова, Е.В. Педагогические технологии в дефинициях, схемах, таблицах: учеб.-метод. пособие для студ. средн. и высш. пед. учеб. заведений, магистрантов, аспирантов, слушателей ИПК / Е.В. Попкова. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2004. – 137 с.
9. Сивашинская, Е.Ф. Педагогические системы и технологии: курс лекций для студентов педагогических специальностей вузов / Е.Ф. Сивашинская, В.Н. Пунчик; под общ. ред. Е.Ф. Сивашинской. – Минск: Экоперспектива, 2010. – 196 с.
10. Рузова, Л.М. Использование современных педагогических технологий в школьных курсах истории и обществознания [Электронный ресурс] / Л.М. Рузова // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». – Электрон. дан. – М.: ИД «Первое сентября», Оргкомитет фестиваля «Открытый урок», 2020. – Режим доступа: http://festival.1september.ru/articles/529036/, свободный. – Загл. с экрана. – Дата доступа: 12.07.2020.
11. Панфилова, А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.П. Панфилова. – М.: Изд. центр «Академия», 2009. – 192 с.
12. Гончарова, Е.П. Современные образовательные технологии в профессиональном обучении: конспект лекций / Е.П. Гончарова. – Минск: БНТУ, 2013. – 48 с.
13. Практическая педагогика: учеб.-метод. пособие на основе метода case-study / М.Р. Варданян [и др.]. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. – 188 с.
14. Сохор, А.М. Объяснение в процессе обучения: Элементы дидактической концепции / А.М. Сохор. – М.: Педагогика, 1988. – 128 с.
15. Бабанский, Ю.К. Проблемное обучение как средство повышения эффективности учения школьников / Ю.К. Бабанский. – Ростов н/Д, 1970. – 320 с.
16. Матюшкин, А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А.М. Матюшкин. – М.: Педагогика, 1972. – 524 с.
17. Махмутов, М.И. Проблемное обучение в опыте передовых учителей Татарии / М.И. Махмутов // Народное образование. – 1967. – № 4. – С. 8–9.
18. Лернер, И.Я. Процесс обучения и его закономерности / И.Я. Лернер. – М.: Знание, 1980. – 96 с.
19. Загвязинский, В.И. Теория обучения: современная интерпретация: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.И. Загвязинский. – М.: Академия, 2001. – 192 с.

Поступила в редакцию 30.07.2020

УДК 342.9:34.03

Справедливость и эффективность как принципы административной ответственности в Республике Беларусь

Козловская В.В., Карпенко А.М.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В сфере гуманитарных наук категории справедливости и эффективности тесно взаимосвязаны, они являются объектами постоянных научных исследований в современной юридической науке. Однако вопрос о соотношении справедливости и эффективности при реализации административной ответственности в Республике Беларусь в настоящее время остается малоисследованным, хотя и актуальным.

Цель статьи – рассмотреть справедливость и эффективность сквозь призму понятий «правовые принципы», «принципы права», «принципы административной ответственности», выяснить возможность и необходимость закрепления на уровне Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) эффективности в качестве одного из принципов административной ответственности.

***Материал и методы.** Материалом исследования являются справедливость и эффективность как правовые принципы, принципы права и принципы административной ответственности в Республике Беларусь. При изучении аспектов темы были использованы правовые нормы КоАП и других нормативных правовых актов Республики Беларусь. Эмпирическую базу образуют статистические данные о количестве зарегистрированных в Республике Беларусь административных правонарушений за период 2015–2019 гг. При этом применяясь общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).*

***Результаты и их обсуждение.** Справедливость и эффективность административной ответственности в Республике Беларусь рассмотрены сквозь призму понятий «правовые принципы», «принципы права», «принципы административной ответственности». На примере норм КоАП показано, как правовые принципы и принципы права зачастую не совпадают. Выявлено, что принцип эффективности, будучи не закрепленным в тексте КоАП, реально предопределяет содержание норм данного нормативного акта и тенденции развития правоприменительной практики.*

***Заключение.** Установлено, что справедливость и эффективность административной ответственности – разнопорядковые правовые явления. В сфере реализации административной ответственности справедливость выступает условием эффективности такой ответственности, но не наоборот. Данное обстоятельство представляется одной из причин того, почему закрепление правового принципа эффективности в качестве принципа административной ответственности на уровне КоАП нецелесообразно. Кроме того, поскольку полностью реализовать принцип эффективности в каждом конкретном случае привлечения к административной ответственности, априори невозможно, фиксировать его в тексте КоАП в качестве одного из принципов административной ответственности нет необходимости.*

***Ключевые слова:** административная ответственность, принципы права, правовые принципы, принципы административной ответственности, справедливость, эффективность.*

Justice and Efficiency as Principles of Administraive Liability in the Republic of Belarus

Kozlovskaya V.V., Karpenko A.M.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In the sphere of humanitarian sciences the categories of justice and efficiency are closely linked; they are the objects of regular scientific research in the contemporary science of law. However the issue of efficiency and justice correlation in the implementation of administrative liability in the Republic of Belarus is still little studied, though relevant.

The research purpose is to consider justice and efficiency through the prism of the notions of legal principles, principles of law, principles of administrative liability, to find out the opportunity and the necessity for fixing the efficiency as one of the administrative liability principles at the level of CAV.

***Material and methods.** The research material is justice and efficiency as legal principles, principles of law and principles of administrative liability in the Republic of Belarus. The research normative base is CAV legal norms and other legal acts of the Republic of Belarus. The empiric base is statistic data on the number of administrative violations registered in the Republic of Belarus between 2015 and 2019.*

In the course of the research general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and special scientific (formal and legal, comparative and legal, the method of legal norm interpretation) methods were used.

Findings and their discussion. *Justice and efficiency of administrative liability in the Republic of Belarus are considered through the prism of the notions of legal principles, principles of law, and principles of administrative liability. The example of CAV shows that legal principles and principles of law don's always coincide. It is found out that the principle of efficiency, which is not fixed in the text of CAV, determines the contents of the norms of this normative act and tendencies of the development of the law enforcement practice.*

Conclusion. *It has been found out that justice and efficiency of administrative liability are legal phenomena of different levels. In the sphere of implementing administrative liability justice is the condition for the efficiency of such liability but not the other way round. This is one of the reasons why fixing the legal principle of efficiency as a principle of administrative liability at the level of CAV is not advisable. Besides, it is impossible to fully implement the principle of efficiency in each definite case of administrative liability. It is not necessary to fix it in the text of CAV as one of the principles of administrative liability.*

Key words: *administrative liability, principles of law, legal principles, principles of administrative liability, justice, efficiency.*

В сфере гуманитарных наук категории справедливости и эффективности тесно взаимосвязаны, они являются объектами постоянных научных исследований в современной юридической науке. Изучению данных явлений уделяли внимание белорусские ученые В.Н. Бибило, Д.А. Воропаев, С.Г. Дробязко, Н.В. Сильченко, Т.В. Филипчик, а также российские исследователи О.А. Крапивина, Д.С. Кураженков, А.Н. Медушевский, А.А. Нелюбова и др. Вопросам принципов юридической ответственности посвящено множество исследований как советского, так и постсоветского периода. В современных научных публикациях данная проблема освещена в работах О.А. Козловой, А.Б. Панова, А.Н. Пугачева, О.С. Рогачевой, В.М. Шамарова и др. Однако вопрос о соотношении справедливости и эффективности при реализации административной ответственности в Республике Беларусь в настоящее время остается малоисследованным, хотя и актуальным.

По нашему мнению, актуализация общественного и научного интересов к данным явлениям зависит не только от конкретного исторического периода, политического режима, формы правления, традиций и культуры, сложившихся в той или иной стране, но также и от того, «по какую сторону баррикад» находится субъект, рассуждающий о смысловом содержании данных категорий. Очевидно, что в случае привлечения лица к административной ответственности справедливость приобретает особую актуальность именно для того, кого привлекают. В то же время эффективность привлечения к ответственности, как и эффективность административно-правовых норм, имеет наибольшее значение для лиц, реализующих функции нормотворчества и правоприменения.

Цель статьи – рассмотреть справедливость и эффективность сквозь призму понятий «правовые принципы», «принципы права», «принципы административной ответственности», выяснить возможность и необходимость закрепления на уровне Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях эффективности в качестве одного из принципов административной ответственности.

Материал и методы. Материалом исследования являются справедливость и эффективность как правовые принципы, принципы права в целом и как принципы административной ответственности в Республике Беларусь в частности. При изучении аспектов темы были использованы правовые нормы КоАП и других нормативных правовых актов Республики Беларусь. Эмпирическую базу образуют статистические данные о количестве зарегистрированных в Республике Беларусь административных правонарушений за период 2015–2019 гг. При этом применялись общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Результаты и их обсуждение. Несмотря на то, что принцип эффективности не назван в числе принципов административной ответственности, перечисленных в ст. 4.2 КоАП, в реалиях сегодняшнего дня его значение – прежде всего для правоприменительной практики – не становится меньше, скорее, наоборот. Категории справедливости и эффективности тесно связаны между собой, однако зачастую по-разному оцениваются участниками правовых отношений. Очевидно, причина подобных разночтений кроется в том, что для каждого индивида смысловое содержание справедливости и эффективности определяется тем, какие ценности являются для него значимыми и какой результат применения правовых норм наиболее желателен.

«Как философское, этическое, правовое и, в конечном счете, аксиологическое понятие, справедливость, – отмечает В.Н. Бибило, – имеет множество определений. Магистральной линией справедливости является требование соответствия между практической ролью человека в жизни социума и воздаянием общества за его деятельность» [1, с. 73]. Далее автор уместно цитирует слова А.И. Экимова о том, что «справедливость выступает как своего рода отражение многообразных интересов, поэтому представления о ней столь же изменчивы, как и представления об интересах» [цит. по: 1, с. 73].

Перед тем как рассмотреть принципы административной ответственности, необходимо выяснить, что такое принципы вообще и принци-

пы права в частности. Понятие «принцип» является объектом постоянных научных исследований не только в современной юриспруденции, но и в других сферах научных знаний.

В словаре иностранных слов *принцип* (лат. *principium*) толкуется как «основоположение, руководящую идею, основное правило поведения, действия» [2, с. 521]. В этом определении выражена специфика принципа как положения, которым следует руководствоваться в той или иной сфере деятельности [3, с. 182].

Правоведы толкуют данное понятие следующим образом. Например, по М.И. Байтину, «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [4, с. 123]. В.Н. Хропанюк уверяет: «Принципы права – это основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни» [5, с. 215].

Причины многозначности термина «принцип», основные методологические подходы к изучению проблемы принципов в юридической и философской литературе убедительно раскрыты в монографии А.Н. Пугачева, В.В. Козловской «*Принципы, функции, юридические свойства конституции*» [3, с. 182–185]. В данной работе выделены два основных подхода к решению проблемы понимания принципа в праве. *Во-первых,* в правовой науке выделяются принципы, сформулированные учеными-юристами, и они выступают в виде фундаментальных идей и идеалов, отражающих достижения правовой мысли, практического опыта, объективные закономерности развития общества, *но они не являются обязательными для субъектов права*. *Во-вторых,* в форме относительно самостоятельных элементов в системе права обособляются принципы, под которыми следует понимать исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений [3, с. 182].

О необходимости различать принципы-нормы (правовые установления) и принципы-идеи (правовые начала) пишет Н.А. Богданова: «Принципы-идеи как логические построения, служащие началом соответствующих теорий, по содержанию богаче принципов-норм, т.к. допускают различные варианты их нормативного воплощения в рамках заложенной в них идеи. Принципы-нормы всегда конкретны, что диктуется необходимостью их реализации в четких правовых предписаниях» [6, с. 168]. Четко разграничивает *правовые принципы* и *принципы права* В.М. Сырых: «…правовые принципы понимаются как категории правосознания, т.е. элементы правовой науки, отражающие основополагающие идеи и начала права, правового регулирования. Принципы же права составляют ту совокупность правовых принципов, которая получила закрепление в системе действующих норм права» [7, с. 63].

Таким образом, необходимо различать правовые принципы и принципы права, а в числе последних – принципы конкретной отрасли права и ее отдельных институтов. В нашем случае речь идет о принципах административной ответственности, которые являются частным случаем принципов юридической ответственности и принципов права. Под принципами юридической ответственности предлагается понимать «те основополагающие идеи и начала, которыми нужно руководствоваться при возложении мер юридической ответственности» [8, с. 143]. На уровне общей теории права выработаны следующие группы принципов, нашедших отражение в юридической ответственности:

– ***общие правовые принципы:*** *справедливости и гуманизма, законности, ответственности за противоправные деяния, единства юридических прав и обязанностей* и др. Данные принципы, открытые теорией права, распространяются на все отрасли права, характерны для права в целом [8, с. 144];

– ***конституционные принципы*** (закрепленные на уровне норм Конституции Республики Беларусь): *человек, его права, свободы и гарантии их реализации – высшая ценность* (ст. 2), *равенство всех перед законом* (ст. 22), *ответственность за вину и презумпция невиновности* (ст. 26), *закон обратной силы не имеет* (ст. 104) и др.;

– ***собственно принципы административной ответственности*** (перечисленные в ч. 1 ст. 4.2 КоАП): *законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма.* Поскольку указанные принципы закреплены на уровне норм КоАП, они однозначно относятся к категории принципов права (принципов-норм). Следует обратить внимание, что в данной норме КоАП нашли отражение всего лишь пять принципов, в то время как в доктрине таковых выявлено гораздо больше. Различные авторы выделяют множество перечней принципов юридической ответственности, большая часть из которых на нормативном уровне не закреплена, а существует в виде правовых принципов, выработанных доктриной права (принципов-идей).

Например, по мнению А.Ф. Черданцева, к принципам юридической ответственности относятся:

1) законность;

2) равенство перед законом;

3) целесообразность;

4) справедливость;

5) недопустимость двойной ответственности;

6) неотвратимость ответственности [9, с. 318–320].

В то же время у М.Н. Марченко данный перечень дополнен принципом *обоснованности,* В.С. Нерсесянц в числе принципов юридической ответственности выделяет *своевременность* и *правомерность* [10, с. 623; 11, с. 254–256]. Наряду с вышеуказанными принципами юридической ответственности в литературе выделяются и другие. При этом справедливость как принцип юридической ответственности признается всеми исследователями, в то время как эффективность ответственности не упоминается в числе принципов вовсе. Отсюда возникает вопрос: можно ли эффективность рассматривать в качестве принципа административной ответственности? И если да, нужно ли закреплять такой принцип на уровне норм КоАП? Или все же эффективность представляет собой более масштабную категорию, обозначающую правовой принцип, но не принцип права?

Как правило, на доктринальном уровне исследуется эффективность права, правовых норм, правового регулирования, законодательства и т.д., предлагаются различные трактовки данных категорий [12, с. 3; 13, с. 11–13]. Совместно со справедливостью эффективность рассматривается либо как одна из характеристик права [14], либо в контексте того, что справедливость выступает критерием эффективности права [15, с. 34]. В любом случае доктринальные разработки показывают, что по своему содержанию эффективность – понятие более широкое, чем справедливость, и вбирает в себя последнее. Рассмотрим поочередно каждый из этих феноменов.

Понятие справедливости в праве является достаточно исследованным, хотя и дискуссионным. Несмотря на все доктринальные разночтения, содержание принципа справедливости и гуманизма административной ответственности на законодательном уровне раскрыто в ч. 7 ст. 4.2 КоАП, согласно которой административная ответственность должна быть справедливой и гуманной, то есть административное взыскание должно назначаться с учетом характера и вредных последствий совершенного административного правонарушения, обстоятельств его совершения, личности физического лица, совершившего административное правонарушение. «Принцип справедливости, – отмечает А.Н. Пугачев, – охватывает своим содержанием следующие требования:

а) между правонарушением и санкцией должна быть соразмерность, т.е. ответственность должна соответствовать тяжести правонарушения;

б) за одно правонарушение лицо подлежит юридической ответственности только один раз (хотя одновременно могут быть применены несколько видов наказания);

в) соразмерность предполагает и индивидуализацию ответственности, при помощи которой обеспечивается возможность избрания различных средств правового воздействия в пределах, установленных законом санкций, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного противоправного деяния, личности виновного, обстоятельств, предусмотренных законом в качестве смягчающих или отягчающих ответственность и др.;

г) за противоправный поступок отвечает тот, кто его совершил (за рядом исключений, например по ст. 942 ГК за вред, причиненный несовершеннолетним, отвечают его родители, усыновители, опекуны);

д) применение санкций должно способствовать реальному восстановлению нарушенного права и возмещению причиненного ущерба» [8, с. 144].

Подобные показатели справедливости ответственности вбирают в себя и такие выделяемые отдельно принципы, как *недопустимость двойной ответственности* и *индивидуальность.* Универсальность рассматриваемого принципа проявляется и в том, что справедливость находится в системной связи с другими принципами юридической, в том числе и административной ответственности, и, кроме того, является системообразующим принципом, на что обращалось внимание в научных публикациях [16, с. 22].

В частности, по мнению М.Б. Мироненко, «в данном принципе [справедливости], как ни в каком ином, находят свое отражение идеи равенства, гуманизма, соответствия правовых норм моральным, наличия иерархии в защите общественных отношений. Содержание принципа справедливости юридической ответственности раскрывается также через принципы законности, индивидуализации, неотвратимости, виновности деяния. Юридическая ответственность справедлива, когда она законна, неотвратима, индивидуализирована и наступает за виновные деяния» [16, с. 10]. Идея справедливости выражается и конкретизируется в принципах законности, неотвратимости и ответственности за виновные деяния.

Все принципы административной ответственности находятся между собой в системном единстве. Будучи закрепленными на уровне нормативного правового акта принципами-нормами, они обладают свойствами норм права, и лицо, реализующее административную ответствен-

ность, обязано следовать им. Кроме того, все субъекты правоотношений обязаны соизмерять свое поведение с принципами административной ответственности. В конечном итоге реализация принципов административной ответственности проявляется в результатах ее применения, равно как и ее эффективность.

Считается, что термин «эффективность» заимствован из английского или французского языка, где он использовался для обозначения чего-либо «действенного, приводящего к нужным результатам» [17, с. 165]. Категория эффективности носит междисциплинарный характер и, например, в экономической теории понимается как соотношение между достигнутым результатом, целью и ресурсами, затраченными для достижения цели [18].

В юриспруденции существуют разные варианты определения данного понятия. «В науке, – отмечает В.В. Юнусов, – понятие "эффективность правовой категории" рассматривается поразному: как обоснованность, целесообразность и результативность; как достижение поставленной цели и использование для этого минимальных затрат материальных средств, человеческой энергии, времени; как оптимальный вариант поведения, необходимый для достижения определенной цели; как достижение наибольшего результата по поставленной цели; наконец, как максимально полезный для общества результат и т.д.» [19, с. 144].

Как видим, эффективность определяется именно через категории «цель» – «полезность» – «результат». В диссертации Т.В. Филипчик обобщены существующие в юриспруденции подходы к определению понятия «эффективность». Так, в рамках *первого (функционально-целевого) подхода* эффективность определяется как «достижение целей права, соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами». *Второй подход* характеризует *эффективность* как «способность норм права своевременно, при соразмерных затратах вызывать достижение социально полезного результата, соответствующего целям правового регулирования» [12, с. 9].

В соответствии с *третьим подходом* под эффективностью правовых норм понимается их способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении. *Четвертый подход* характеризует эффективность как минимизацию конфликтности общественных отношений [12, с. 9].

В контексте *пятого подхода (плюралистического)* эффективность рассматривается не только с позиции соотношения целей норм права и результатов их действия, а в самых разных аспектах, включая аксиологический (ценностный), социальный, психологический, экономический, целевой и др. С учетом многоаспектного характера проблемы такое направление в исследовании эффективности норм права представляется автору наиболее перспективным [12, с. 9–10].

Несмотря на разнообразие данных определений, очевидно, что эффективность административной ответственности представляет собой качественную характеристику результатов привлечения виновного лица к ответственности. В связи с этим мы поддерживаем точку зрения, в рамках которой эффективность ответственности рассматривается как степень достижения цели привлечения к ответственности, предусмотренной законодательством [19, с. 144].

По нашему мнению, поскольку административное взыскание является мерой административной ответственности (говоря иначе, оно показывает, «сколько такой ответственности отмерено» виновному лицу), постольку цель административной ответственности следует определять именно через цели административного взыскания, указанные в ч. 2 и 3 ст. 6.1 КоАП. В соответствии с данными нормами административное взыскание применяется в целях:

– *воспитания* физического лица, совершившего административное правонарушение;

– *предупреждения* совершения новых административных правонарушений физическими и юридическими лицами, которые уже совершили правонарушение;

– *предупреждения* совершения административных правонарушений другими лицами.

Кроме того, применение административного взыскания призвано способствовать *восстановлению справедливости* и является основанием для взыскания с физического или юридического лица возмещения вреда в порядке, предусмотренном законодательством (ч. 4 ст. 6.1 КоАП). Последнее правовое положение очень ярко иллюстрирует соотношение понятий справедливости и эффективности. И то и другое представляют собой качественные характеристики результата реализации административной ответственности. Однако если справедливость такой ответственности заявлена на нормативном уровне в качестве нормы-принципа, то принцип эффективности, не зафиксированный в КоАП в виде правовой нормы, существует на уровне правового принципа (принципа-идеи). Кроме того, справедливость является показателем реализации целей административной ответственности, следовательно, показателем ее эффективности.

Правовые принципы-идеи не всегда фиксируются в виде принципов-норм в тексте нормативного правового акта, однако фактически предопределяют содержание норм соответствующей

Таблица – **Данные о количестве зарегистрированных в Республике Беларусь административных правонарушений, по которым вынесены постановления о наложении административного взыскания, за 2015–2019 гг.**

Год	Количество зарегистрированных в Республике Беларусь административных правонарушений
2015	3,758 тыс.
2016	3,600 тыс.
2017	3,915 тыс.
2018	4,044 тыс.
2019	3,827 тыс.

отрасли права [3, с. 185]. Это в полной мере относится и к эффективности. Привлечение лица к административной ответственности не может быть признано эффективным, если не были соблюдены ее принципы, зафиксированные в ст. 4.2 КоАП, в том числе принцип справедливости, и не достигнуты ее цели, обозначенные в 6.1 КоАП.

Административная ответственность эффективна лишь тогда, когда в результате такого применения осуществлено воспитание правонарушителя, реализовано частное и общее предупреждение (превенция), восстановлена справедливость. Таким образом, о том, насколько эффективна административная ответственность, можно судить по следующим показателям:

1) если речь идет о воспитании (исправлении) конкретного физического лица, совершившего правонарушение, то как минимум оно предполагает, что индивид понимает недостойность своего поведения и не допускает совершения административных правонарушений (или преступлений) в последующем;

2) по аналогичному результату можно судить и о реализации частной превенции: несовершение повторно однородных административных правонарушений, а также иных административных правонарушений или деяний, которые имеют признаки преступлений, свидетельствует о том, что частнопревентивная функция административной функции достигнута. Повторность совершения административного правонарушения лицом, к которому было применено административное взыскание, мы считаем показателем неэффективности административной ответственности. Это означает, что лицо не убедилось в недопустимости совершения подобных поступков в будущем, пренебрегло предупреждающим эффектом привлечения к ответственности;

3) общая превенция оценивается по такому признаку, как несовершение впервые административного правонарушения [19, с. 146].

К сожалению, данные статистики, публикуемые ежегодно на официальном сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь, не дают возможности оценить все обозначенные показатели, поскольку в открытом доступе находятся лишь данные об общем количестве зарегистрированных в Беларуси административных правонарушений. Невозможно оценить и то, как часто имела место повторность совершения административных правонарушений или несовершение впервые административного правонарушения и, тем более, – каков общий объем возмещения вреда, причиненного административными правонарушениями.

Если обратиться к имеющимся статистическим данным о количестве зарегистрированных административных правонарушений, по которым вынесены постановления о наложении административного взыскания, то можно увидеть, что за последние 5 лет их максимум был зафиксирован в 2018 г. – 4043780 административных правонарушений в целом по республике. В другие годы общее количество административных правонарушений оставалось приблизительно одинаковым, допуская колебания в промежутке +/–5% [20]. Данные за период 2015–2019 гг. представлены в таблице.

Учитывая вышеизложенное, говорить о каком-либо существенном прогрессе по достижению целей административной ответственности, а следовательно, о ее эффективности – что могло бы выразиться хотя бы в значительном снижении общего количества административных правонарушений – не приходится. Приведенные данные говорят о том, что реализовать эффективность административной ответственности на практике на все 100% не получается.

Привлечение лица к административной ответственности не всегда является эффективным настолько, насколько это было задумано законодателем, принявшим соответствующие правовые нормы. Очевидно поэтому в 2019–2020 гг. была предпринята попытка по изменению содержания действующего КоАП. В настоящее время

первоначальный этап работы над обновленным текстом КоАП завершен и озвучены некоторые результаты этой деятельности. В частности, большое внимание при разработке текста нормативного правового акта было уделено закреплению новых профилактических мер воздействия на правонарушителя, трех разных категорий административных правонарушений, дифференциации административных взысканий и прочим моментам, направленным на усиление предупреждения совершения правонарушений.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что принцип эффективности не закреплен на уровне КоАП в качестве принципа административной ответственности совершенно резонно. Как было выявлено, он является не принципом ответственности (принципом права), а принципом-идеей, согласно которой общество нуждается в эффективном праве, выполняющем свои функции, позволяющем достичь социально значимых, желательных целей. В рассматриваемом нами случае эти цели прописаны в ст. 6.1 КоАП и (если говорить очень обобщенно) включают *воспитание, предупреждение* и *восстановление справедливости.*

Все нормы КоАП существуют и необходимы именно для реализации указанных целей и, следовательно, подчинены общей идее эффективности. Этот принцип-идея предопределяет не только содержание норм КоАП, но и тенденции развития правоприменительной практики.

Таким образом, принцип справедливости, являясь принципом права, имеет системообразующее значение для всех принципов административной ответственности, в то время как принцип эффективности, существуя только на уровне правовых принципов (принципов-идей), обладает всеобъемлющим характером и задает основные направления в правовом регулировании соответствующей группы общественных отношений и направления развития правоприменительной практики.

С учетом вышеизложенного, закрепление принципа эффективности в тексте КоАП в качестве принципа административной ответственности считаем нецелесообразным. В противном случае это потребовало бы от правоприменителя в каждом конкретном случае следовать этому принципу, добиваться его полной реализации, что на практике невозможно. Эффективность административной ответственности – недостижимый идеал, к которому необходимо стремиться, но воплотить вряд ли получится. И, тем не менее, он необходим – как основополагающий ориентир, руководящее начало, выражающее одну из важнейших ценностей общества и государства, в соответствующей сфере общественных отношений – сфере привлечения лиц к административной ответственности.

Возвращаясь к вопросу о видах принципов в праве, мы полагаем, что эффективность – это правовой принцип (принцип-идея), отражающий одно из основных начал правового регулирования, но не существующий в виде нормы права, не являющийся нормативным требованием.

Заключение. Принципы справедливости и эффективности административной ответственности в Республике Беларусь были рассмотрены сквозь призму понятий «правовые принципы», «принципы права», «принципы юридической ответственности». В результате выявлено, что справедливость является не только общеправовым принципом, но и принципом права, принципом конкретного правового института – административной ответственности.

На примере норм КоАП показано, как правовые принципы и принципы права зачастую не совпадают. Кроме того, проиллюстрировано, что принцип эффективности, будучи не закрепленным в тексте КоАП, реально предопределяет содержание норм данного нормативного акта и тенденции развития правоприменительной практики.

Подводя итоги, отметим, что категории справедливости и эффективности в административной ответственности неразрывно связаны. Поскольку справедливость выступает одной из целей административного взыскания, а следовательно, и целей административной ответственности, становится понятным, что применение справедливой санкции выступает критерием эффективности административной ответственности. Таким образом, справедливость и эффективность административной ответственности – разнопорядковые правовые явления. В сфере реализации административной ответственности справедливость является условием эффективности такой ответственности, но не наоборот.

Данное обстоятельство служит одной из причин того, почему закрепление правового принципа эффективности в качестве принципа административной ответственности на уровне КоАП нецелесообразно. Кроме того, поскольку полностью реализовать принцип эффективности в каждом конкретном случае привлечения к административной ответственности, априори невозможно, фиксировать его в тексте КоАП в качестве одного из принципов административной ответственности нет необходимости.

Литература

1. Бибило, В.Н. Справедливость приговора суда / В.Н. Бибило // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2019. – № 3. – С. 73–79.

2. Словарь иностранных слов / под общ. ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, проф. Ф.Н. Петрова. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Гос. изд-во иностр. нац. словарей, 1949. – 808 с.
3. Пугачев, А.Н. Принципы, функции и юридические свойства конституции: монография / А.Н. Пугачев, В.В. Козловская; под ред. В.В. Козловской. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2019. – 375 с.
4. Байтин, М.И. Сущность права: (Соврем. норматив. правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин; М-во образования Рос. Федерации, Сарат. гос. акад. права. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2001. – 413 с.
5. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. – 2-е изд., доп., испр. – М.: ДТД, 1995. – 377 с.
6. Богданова, Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова. – М.: Юристъ, 2001. – 256 с.
7. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. / В.М. Сырых. – М.: Юрид. Дом Юстицинформ, 2000. – Т. 1: Элементный состав. – 528 с.
8. Пугачев, А.Н. Принципы юридической ответственности / А.Н. Пугачев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2013. – № 13-2. – С. 143–144.
9. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 1999. – 429 с.
10. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект: Изд-во Моск. ун-та, 2018. – 636 [1] с.
11. Нерсесянц, В.С. Теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 272 с.
12. Филипчик, Т.В. Общетеоретические проблемы эффективности норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.В. Филипчик; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 26 с.
13. Панов, А.Б. О справедливости в административном праве / А.Б. Панов // Вестн. Урал. ин-та экономики, управления и права. – 2012. – № 3(20). – С. 11–24.
14. Кураженков, Д.С. Право как разумность, эффективность и справедливость [Электронный ресурс] / Д.С. Кураженков // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 10(18). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-kak-razumnost-effektivnost-i-spravedlivost. – Дата доступа: 24.07.2020.
15. Крапивина, О.А. Справедливость и правопорядок как критерии эффективности права / О.А. Крапивина, А.А. Нелюбова // Урал. науч. вестн. – 2016. – № 1. – С. 34–41.
16. Мироненко, М.Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2001. – 26 с.
17. Шашина, О.Ю. Исследование современных подходов к содержательной стороне экономической категории «эффективность» / О.Ю. Шашина // Транспортное дело России. – 2014. – № 5. – С. 165–168.
18. Эффективность [Электронный ресурс] // Академик: экон. словарь. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/16622. – Дата доступа: 24.07.2020.
19. Юнусов, В.В. О критериях и показателях эффективности административного штрафа / В.В. Юнусов // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. – 2018. – № 1. – С. 144–148.
20. Сведения о зарегистрированных органами внутренних дел административных правонарушениях, по которым вынесены постановления о наложении административного взыскания за 2015–2019 гг. [Электронный ресурс] // Единый государственный банк данных о правонарушениях. – Режим доступа: http://multilang.etalonline.by/ru/Term/Index/5769?langName=ru&size=25&page=4&type=0. – Дата доступа: 24.07.2020.

Поступила в редакцию 10.09.2020

УДК 336.71:331.101.3-057.86

Методика внедрения эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка

Богатырева В.В.[1], Костюкова С.Н.[2], Черевко Н.С.[2]

[1]Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
[2]Белорусский государственный университет

В результате анализа существующих теорий мотивации персонала выявлено, что мотивация сотрудников банка требует совершенствования и адаптации с учетом специфики деятельности специалистов банковского сектора.

Цель статьи – на основе изучения бизнес-процессов розничного сектора банка разработать методическое обеспечение по внедрению эффективной системы мотивации его специалистов.

***Материал и методы.** Базой для анализа послужили материалы Всемирного банка, Национального банка Республики Беларусь, Европейского банка реконструкции и развития и других международных банковских агентств. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, метод аналогии, а также концепция центров ответственности, система KPI показателей, рейтинговая оценка и др.*

***Результаты и их обсуждение.** Разработано методическое обеспечение внедрения эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка в виде поэтапного алгоритма действий: 1) анализ действующей системы мотивации и выявление ее недостатков; 2) выделение центров доходов и прибылей в розничном бизнесе банка; 3) разработка ключевых показателей эффективности деятельности специалистов и их классификация по новым признакам; 4) доведение плановых показателей до специалистов и оценка их выполнения; 5) ранжирование специалистов розничного бизнеса по категориям: «эффективные сотрудники», «ключевые сотрудники», «кандидаты на увольнение»; 6) расчет премии I уровня согласно разработанной шкале; 7) в случае достижения доведенных плановых показателей отдельным центром ответственности расчет премирования специалистов II уровня.*

***Заключение.** Применение разработанного методического обеспечения по внедрению эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка будет способствовать оптимизации его бизнес-процессов, ориентации на достижение финансового результата конкретным центром ответственности и банка в целом, созданию кооперации и координации в работе специалистов центров доходов и прибылей, а также формированию уровня их заработной платы по объективным критериям в соответствии с их уровнем мотивации.*

***Ключевые слова:** мотивация, финансовая мотивация, ключевые показатели эффективности деятельности, центр доходов и прибылей, методическое обеспечение, розничный бизнес банка.*

Methodology for the Implementation of an Efficient Motivation System for Bank Retail Business Specialists

Bogatyreva V.V.[1], Kostiukova S.N.[2], Cherevko N.S.[2]

[1]Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"
[2]Belarusian State University

Based on the analysis of the existing theories of personnel motivation, it was revealed that the motivation of bank employees requires improvement and adaptation, taking into account the specifics of the activities of the banking sector specialists.

The research purpose is to develop methodological support for the implementation of an efficient system of motivation for specialists based on the study of business processes in the retail sector of the bank,.

***Material and methods.** The analysis was based on the materials of the World Bank, the National Bank of the Republic of Belarus, the European Bank for Reconstruction and Development and other international banking agencies. The study used the following general scientific methods: cognition, analysis and synthesis, comparative analysis, analogy method, as well as the concept of responsibility centers, KPI system, rating assessment, etc.*

***Findings and their discussion.** The methodological support for the implementation of an effective system of motivation for bank retail business specialists has been developed in the form of a step-by-step algorithm of actions: 1) analysis of the current motivation system and identification of its shortcomings; 2) the allocation of centers of income and profits in the retail business of the bank; 3) development of key performance indicators of specialists and their classification according to new features; 4) communicating planned indicators to specialists and assessing their implementation, 5) ranking retail business specialists by categories: "effective employees", "key employees", "candidates for dismissal"; 6) calculation of the 1st level*

bonus according to the developed scale; 7) in the event that the adjusted targets are achieved by a separate responsibility center, the calculation of bonuses for Level II specialists.

Conclusion. *The use of the developed methodological support for the implementation of an effective motivation system for the bank retail business specialists will help to optimize its business processes, focus on achieving financial results by a specific responsibility center and the bank as a whole, create cooperation and coordination in the work of specialists from income and profit centers, as well as form their salaries according to objective criteria in accordance with their level of motivation.*

Key words: *motivation, financial motivation, key performance indicators, center of income and profits, methodological support, bank retail business.*

Мотивация персонала была, есть и остается одной из актуальных тем для всех субъектов хозяйствования, в т.ч. и для банковского сектора. Эффективность функционирования организации и достижение провозглашенных ею целей определяются работающим в ней персоналом. Регулярное изучение всех категорий персонала, понимание объективных потребностей сотрудников, их подлинных мотивов поведения, ведущих интересов и выбор соответствующих методов объединения отдельных индивидуумов в высокоэффективный, работоспособный коллектив позволяют руководителям в итоге решать сложные производственные задачи. Эффективная работа персонала – это, прежде всего, результат его мотивации.

Эффективная мотивация персонала является одним из наиболее существенных факторов конкурентоспособности современных банков, поскольку от эффективности деятельности специалистов будет зависеть степень достижения как стратегических, так и тактических целей коммерческого банка.

В банковской сфере стран Западной Европы и США в последнее время особого внимания заслуживает технология мотивации, которая основана на комплексной оценке ключевых показателей эффективности деятельности как всей организации в целом, так и каждого сотрудника в отдельности.

По мнению Дэвида Парментера, популярность такого подхода, называемого Key Performance Indicators (KPI), связана с тем, что в нем соблюдается принцип адекватного вознаграждения за полноценное достижение поставленных целей и выполнение стратегических задач. Это, в свою очередь, позволяет мотивированно и рационально распределить затраты по оплате труда персонала [1; 2]. При этом российскими специалистами в области менеджмента также отмечаются преимущества мотивационной модели на основе системы ключевых показателей, заключающиеся в возможности измерения, анализа и контроля качественных и количественных параметров деятельности сотрудников в различные временные периоды [3; 4].

Проблемами теории стратегического управления и концепции системы ключевых показателей эффективности деятельности занимались такие зарубежные ученые, как Ю. Вебер, М. Веттер, Р. Каплан, Т. Колер, К. Коффман, С. Майерс, П. Нивен, Д. Нортон, Н. Ольве, Ж. Рой, С. Рой и др.

Вместе с тем специфика деятельности банков предопределила необходимость совершенствования системы KPI и разработки инновационных механизмов мотивации персонала с учетом специфики банковской деятельности.

Научному исследованию причин деятельностной активности человека положили начало труды древних философов Аристотеля, Демокрита, Платона, Сократа. Непосредственное изучение мотивации человека относится к началу XX века. Значительный вклад в раскрытие этих вопросов внесли российские ученые В.М. Боровских, Л.В. Бороздина, Н.Ю. Войтонис, О.Н. Волгина, Е.П. Ильин, А.Ф. Лазурский, Н.Н. Ланге, А.Н. Леонтьев, Б.А. Сосновский, Д.Н. Узнадзе и др. В зарубежных источниках различным аспектам мотивации персонала посвящены труды Л. Гальвани, Ф. Герцберга, Ф. Гэлла, Дж. Карлсона, Ч. Магенда, Д. МакГрегора, А. Маслоу, Э. Мэйо, Г. Мюллера, У. Оучи, П. Роуза, Ф. Тейлора, А. Файоля, В. Штента и др.

В то же время следует отметить недостаточный объем исследований, относящихся к мотивации сотрудников банков. Большинство теорий применимо только к предприятиям сектора материального производства. Попытка анализа теории мотивации для коммерческих финансово-кредитных учреждений предпринята лишь некоторыми авторами Г.В. Астратовой [5], А.С. Афониной [6], О.Н. Волгиной [7], Л.А. Ивановской [8], С.М. Ильясовым [9], А.М. Пеговой [10] и др.

Так, Л.А. Ивановская отмечает, что система мотивации персонала в банках проходит ряд этапов развития, с ростом масштабов банковского бизнеса увеличивается число сотрудников, количество подразделений, усложняются бизнес-процессы, что затрудняет задачу разработки эффективной системы мотивации [8].

Это объясняется существующими особенностями деятельности специалистов банка, которые оказывают услуги финансового характера. Основными из них являются: мобилизация временно свободных денежных средств, предоставление кредитов, проведение расчетов и платежей

в национальной и международных платежных системах, консультирование, осуществление операций с ценными бумагами и др.

Доходы банка по указанным операциям занимают наибольший удельный вес в структуре его доходов, отсюда возникает особый практический интерес в исследовании видов мотивации специалистов банка, подходов к ее классификации, разработке прикладного методического обеспечения по внедрению эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка.

Цель статьи – на основе изучения бизнес-процессов розничного сектора банка разработать методическое обеспечение по внедрению эффективной системы мотивации его специалистов.

Материал и методы. Базой для анализа послужили материалы Всемирного банка, Национального банка Республики Беларусь, Европейского банка реконструкции и развития и других международных банковских агентств. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, метод аналогии, а также концепция центров ответственности, система KPI показателей, рейтинговая оценка и др.

Результаты и их обсуждение. В современной зарубежной и отечественной литературе по менеджменту категория «мотивация» имеет множество значений и трактуется по-разному. В рамках данного исследования нас интересует современный взгляд на определение понятия «мотивация». Для этого рассмотрим основные трактовки понятия «мотивация», используемые современными исследователями (таблица 1).

Из представленных определений следует, что мотивация рассматривается как:

– совокупность мотивов поведения и деятельности;

– система внутренних и внешних факторов;

– побудительная причина или потребности;

– процесс стимулирования и побуждения к действию.

Анализируя данные определения, можно сделать следующий вывод, что у современных авторов отсутствует единое мнение о понятии «мотивация», каждый имеет свое видение и трактовку, но при этом можно выделить общую отличительную черту, которая характеризует мотивацию как побуждение человека к деятельности.

На основании вышеизложенного для целей исследования необходимо уточнить и сформулировать следующее определение понятия «мотивация» с точки зрения его интерпретации в контексте выявления мотивации работника в организации.

«Мотивация – процесс, направленный на формирование мотива у работника путем применения различных видов стимулов, с помощью которых достигаются цели организации».

В управлении мотивацию можно рассматривать как основной процесс управления человеком, направленный на побуждение мотивов сотрудников и создание стимулов для их активации к эффективному труду.

Цель мотивации – это формирование и реализация комплекса условий, побуждающих человека к трудовой деятельности, направленной на достижение цели с максимальным эффектом и отдачей [11, с. 24].

Для достижения поставленной цели были изучены разработанные теории мотивации в их историческом развитии и представлены в [15].

Анализ теорий мотивации показал, что в коммерческих банках Беларуси практикуются две фор-

Таблица 1 – **Подходы к определению понятия «мотивация» в интерпретации современных исследователей**

Определение	Источник
Мотивация – процесс активизации работы людей и побуждения их к эффективному труду для достижения целей организации как средства удовлетворения их собственного желания	Д.С. Белов [11, с. 24]
Мотивация – процесс стимулирования себя и других к деятельности, которая направлена на достижение индивидуальных и общих целей организации	Р. Дафт [12, с. 512]
Мотивация – внутреннее состояние человека, составная часть характера, связанная с его интересами и определяющая его поведение в организации	Т.О. Соломанидина [13, с. 6]
Мотивация – выбор человеком того или иного поведения в комплексе влияния внешних и внутренних факторов	О.Н. Шинкаренко [14, с. 44]

Источник: разработка авторов на основе [11–14].

мы мотивации: материальная и нематериальная. Существующие теории в большинстве своем рассматривают психологический, внутренний или индивидуальный аспект мотивации, а также предполагают стабильные, инертные условия деятельности.

На наш взгляд, недостаточно разработок, в которых выявляются финансовые аспекты мотивации персонала банков.

Вместе с тем, по нашему мнению, специфике банковской деятельности в наибольшей степени соответствует выделение такого вида мотивации, как финансовая. В связи с этим нам видится необходимым обосновать экономическое содержание данного понятия: «*Финансовая мотивация сотрудников банка представляет собой систему мотивов и стимулов, измеряемых в денежном выражении и выплачиваемых сотрудникам в результате достижения ими намеченных ключевых показателей эффективности деятельности банка, положительно влияющих на его финансовый результат*».

Финансовая мотивация позволяет оценить эффективность деятельности каждого сотрудника и его вклад в достижение финансового результата банка на соответствующем уровне иерархии его управления.

На основании вышеизложенного представим виды мотивации сотрудников банка и раскроем их содержание (рисунок 1).

Из рисунка 1 можно сделать следующий вывод: материальная и нематериальная мотивации стимулируют сотрудника выполнять свои обязанности, при этом оценка эффективности деятельности сотрудника происходит на фоне его результатов по сравнению с другими сотрудниками, находящимися на соответствующем уровне иерархии или выполняющими схожие виды операций, а не с разработанным и установленным эталоном конкретных видов деятельности сотрудника. Более того, и материальная, и нематериальная мотивация в наибольшей степени учитывает интересы самого сотрудника, в то время как финансовая мотивация, наоборот, удовлетворяет интересы топ-менеджеров и дает им основание оценивать вклад каждого работника в финансовый результат банка и на этой основе выплачивать денежное вознаграждение.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать: понятие «мотивация» является весьма сложным и одним из важнейших факторов, влияющих на производительность труда. Мотивация определяет основу потенциала сотрудников организации и совокупность свойств, непосредственно влияющих на трудовую деятельность. Очевидно, что существует связь между мотивацией персонала банка и результативностью работы его сотрудников, поэтому эффективная трудовая деятельность возможна лишь при построении оптимальной системы мотивации труда.

В соответствии с предложенной классификацией видов мотивации сотрудников коммерческого банка с выделением финансовой мотивации и интересами различных групп пользователей (сотрудников и управляющих) далее следует разработать методический инструментарий, отвечающий требованиям топ-менеджеров банка по достижению запланированного финансового

Рисунок 1 – **Виды мотивации сотрудников коммерческого банка**

Источник: разработка авторов.

результата, при этом учитывая интересы каждого специалиста и оценивая его вклад в достижение финансового результата.

В ходе исследования действующей системы мотивации сотрудников белорусских коммерческих банков были выявлены следующие проблемы:

• доведение плановых показателей до специалистов осуществляется исходя из принципа неравномерности развития структурного подразделения (точки продаж);

• в KPI включены не все основные для банка операции, приносящие доход;

• нет комплексной оценки деятельности сотрудников, а также не производится оценка вклада каждого сотрудника в финансовый результат структурного подразделения (точки продаж) и др.

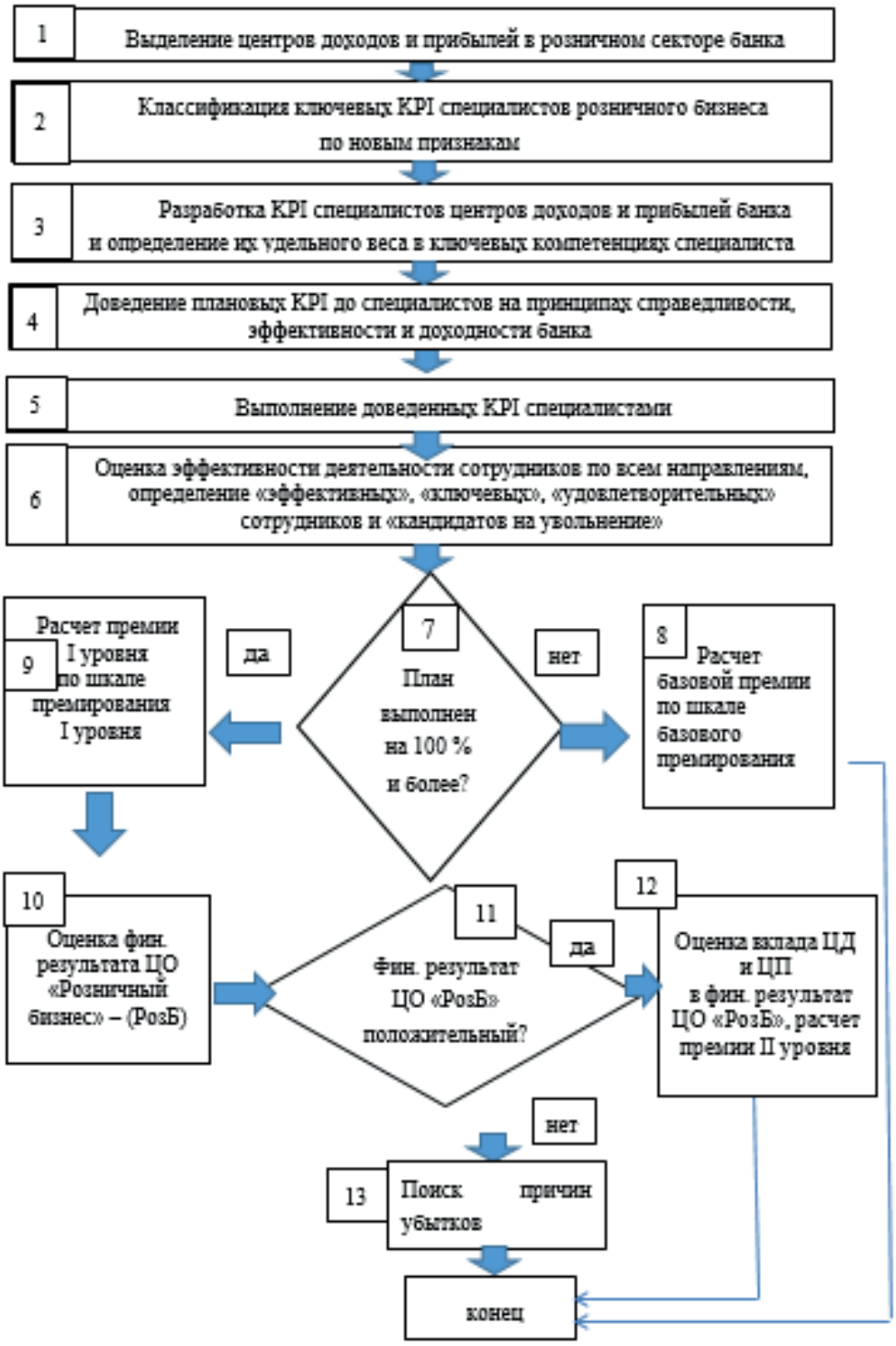


Рисунок 2 – **Алгоритм внедрения эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка**

Источник: разработка авторов.

Для решения указанных проблем предлагается следующий методический подход, базирующийся на разработанном поэтапном алгоритме (рисунок 2).

Рассмотрим содержание каждого этапа более подробно.

Исследование особенностей функционирования белорусских банков, проведенное авторами [15], показало, что основная роль по формированию их финансового результата принадлежит двум звеньям: корпоративному и розничному бизнесу. Поэтому в целях организации, планирования и учета затрат и результатов в местах их формирования, достоверного определения вклада каждого специалиста (отдела) в общий финансовый результат подразделения, а также определения полномочий и сферы ответственности менеджеров за результаты их работы, нами предлагается произвести структурирование розничного сектора банка по центрам ответственности (ЦО).

В основу исследования положена концепция центров ответственности, разработанная Д. Хиггинсом, которая адаптирована авторами к специфике деятельности белорусских банков.

По своему экономическому содержанию концепция ЦО рассматривает степень ответственности определенных лиц за финансовые результаты своей работы. В основе классификации центров лежат критерий финансовой ответственности руководителей и основной вид деятельности, которым занимается центр ответственности согласно распределению обязанностей.

Под центром ответственности понимается структурное подразделение, во главе которого стоит менеджер, контролирующий средства, вкладываемые в закрепленный за ним сегмент бизнеса [16].

Исследование теоретических подходов, выдвигаемых отечественными и зарубежными учеными к систематизации центров ответственности, к организации учета по центрам ответственности, позволяет сделать вывод о том, что специфике деятельности розничного бизнеса белорусского банка в наибольшей степени соответствует выделение в качестве основных центров ответственности центров доходов и центров прибыли (таблица 2).

Представленное в таблице 2 выделение центров ответственности в розничном бизнесе банка позволит руководителям и менеджерам, находящимся на различных уровнях иерархии и возглавляющим конкретный ЦО, четко понимать сферу своей финансовой ответственности и своих подчиненных, разрабатывать стратегические и тактические планы развития с учетом специфики конкретного ЦО.

На втором этапе методики автором расширена классификация KPI специалистов розничного сектора банка по таким признакам, как степень долгосрочности отношений с клиентом, уровень активности клиента и степень эффективности проведенной специалистом сделки и др. (таблица 3).

Представленная в таблице 3 расширенная классификация ключевых показателей эффективности деятельности специалистов розничного бизнеса банка позволяет установить взаимосвязи между бизнес-процессом и ключевыми показателями деятельности, зависимость между проведенной операцией специалистом и ее влиянием на финансовый результат ЦО. Это позволит разработать

Таблица 2 – **Центры ответственности розничного бизнеса банка**

Вид ЦО	Структурные звенья, входящие в ЦО	Вид банковской операции	Вид доходов / прибылей
ЦО «Розничный бизнес» (центр прибыли)			
Центр доходов	Отдел операционно-кассовой работы	Прием платежей, переводов, пополнение счетов, вкладов, платежных карт, прием выручки, выдача наличных денежных средств	Комиссионные доходы
		Продажа драгоценных металлов, коллекционных, памятных монет	Доходы от продажи
	Кредитный отдел	Выдача кредитов, дистанционное банковское обслуживание	Процентные доходы
	Депозитный отдел	Привлечение вкладов (депозитов), дистанционное банковское обслуживание	Процентные расходы
	Отдел по ценным бумагам	Операции с ценными бумагами	Доходы по ценным бумагам
Центр прибыли	Отдел валютно-обменных операций	Валютно-обменные операции	Маржа (прибыль)

Источник: разработка авторов [17].

Таблица 3 – **Классификация KPI специалистов розничного сектора банка**

Признак классификации KPI	**Виды KPI в соответствии с предлагаемым признаком**	**Ключевые показатели**
По уровню риска	с высокой степенью риска	кредитные операции, оформляемые без поручителей и справок о доходах
	со средней степенью риска	кредитные операции, оформляемые со справкой о доходах
	с низкой степенью риска	кредитные операции, оформляемые с поручительством, залогом, страховкой
	безрисковые	комиссионные операции
По степени доходности операций для банка	высокодоходные	активные операции
	среднедоходные	активно-пассивные операции
	не приносящие доход	пассивные операции
По степени долгосрочности отношений с клиентом	долгосрочные	кредитные операции от 5 до 10 лет; депозиты на длительный срок
	среднесрочные	депозиты, кредиты от 1 года до 5 лет
	краткосрочные	краткосрочные кредитные и депозитные операции до 1 года
	разовые	разовые кредитные и депозитные операции
По уровню активности клиента	активные	средний чек операций, количество операций за период, долгосрочность операций клиента
	неактивные	разовые (заключение договора без совершения операций по нему)
По степени эффективности проведенной специалистом сделки	эффективные	сделка заключена с повторной продажей, с максимальным чеком (рефинансирование кредитов других банков), на максимальный срок
	неэффективные	отказ от кредитования, без повторной продажи, с минимальным чеком или сроком

Источник: разработка авторов [17; 18].

Таблица 4 – **Перечень KPI и их удельный вес в ключевых компетенциях специалиста**

Ключевые показатели эффективности KPI специалиста	**Примерный удельный вес KPI, %**
Сумма выдачи кредитов на авто (5–10 лет)	12
Сумма выдачи кредитов на потребительские нужды (1–5 лет)	8
Сумма выдачи кредитных карт (в т.ч. карт рассрочек) (1–2 года)	10
Сумма оформления овердрафтов	5
Доля повторных продаж (второй продукт к основному: кредитная карта к кредиту наличными; к депозиту дебетовую карту ДБО (дистанционное банковское обслуживание) к каждой выданной карте)	10
Доля активных кредитных карт (активность за последние 6 месяцев)	10
Сумма привлеченных средств на депозиты	20
Сумма комиссий	20
Количество проданных дебетовых карт	5
Итого	100

Источник: разработка авторов.

на этой основе действенную систему KPI для каждого специалиста центра ответственности и определить удельный вес (вклад) конкретного показателя, что соответствует третьему этапу методики.

Так, в таблице 4 приведен предлагаемый примерный перечень KPI и их удельный вес в ключевых компетенциях специалиста Департамента розничного бизнеса банка.

Следует отметить необходимость установления более высокого удельного веса конкретного показателя не только по важности операции, но и по ее доходности для коммерческого банка. Каждый менеджер центра ответственности может регулировать как KPI, так и их удельные веса в соответствии с целями и стратегией развития банка.

Согласно четвертому этапу алгоритма следует довести разработанную систему KPI до специалистов на принципах справедливости, эффективности и доходности для банка.

На пятом этапе происходит выполнение доведенных показателей специалистами. В ходе выполнения важным моментом выступает прозрачность и общедоступность результатов, что неминуемо спровоцирует конкурентную борьбу за результат, т.к. правила общедоступны и у всех сотрудников равные возможности получить бонус. Ключевым инструментом является разработка и использование мотивационного калькулятора, который позволит специалисту самостоятельно рассчитать сумму возможного премирования на основании моделирования вариантов выполнения доведенных показателей.

После выполнения доведенных KPI требуется произвести оценку эффективности выполнения плановых показателей специалистами и на шестом этапе следует произвести ранжирование специалистов розничного бизнеса по результатам их работы за отчетный период.

Новый способ ранжирования специалистов розничного бизнеса предполагает их деление по следующим группам: «эффективные сотрудники», «ключевые сотрудники», «кандидаты на увольнение».

Это позволит выявить наиболее эффективные группы специалистов конкретного ЦО, сформировать из них резерв как на руководящие должности, так и кандидатов на увольнение, систематизировать информацию о персонале на основе их ранжирования по степени ориентации на достижение финансового результата.

В таблице 5 приведены основные примерные критерии оценки специалистов розничного сектора банка для определения их рейтинга за отчетный период.

Представленная в таблице 5 линейка из 17-ти показателей дает оценку сотрудникам по 15-балльной шкале. Предлагаемая рейтинговая методика отличается от традиционной в первую очередь аналитической полнотой раскрываемых вопросов, поскольку она стремится к всестороннему анализу работы сотрудника и отнесению его к определенной группе, учитывая качественные и количественные показатели. В то время как во главе аналитической методики стоит нацеленность на выявление только достигнутого количественного результата. Система рейтинговой оценки учитывает существенность показателей, что придает ей дополнительную гибкость за счет присвоения конкретному показателю удельного веса (строка «вес» рейтинговой оценки таблицы 4). В зависимости от изменения целей и приоритетов развития банка влияние соответствующих показателей на рейтинг может быть изменено.

Далее на основании рассчитанного рейтинга конкретного специалиста следует идентифицировать его принадлежность к конкретной группе по разработанной шкале, представленной в таблице 6.

При оценке рейтинга сотрудника возникает необходимость всестороннего анализа его деятельности, при этом многим факторам с трудом можно дать количественные выражения. Дополнительно усложняет задачу то, что требуется взаимоувязка показателей прошлого и текущего периодов с переходом на оценку будущего состояния банка. Система оценок строится на индивидуальном видении эксперта. Специалисту присваивается определенный рейтинг по результату экспертной оценки.

Комплексная рейтинговая оценка дает информацию о сотруднике, присваивает ему определенное место во всей совокупности сотрудников. Это поможет выявить «лучших сотрудников», «ключевых сотрудников» и «кандидатов на увольнение». Разработка специального программного приложения поможет видеть результаты в режиме реального времени и также влиять на конечный результат. Станет понятно, кто и на что способен. Появится «прозрачность» выполняемой работы и достигнутого результата. Руководители по-настоящему смогут управлять своими сотрудниками. На любом отрезке времени месяца сотрудник видит то, что он заработал и что он должен сделать для того, чтобы заработать больше. Совокупный показатель этой оценки наглядно отражает работу сотрудника. В сочетании с мероприятиями по мотивации сотрудников система рейтингов повысит удовлетворенность сотрудников в расчете премирования по результатам работы за месяц.

На седьмом этапе производится проверка процента выполнения специалистом доведенных

Таблица 5 – **Критерии оценки специалистов розничного сектора банка**

Критерии оценки сотрудников	Сотрудник 1, в баллах	Сотрудник N, в баллах	Вес, %
Навыки продаж	5	15	3
Оценка выполнения стандартов качества обслуживания	10	13	2
Выполнение профессиональных обязанностей	10	13	5
Самостоятельность в принятии решений и выполнении заданий	9	10	5
Оценка соблюдения внешнего вида сотрудником	10	14	2
Количество проведенных презентаций банковских продуктов	2	10	10
Количество успешно завершенных проектов	2	1	15
Количество благодарностей сотруднику	1	3	2
Обучаемость (по результатам сдачи тестов)	5	13	5
Количество проведенных безрисковых операций, приносящих комиссионный доход	10	15	5
Количество проданных условных единиц банковских продуктов	15	10	3
Количество привлеченных новых клиентов	5	4	10
Количество оформленных кредитных договоров	10	15	10
Количество оформленных кредитных карт	15	9	5
Количество выданных дебетовых карт	7	6	5
Количество оформленных овердрафтов	3	2	3
Количество заключенных зарплатных проектов	0	1	10
Итоговое значение показателя с учетом его веса	5,91	7,86	–

Источник: разработка авторов.

Таблица 6 – **Шкала отнесения сотрудника к конкретной группе**

Наименование группы сотрудников	«Лучший сотрудник»	«Ключевой сотрудник»	«Удовлетворительный сотрудник»	«Кандидат на увольнение»
Оценка в баллах	12–15	8–11	4–7	0–3

Источник: разработка авторов.

Таблица 7 – **Шкала базового премирования специалистов**

Наименование группы сотрудников	«Лучший сотрудник»	«Ключевой сотрудник»	«Удовлетворительный сотрудник»	«Кандидат на увольнение»
Размер премии, в % от оклада	20	15	10	0

Источник: разработка авторов.

Таблица 8 – **Шкала премирования специалистов I уровня**

Процент выполнения плана	Выполнение плана в пределах 81–90%	Выполнение плана в пределах 91–100%	Выполнение плана более чем 101%
Размер премии, в % от оклада	35	50	60 (переход на II уровень премирования)

Источник: разработка авторов.

KPI. Если план выполнен специалистом менее чем на 80%, то переходим к восьмому этапу и производим расчет премии базового уровня по шкале базового премирования специалистов (таблица 7).

Если же специалист выполнил доведенные плановые KPI на 81% и более, то переходим к девятому этапу и производим расчет премии I уровня по шкале премирования специалистов I уровня (таблица 8).

Далее на десятом этапе проводится оценка вклада в общий финансовый результат подразделения банка центра ответственности «Розничный бизнес».

В случае внесения положительного финансового результата центром ответственности «Розничный бизнес» в общий финансовый результат подразделения (одиннадцатый этап), переходим к двенадцатому этапу «Оценка вклада конкретного центра доходов (ЦД) или центра прибыли (ЦП) специалиста в финансовый результат ЦО «Розничный бизнес» и производим расчет премии II уровня.

Премия II уровня может быть выплачена специалисту в случае достижения им доведенных плановых показателей на 101% и более. В данном случае он участвует в распределении сформированного так называемого фонда премирования специалистов, достигших премирования II уровня. Вознаграждение может быть выплачено только при наличии вклада оцениваемого ЦО, в котором работает специалист в полученный положительный финансовый результат ЦО «Розничный бизнес» банка. Если же оцениваемым центром доходов или прибыли получен отрицательный финансовый результат, то на тринадцатом этапе следует заняться поиском причин убытков.

Заключение. На основании вышеизложенного можно представить новую структуру премиального вознаграждения специалиста розничного сектора банка (рисунок 3).

Таким образом, предлагаемая методика оценки выполнения плановых показателей специалистами Департамента розничного бизнеса предполагает оценку всестороннего вклада сотрудника в результат деятельности банка. Это необходимо для того, чтобы у сотрудника был стимул выполнять абсолютно все операции в банке. Необходимо производить хронометраж рабочего времени специалиста на выполнение каждой операции, соотносить загрузку каждого сотрудника с максимально возможной, а также вести учет количества продаж условных банковских продуктов.

Следовательно, в случае рассмотрения организационной структуры банка с применением концепции центров ответственности и ранжирования сотрудников по предлагаемым группам появляется возможность обозначить приоритетные как для банка, так и для сотрудников KPI, влияющие на конечный финансовый результат структурного подразделения банка. Начав сокращение сотрудников с наименее критичных должностей. В результате банк снижает затраты на персонал с минимальными потерями.

Результативность верно выстроенной системы мотивации с точки зрения внутренней справедливости будет проявляться в том, что вознаграждение распределяется по заслугам, сотрудники верят в систему KPI и понимают, что выплаты всегда соответствуют внутренним правилам по установлению конкурентоспособного вознаграждения, доведенным до сотрудников, и уверены в том, что они получают справедливую оплату за труд. В случае достижения доведенных плановых показателей специалистами отдельного ЦО позволит обеспечить выплаты премий за счет сформированного фонда премирования специалистов II уровня за счет прибыли, заработанной этим ЦО.

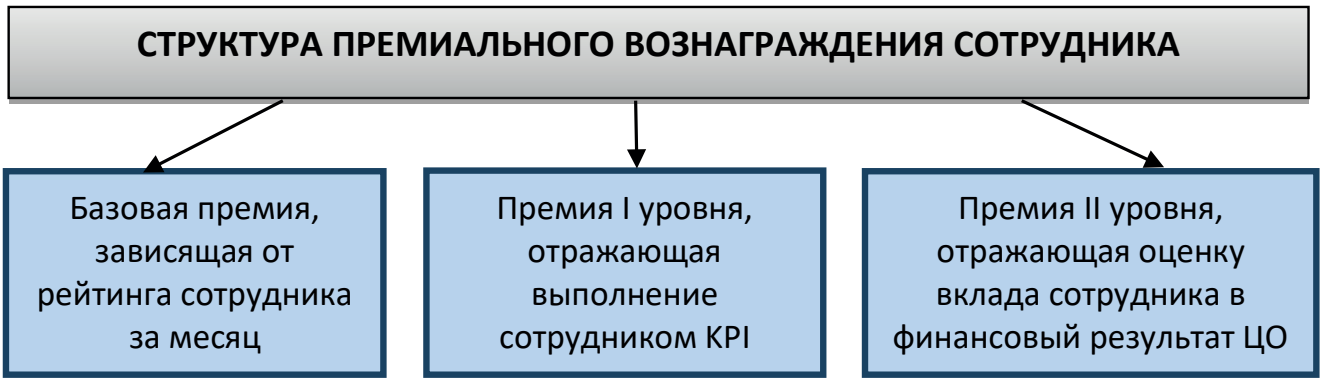


Рисунок 3 – **Структура премиального вознаграждения специалиста розничного бизнеса банка**
Источник: разработка авторов.

Так, применение разработанного методического обеспечения по внедрению эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка будет способствовать оперативной корректировке и оптимизации его бизнес-процессов, ориентированной на достижение финансового результата конкретного центра ответственности и банка в целом, созданию кооперации и координации в работе специалистов центров доходов и прибылей, а также формированию уровня их заработной платы по объективным критериям в соответствии с уровнем мотивации.

Литература

1. Marr, B. Key Performance Indicators: The 75+ Measures Every Manager Needs to Know / B. Marr. – 1-st ed. – FT Publishing, 2012. – P. 348.
2. Parmenter, D. Key Performance Indicators: Developing, Implementing and Using Winning KPI's / D. Parmenter. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2007. – P. 233.
3. Клочков, А.К. KPI и мотивация персонала: полный сборник практических инструментов / А.К. Клочков. – М.: Эксмо, 2010. – 160 с.
4. Панов, М.М. Оценка деятельности и система управления компанией на основе KPI / М.М. Панов. – М.: Инфра-М, 2012. – 255 с.
5. Астратова, Г.В. Роль мотивации персонала в процессе совершенствования управления трудовыми ресурсами (на примере одного из крупнейших универсальных банков страны) [Электронный ресурс] / Г.В. Астратова, Г.А. Бородкова // Отходы и ресурсы. – 2016. – Т. 3, № 3. – Режим доступа: http://resources.today/PDF/09RRO316.pdf. – Дата доступа: 10.08.2020.
6. Афонина, А.С. Мотивация труда банковских работников [Электронный ресурс] / А.С. Афонина // Молодой ученый. – 2013. – № 5. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/52/6878. – Дата доступа: 10.03.2019.
7. Волгина, О.Н. Особенности и механизмы мотивации труда в финансово-кредитных организациях [Электронный ресурс] / О.Н. Волгина. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/books/examen/descr_hr_in_banks.shtml. – Дата доступа: 12.08.2020.
8. Ивановская, Л.А. Анализ реализации функции мотивации в российских банках [Электронный ресурс] / Л.А. Ивановская // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2014. – № 3, ч. 1. – Режим доступа: http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/3970. – Дата доступа: 07.02.2019.
9. Ильясов, С.М. О мотивации персонала коммерческого банка / С.М. Ильясов // Банковское дело. – 2010. – № 4. – С. 68–71.
10. Пегова, А.М. Анализ реализации системы мотивации и стимулирования персонала в российских коммерческих банках / А.М. Пегова, Ю.Ю. Пронина // Научный форум: Экономика и менеджмент: сб. ст. по материалам XV Междунар. науч.-практ. конф. – М.: МЦНО, 2018. – С. 24–32.
11. Белов, Д.С. Мотивация персонала и ее влияние на текучесть кадров предприятия / Д.С. Белов // Научный альманах. – 2016. – № 4-1(18). – С. 24–27.
12. Дафт, Ричард Л. Менеджмент: [пер. с англ.] / Л. Дафт. – СПб.: Питер; Питер Пресс, 2015. – 863 с.
13. Соломанидина, Т.О. Мотивация трудовой деятельности персонала: учеб.-практ. пособие / Т.О. Соломанидина, В.Г. Соломанидин. – М., 2005. – 115 с.
14. Шинкаренко, О.Н. Вовлеченность персонала. Основные подходы к формированию и оценке / О.Н. Шинкаренко // Кадры предприятия. – 2015. – № 9. – С. 44–58.
15. Костюкова, С.Н. Особенности построения эффективной системы мотивации сотрудников коммерческого банка [Электронный ресурс] / С.Н. Костюкова, О.В. Дроздова // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты: электрон. сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 7–8 июня 2018 г. / Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 688–692.
16. Места возникновения затрат и центры ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.finansy.ru/st/post_1268116424.html. – Дата доступа: 16.08.2020.
17. Костюкова, С.Н. Методический инструментарий внедрения системы ключевых показателей эффективности деятельности специалистов розничного бизнеса коммерческого банка / С.Н. Костюкова, Н.С. Черевко // Банковская система: устойчивость и перспективы развития: сб. науч. ст. десятой междунар. науч.-практ. конф. по вопросам банковской экономики, Пинск, 25 окт. 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко [и др.] – Пинск: ПолесГУ, 2019. – С. 96–101.
18. Костюкова, С.Н. Классификация ключевых показателей деятельности специалистов розничного бизнеса коммерческого банка / С.Н. Костюкова, Н.С. Черевко // Фінансові механізми сталого розвитку україни: матеріали ii міжнар. наук.-практ. конф., 18 жовт. 2019 р. / редкол.: О.І. Черевко [та ін.]; Харків. держ. ун-т харч. та торг. – Харків: ХДУХТ, 2019. – С. 58–60.

Поступила в редакцию 14.09.2020

УДК 336.221.4:330.42(476)

Апробация оптимизационной модели по выявлению наиболее эффективного пути развития налоговой системы

Боровский А.А.
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

В условиях развития экономических союзов государства-члены таких союзов стандартно руководствуются национальными приоритетами. В рамках функционирования ЕАЭС на современном этапе основные элементы и принципы налогообложения едины, хотя также наблюдаются различия. Во всех странах ЕАЭС при этом ведутся теоретические поиски научного обоснования налоговой политики и практические изыскания в отношении эффективной и справедливой модели налогообложения, Республика Беларусь не является исключением.

Цель статьи – представление авторского подхода к определению эффективного пути развития налоговой системы Республики Беларусь и достижения устойчивого развития налогового суверенитета страны в условиях участия в ЕАЭС.

***Материал и методы.** Для построения модели использовались данные о субиндексе «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса», кроме того, были построены регрессионные модели для определения уровня связи между критериями, а также был разработан ряд линейных уравнений, которые стали основой для данной модели. В качестве методической базы выступили теоретические методы анализа, обобщения, классификации, индукции и дедукции, а также прочие методы статистического и математического анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Условия развития Республики Беларусь и наблюдаемая интеграция страны в рамках ЕАЭС обуславливают необходимость поиска баланса между процессом гармонизации и сохранением налоговой конкурентоспособности. В рамках отмеченных поисков возникает вопрос сохранения и достижения устойчивого развития налогового суверенитета среди стран-членов ЕАЭС, что возможно лишь при условии гармонизации косвенных налогов и создания конкурентной и привлекательной налоговой системы по прямым налогам. Возможные направления развития налоговой системы Республики Беларусь могут быть систематизированы в рамках отдельных сценариев. Оценка предложенных сценариев и определение оптимального пути развития налоговой системы Республики Беларусь должны строиться на основании двух целевых критериев.*

Сценарный подход к выявлению и оценке путей развития налоговой системы Республики Беларусь имеет установленные взаимосвязи в виде линейных уравнений и целевые ориентиры. Данные элементы сценарного подхода позволяют формировать полную картину сценарного развития, включая варианты и критерии отбора наилучших из них. Рассмотрение возможных направлений изменения налоговой системы страны осуществляется через проектирование многокритериальной оптимизационной математической модели. Использование многокритериальной модели взамен однокритериальной обусловлено тем, что она позволит оценивать комплексное влияние на модель при одновременном изменении целевых критериев.

***Заключение.** В настоящее время наиболее оптимальным является доведение ставки НДС до уровня, среднего по странам ЕАЭС (снижение с 20,0 до 19,16%), при одновременном сохранении текущих ставок по основным прямым налогам (установление уровня налога на прибыль в размере 18,0%, ставки налога на недвижимость – 1,0% и ставки подоходного налога – 13,0%). Данный вариант позволит повысить сводный индекс конкурентоспособности на 1,7% при сокращении доходов бюджета на 1,4%. При этом в условиях интеграции в процессе реализации отмеченного сценария важно проведение согласованной налогово-бюджетной политики Республики Беларусь с иными странами-участницами.*

***Ключевые слова:** налоговая система, налоговая гармонизация, налоговый суверенитет, оптимизационная математическая модель, сводный индекс налоговой конкурентоспособности.*

Approbation of an Optimization Model for the Identification of the Most Efficient Way of the Tax System Development

Borovski A.A.
Education Establishment "Belarusian State Economic University"

In the context of the development of economic unions, state-members within such unions are usually guided by national priorities. Within functioning of the EAEU at this stage, the basic elements and principles of taxation are the same although there are differences in approaches. At the same time, in all EAEU countries, a theoretical search is underway for a scientific justification of tax policy and practical research regarding an efficient and fair taxation model; the Republic of Belarus being not an exception.

The purpose of this article is to present the author's approach to determine the efficient path of development of the Republic of Belarus tax system and achieve sustainable development of the country's tax sovereignty in terms of participation in the EAEU.

***Material and methods.** To build the model data on the subindex of Taxation within the estimation of the World Bank "Running Business" rating were used. Besides, regressive models were built for the identification of the level of the link among criteria; a number of linear equations which became the*

basis for the developed model were also worked out. The theoretical methods of analysis, generalization, classification, induction and deduction, as well as other methods of statistical and mathematical analysis, served as a methodological basis.

Findings and their discussions. *The existing conditions for the development of the Republic of Belarus and the observed integration of the country within the framework of the EAEU necessitate the search for a balance between the harmonization process and maintaining tax competitiveness. Within the pointed out search the issue arises of the preservation and reaching the sustainable development of tax sovereignty among EAEU member states which is possible only in the conditions of harmonization of indirect taxes and the creation of a competitive and attractive direct tax system. Possible directions for the development of the tax system of the Republic of Belarus can be systematized in the framework of individual scenarios. The evaluation of the proposed scenarios and determination of the optimal path for the development of the tax system of the Republic of Belarus should be based on two target criteria.*

The presented scenario approach to identifying and evaluating the ways of development of the tax system of the Republic of Belarus has established interconnections in the form of linear equations and targets. These elements of the scenario approach allow us to formulate a complete picture of scenario development, including options and selection criteria for the best of them. Further consideration of the possible directions of changes in the country's tax system is carried out through the design of an optimization mathematical model. The use of the multicriteria model instead of the single criterion is due to the fact that it will allow performing comprehensive analysis within the defined target criteria.

Conclusion. *The most optimal is to bring the VAT rate to a level average for the EAEU countries (decrease from 20,0% to 19,16%) while maintaining the current rates for basic direct taxes (setting the level of income tax in the amount of 18,0%, real estate tax rates – 1,0% and income tax rates – 13,0%). This option will make it possible to increase summary index of the tax systems competitiveness by 1,7% while reducing budget revenues by only 1,4%. Moreover, in the context of integration in the process of implementing the noted scenario, it is important to conduct a coordinated fiscal policy of the Republic of Belarus with other participating countries.*

Key words: *tax system, tax harmonization, tax sovereignty, optimization mathematical model, summary index of the tax system competitiveness.*

В условиях развития экономических союзов государства-члены таких союзов руководствуются национальными приоритетами. В рамках функционирования ЕАЭС на современном этапе основные элементы и принципы налогообложения едины, хотя наблюдаются различия в подходах к определению величины налогооблагаемого дохода и его составляющих, к установлению налогового периода, сроков уплаты налогов. Во всех странах ЕАЭС при этом ведутся теоретические поиски научного обоснования налоговой политики и практические изыскания в отношении эффективной и справедливой модели налогообложения, Республика Беларусь не является исключением. В ходе отмеченных поисков возникает вопрос сохранения и достижения устойчивого развития налогового суверенитета среди стран-членов ЕАЭС, что возможно лишь при условии гармонизации косвенных налогов и создания конкурентной и привлекательной налоговой системы по прямым налогам [1, с. 111].

В ходе исследования особенностей налоговой системы Республики Беларусь и направлений ее возможной трансформации в рамках интеграционных процессов с целью сохранения и достижения устойчивого развития налогового суверенитета важно установить наиболее эффективное соотношение между налоговой гармонизацией и налоговой конкуренцией. В данном вопросе особую роль играет использование математического инструментария, позволяющего оптимизировать происходящие изменения, в рамках которого поиск наилучшего варианта развития происходит путем установления целевой функции и ее последующего достижения с учетом имеющихся ограничений.

Цель статьи – представление авторского подхода к определению эффективного пути развития налоговой системы Республики Беларусь и достижения устойчивого развития налогового суверенитета страны в условиях участия в ЕАЭС.

Материал и методы. Для построения модели использовались данные о субиндексе «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса», кроме того, были построены регрессионные модели для определения уровня связи между критериями, а также был разработан ряд линейных уравнений, которые стали основой для данной модели. В качестве фактологической базы выступали научные работы ученых-экономистов, предыдущие исследования автора. В частности, при проведении анализа и написании статьи использовались научные результаты в области налоговой конкуренции и налоговой глобализации, описанные такими учеными, как М. Шратсенштаталлер и А. Пугачев. В качестве методической основы выступили теоретические методы анализа, обобщения, классификации, индукции и дедукции, а также прочие методы статистического и математического анализа.

Результаты и их обсуждение. Среди исследователей нет единства мнений по вопросу влияния налоговой конкуренции либо налоговой гармонизации на экономическое развитие. Преимущественно позитивный эффект описывается теми авторами, которые ожидают предсказуемого эффективного влияния налоговой конкуренции на неэффективный государственный сектор через рост количества субъектов налогообложения. Но эту зависимость сложно доказать эмпирически, и поэтому до сих пор реализуются только теоретические изыскания [2]. Однако может также проявляться нежелательный эффект чрезмерно интенсивной налоговой конкуренции. Так, слишком интенсивная налоговая конкуренция может ограничивать потенциал доходов и приводить

к неэффективному обеспечению государственными благами (эффект масштаба).

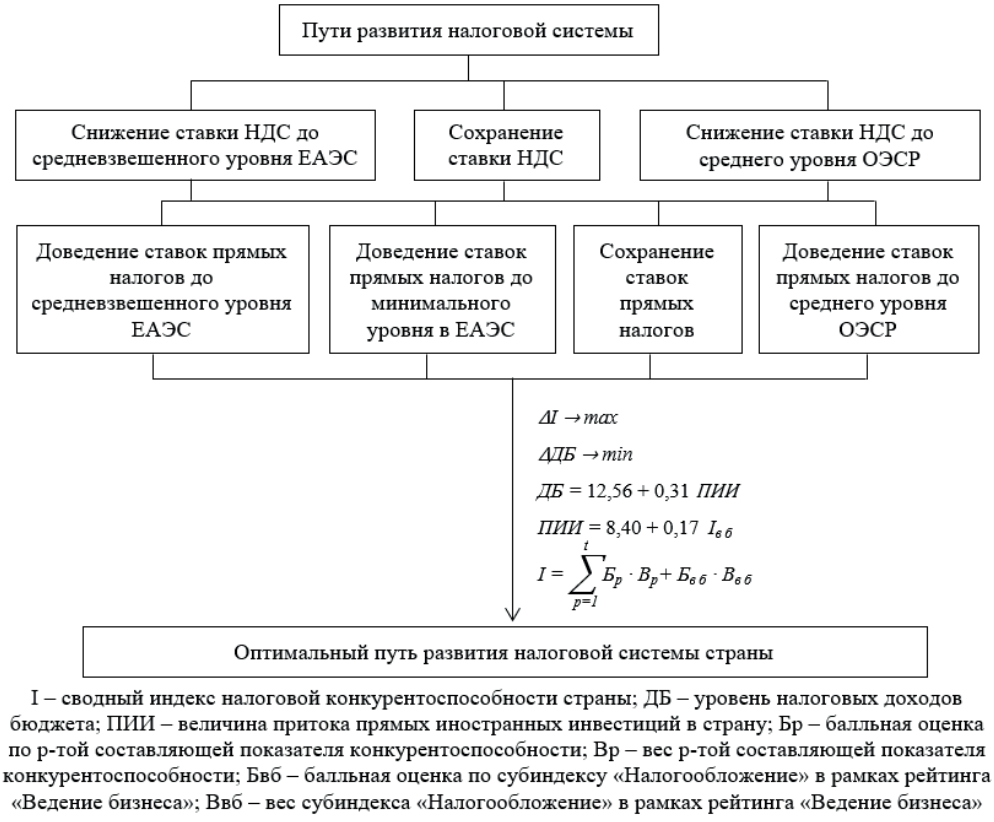
Опыт ЕС также показывает, что межстрановая налоговая конкуренция, как и налоговая гармонизация, может играть весомую положительную роль, несмотря на отсутствие единой достоверной оценки ее влияния на экономическое развитие, в особенности через повышение инвестиционной привлекательности. Так, обобщив результаты более 25-ти эмпирических исследований, маркетологи компаний de Mooij и Ederveen определили среднее значение эластичности налоговых ставок как 3,3%, т.е. после снижения ставки налога на прибыль корпораций в принимающей стране на 1,0% прямые иностранные инвестиции в экономику этой страны возрастают на 3,3% [3, с. 147]. Вместе с тем важно не упускать из внимания риск утраты конкурентоспособности национальной налоговой системы, когда странам ЕС приходится оценивать соотношение уровней налогового бремени между государствами-членами в целях утверждения ставки на оптимальном уровне, который определяется не только с позиций формирования благоприятных условий налогообложения, но и минимизации риска снижения налоговых доходов.

Таким образом, имеющиеся условия развития Республики Беларусь и наблюдаемая интеграция страны в рамках ЕАЭС обуславливают необходимость поиска баланса между процессом гармонизации и сохранением налоговой конкурентоспособности.

Возможные направления развития налоговый системы Республики Беларусь могут быть систематизированы в рамках отдельных сценариев.

Оценка предложенных сценариев и определение оптимального пути развития налоговой системы Республики Беларусь должно строиться на основании двух целевых критериев: 1) максимизация сводного индекса налоговой конкурентоспособности страны (индекс, разработанный автором); 2) минимизация возможного сокращения налоговых доходов консолидированного бюджета страны.

Для целей комплексного анализа конкурентоспособности национальной налоговой системы автором разработан сводный индекс конкурентоспособности, включивший 2 группы показателей: количественные и качественные. К количественным показателям были отнесены



I – сводный индекс налоговой конкурентоспособности страны; ДБ – уровень налоговых доходов бюджета; ПИИ – величина притока прямых иностранных инвестиций в страну; Бр – балльная оценка по р-той составляющей показателя конкурентоспособности; Вр – вес р-той составляющей показателя конкурентоспособности; Бвб – балльная оценка по субиндексу «Налогообложение» в рамках рейтинга «Ведение бизнеса»; Ввб – вес субиндекса «Налогообложение» в рамках рейтинга «Ведение бизнеса»

Рисунок 1 – **Пути развития налоговой системы Республики Беларусь для целей достижения налогового суверенитета**

Источник: собственная разработка.

налоговые базовые ставки ключевых бюджетообразующих налогов (НДС, налог на прибыль, налог на недвижимость, индивидуальный подоходный налог) и значения субиндекса «Налоговая нагрузка» в рамках Индекса экономической свободы, субиндекса «Налогообложение» в рамках рейтинга «Ведение и бизнеса». Дополнительно было предложено использовать 4 качественных показателя, отражающих общую привлекательность функционирования субъектов хозяйствования в стране в границах уплаты налогов и пользования имуществом, в частности наличие специальных режимов налогообложения, наличие возможности использования налоговых каникул, использование прогрессивных ставок по налогам, наличие ограничений на использование недвижимости. Качественный характер показателей привел к необходимости их количественной оценки, потому для каждого из них была проработана шкала оценки. Также, поскольку все выбранные показатели являлись разноплановыми, автор произвел перевод значений разноплановых показателей в единую шкалу от 1 до 7 с применением ряда математических формул, разработанных экспертами Всемирного экономического форума при составлении рейтинга стран по индексу глобальной конкурентоспособности. Сводный индекс был рассчитан с использованием многокритериального метода SAW (Simple Additive Weighting) [4] как произведение баллов по каждому показателю и их весовых характеристик (степени значимости).

Исследование результатов налоговой конкуренции и их взаимосвязи с налоговой нагрузкой, инвестиционным климатом и уровнем налогового администрирования позволит в последующем установить механизмы, необходимые для выполнения установок правительства по формированию благоприятного инвестиционного и налогового климата, обеспечению конкурентоспособности национальной налоговой системы.

С целью точного установления влияния повышения инвестиционной привлекательности на уровень налоговых доходов была построена соответствующая регрессионная модель. В рамках данной модели приняты одна зависимая и одна независимая переменные: уровень налоговых доходов консолидированного бюджета (млн долл. США) – y, объем поступающих в страну ПИИ (млн долл. США) – x. При этом построение уравнения зависимости производилось не в рамках соответствующих лет, а с лагом в три года, что объясняется особенностями налоговой системы страны и наличием определенных «налоговых каникул» для ряда новых предприятий, которые минимально составляют 3 года. Следовательно, можно говорить о том, что рост бюджетных доходов за счет увеличения налоговой базы при открытии новых предприятий будет наблюдаться минимум через 3 года.

Значение коэффициента детерминации для представленного уравнения составило 0,8833, что говорит о том, что рост бюджетных доходов за счет налоговых поступлений текущего года на 88,33% обусловлен объемом притока ПИИ за три года до текущего момента, т.е. наблюдается заметная связь (по шкале Чеддока). При этом характер установленной связи прямой: при росте притока инвестиций на 1,0 млн долл. США происходит рост налоговых доходов государства на 0,31 млн долл. США (однако имеется временной лаг).

Кроме установления наличия взаимосвязи между налоговыми доходами и притоком ПИИ важно установить наличие взаимосвязи между инвестиционной привлекательностью и значением субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса». Построение модели проведем аналогично первой модели, однако исключим ранее учитываемый временный лаг, так как приток ПИИ по имеющимся статистическим данным происходит одновременно с улучшением ситуации в стране.

Значение коэффициента детерминации для представленного уравнения равно 0,5007, т.е. наблюдается заметная связь (по шкале Чеддока). В целом для реалий Республики Беларусь характерна следующая взаимосвязь: увеличение субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса» на 1 балл вызывает рост притока ПИИ в страну на 0,17 млн долл. США.

Таким образом, представленный сценарный подход по выявлению и оценке путей развития налоговой системы Республики Беларусь был дополнен установленными взаимосвязями в виде линейных уравнений и целевыми ориентирами. Данные дополнения позволили привести к формированию полной картины сценарного развития, включающей его варианты и критерии отбора наилучшего из них. Дальнейшее рассмотрение возможных направлений изменения налоговой системы страны видится автору через проектирование оптимизационной математической модели. Для построения такой задачи решено использовать метод линейного целевого программирования.

Целевой характер разработанной сценарной модели заключается в установке определенных целей $\bar{f}_1, \bar{f}_2, ..., \bar{f}_K$ для каждого критерия. Задача многокритериальной оптимизации в данном случае преобразуется в задачу максимизации суммы относительных отклонений от установленных значений критериев:

$$z = \sum_{k=1}^{2} \frac{f_k(X)}{\bar{f}_k} - 1 \to \max, \text{ при } X \in D, (1)$$

где $f_k(X)$ – расчетные значения критериальных показателей;

f_k – установленные значения критериальных показателей.

Как было определено ранее, в качестве критериальных показателей выступают два:

где $f_k(X)$ – расчетные значения критериальных показателей;

f_k – установленные значения критериальных показателей.

Как было определено ранее, в качестве критериальных показателей выступают два:

f_1 – налоговые доходы консолидированного бюджета страны (ДБ);

f_2 – сводный индекс налоговой конкурентоспособности (I).

При выборе целевого сценария наиболее рациональным был определен тот вариант, в рамках которого при наибольшем росте индекса налоговой конкуренции произойдет наименьшее сокращение доходов бюджета. При этом устанавливается ограничение на максимально возможное сокращение доходов в 5,0%. Достижение данной цели возможно при реализации модели, учитывающей все стороны происходящих в налоговой системе изменений, реализованные в виде ограничительных уравнений и неравенств.

Использование многокритериальной модели взамен встречающихся в отечественных и зарубежных исследованиях однокритериальных обусловлено тем, что она позволит не просто отслеживать изменение элементов налоговых систем, но и оценивать влияние данных изменений на бюджет страны.

Исходя из разработанных автором уравнений и неравенств, был произведен отбор наиболее эффективного сценария. Для этого первоначально проведен расчет субиндекса «Налогообложение», используемого в дальнейшем в рамках расчета как сводного индекса конкурентоспособности (f_2), так и величины плановых бюджетных доходов (f_1). Расчет прогноза субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса» был основан на разработанных линейных уравнениях.

Итак, наиболее высокий уровень налогового бремени в рамках реализации различных сценариев развития будет наблюдаться в рамках прогнозов 4, 8, 12, предполагающих приведение уровня ставок основных прямых налогов к среднему уровню по странам ОЭСР. При этом наибольшая налоговая нагрузка соответствует варианту, в рамках которого при росте уровня ставок по прямым налогам ставка НДС сохраняется на текущем уровне (прогноз 8).

Наименьшая налоговая нагрузка и, как следствие, наиболее высокое значение субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса» соответствуют прогнозу 3, предполагающему сокращение НДС до уровня, среднего по ЕАЭС при одновременном сокращении ставок основных прямых

Таблица 1 – **Прогноз субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса» по сценариям**

Номер сценария	Налоговая нагрузка, %	Выплаты, ед.	Время, час	Прогнозное значение
Прогноз 1	54,82	7	170	68,4
Прогноз 2	53,23	7	170	71,2
Прогноз 3	48,20	7	170	80,0
Прогноз 4	56,75	7	170	65,0
Прогноз 5	54,88	7	170	68,29
Прогноз 6	53,30	7	170	71,06
Прогноз 7	48,27	7	170	79,84
Прогноз 8	56,82	7	170	64,92
Прогноз 9	54,83	7	170	68,39
Прогноз 10	53,24	7	170	71,15
Прогноз 11	48,21	7	170	79,94
Прогноз 12	56,76	7	170	65,01

Источник: собственная разработка на основе [5].

налогов, до уровней, минимальных по союзу. Также высоки значения по прогнозам 7 и 11, которым соответствуют аналогичная политика в сфере прямого налогообложения и несколько иные значения ставок НДС.

Рассчитанные значения позволили с помощью разработанной системы линейных уравнений определить прогнозный уровень налоговых доходов по всем сценариям. Результаты прогнозирования величины налоговых доходов по сценариям 1–4 отражены в таблице 2.

В рамках отмеченных вариантов явно прослеживаются рост доходов при росте уровня налоговых ставок в случае их рассмотрения без учета притока ПИИ и последующего расширения численности налоговых плательщиков и обратная картина для отдельного исследования динамики доходов с учетом притока ПИИ. При этом анализ совокупного изменения показывает, что при одновременном доведении ставок прямых и косвенных налогов до среднего уровня по ЕАЭС, а также при доведении ставки НДС до уровня ЕАЭС и выравнивании уровня прямых налогов со средним уровнем по ОЭСР произойдет рост налоговых доходов бюджета на 4,4 и 2,0% соответственно уровню 2018 года. В двух иных случаях (прогнозы 2 и 3) будет наблюдаться сокращение доходов, наиболее значительное из которых свойственно варианту с минимальными по странам-членам ЕАЭС ставками прямых налогов.

Результаты прогнозирования величины налоговых доходов по следующим сценариям (прогнозы 5–8) отражены в таблице 3.

Как показывает анализ полученных результатов, лишь в одном из прогнозов, характеризующихся сохранением уровня ставки НДС на уровне текущего значения, наблюдается снижение величины получаемых налоговых доходов. Наиболее значительным ростом при этом, аналогично первой группе сценариев, отличается прогноз, в рамках которого планируется доведение ставок прямых налогов до среднего уровня по ЕАЭС. При этом важно отметить, что в границах рассмотрения в качестве целевого критерия исключительно показателя налоговых доходов сохранение ставки НДС на текущем уровне является явно предпочтительным ее доведению до среднего уровня по странам ЕАЭС.

В заключение рассмотрения доходной составляющей целевой функции рассмотрим прогнозную величину налоговых доходов по сценариям 9–12 (таблица 4).

Таблица 2 – **Прогнозирование величины налоговых доходов бюджета по сценариям 1–4**

Показатель	Значение при доведении ставки НДС до средней по ЕАЭС			
	Доведение до среднего уровня по ЕАЭС (прогноз 1)	Сохранение ставок (прогноз 2)	Доведение до минимального уровня по ЕАЭС (прогноз 3)	Доведение до среднего уровня по ОЭСР (прогноз 4)
Налоговые доходы при изменении ставок без учета притока ПИИ при НДС, средней по ЕАЭС, млн долл. США	16180,23	15245,56	13756,39	15852,82
Прирост доходов без учета притока ПИИ, млн долл. США	717,31	–217,36	–1706,53	389,90
Приток ПИИ, млн долл. США	9134,91	9196,53	9379,77	9056,96
Прогнозные налоговые доходы при притоке ПИИ, млн долл. США	16451,25	16485,93	16587,29	16406,93
Прирост доходов с учетом притока ПИИ, млн долл. США	–33,79	0,89	102,25	–78,10
Общее изменение налоговых доходов, млн долл. США	683,52	–216,47	–1604,28	311,79
Темп роста доходов, %	1,044	0,986	0,896	1,020

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

Таблица 3 – **Прогнозирование величины налоговых доходов бюджета по сценариям 5–8**

Показатель	Значение при доведении ставки НДС до средней по ЕАЭС			
	Доведение до среднего уровня по ЕАЭС (прогноз 5)	Сохранение ставок (прогноз 6)	Доведение до минимального уровня по ЕАЭС (прогноз 7)	Доведение до среднего уровня по ОЭСР (прогноз 8)
Налоговые доходы при изменении ставок без учета притока ПИИ при сохранении ставки НДС, млн долл. США	16397,60	15462,93	13973,76	16070,19
Прирост доходов без учета притока ПИИ, млн долл. США	934,67	0,00	–1489,17	607,26
Приток ПИИ, млн долл. США	9132,25	9193,96	9377,43	9054,19
Прогнозные налоговые доходы при прогнозном притоке ПИИ, млн долл. США	16449,74	16484,49	16586,02	16405,35
Прирост доходов с учетом притока ПИИ, млн долл. США	–35,29	–0,55	100,98	–79,69
Общее изменение налоговых доходов, млн долл. США	899,38	–0,55	–1388,19	527,57
Темп роста доходов, %	1,058	1,000	0,910	1,034

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

Таблица 4 – **Прогнозирование величины налоговых доходов бюджета по сценариям 9–12**

Показатель	Значение при доведении ставки НДС до средней по ЕАЭС			
	Доведение до среднего уровня по ЕАЭС (прогноз 9)	Сохранение ставок (прогноз 10)	Доведение до минимального уровня по ЕАЭС (прогноз 11)	Доведение до среднего уровня по ОЭСР (прогноз 12)
Налоговые доходы при изменении ставок без учета притока ПИИ при НДС, средней по ОЭСР, млн долл. США	16216,46	15281,79	13792,62	15889,05
Прирост доходов без учета притока ПИИ, млн долл. США	753,53	–181,14	–1670,31	426,12
Приток ПИИ, млн долл. США	9134,46	9196,10	9379,38	9056,50
Прогнозные налоговые доходы при притоке ПИИ, млн долл. США	16451,00	16485,69	16587,08	16406,67
Прирост доходов с учетом притока ПИИ, млн долл. США	–34,04	0,65	102,04	–78,37
Общее изменение налоговых доходов, млн долл. США	719,49	–180,48	–1568,27	347,75
Темп роста доходов, %	1,047	0,988	0,899	1,022

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

Как и в рамках первой группы прогнозов, в сценариях 9–12 явно прослеживается рост доходов при одновременном доведении ставок прямых и косвенных налогов до среднего уровня по ОЭСР, а также при доведении ставки НДС до уровня ОЭСР и выравнивании уровня прямых налогов со средним уровнем по ЕАЭС и их сокращения при снижении ставок в границах прямого налогообложения до минимальных или сохранения текущих значений. В целом при доведении ставок прямых налогов до среднего уровня по ЕАЭС произойдет рост доходов на 4,7%, при выравнивании уровня прямых налогов со средним уровнем по ОЭСР – рост на 2,2%, при сохранении текущих значений – сокращение налоговых доходов на 1,2% и при снижении ставок прямых налогов до минимального уровня по ЕАЭС – снижение на 10,1%. Отмеченные изменения также являются менее предпочтительными, чем трансформации, наблюдаемые при сохранении ставок в рамках косвенного налогообложения.

Таким образом, проведенный анализ показал, что наиболее эффективным в рамках рассмотрения критерия изменения налоговых доходов бюджета является сохранение ставки НДС на уровне 20,0% при одновременном повышении ставки налога на прибыль до 19,9%, ставки налога на недвижимость – до 1,9% и снижения подоходного налога до уровня в 12,8% (сценарий 5). В данном случае произойдет повышение налоговых доходов бюджета на 5,8%. Если рассматривать варианты, характеризующиеся сокращением доходов, то в таком случае предпочтение стоит отдать прогнозу 7 и доведению ставок прямых налогов до минимальных по всем странам-участницам союза: данный вариант предполагает сокращение налоговых доходов бюджета на 9,0%.

Рассмотрение одного целевого показателя является не рациональным, важно оценить изменение второго критерия предложенной оптимизационной модели – сводного индекса конкурентоспособности, потому проведем его определение для каждого из вариантов прогноза. Так, расчет сводного индекса конкурентоспособности по сценариям прогнозирования 1–4 отражен в таблице 5.

Таблица 5 – **Расчет индекса конкурентоспособности по сценариям 1–4**

Показатель	**Вес показателя**	**Балльное значение при доведении ставки НДС до средней по ЕАЭС**			
		Доведение до среднего уровня по ЕАЭС (прогноз 1)	**Сохранение ставок (прогноз 2)**	**Доведение до минимального уровня по ОЭСР (прогноз 3)**	**Доведение до среднего уровня по ОЭСР (прогноз 4)**
Количественные показатели					
Значение ставки НДС	0,081	1,63	1,63	1,63	1,63
Значение ставки налога на прибыль	0,105	1,06	2,20	7,00	1,00
Значение ставки налога на недвижимость	0,058	1,70	6,00	7,00	6,00
Значение ставки индивидуального подоходного налога	0,088	5,73	5,62	7,00	5,38
Значение субиндекса «Налоговая нагрузка» в рамках расчета Индекса экономической свободы	0,115	3,48	4,34	6,95	2,35
Значения субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса»	0,138	4,61	5,20	7,00	3,89
Итого	0,585	1,882	2,422	3,655	1,866

Окончание таблицы 5

Качественные показатели					
Наличие специальных режимов налогообложения	0,135	7,00	7,00	5,50	5,50
Наличие возможности использования налоговых каникул	0,135	5,00	5,00	5,00	3,00
Использование прогрессивных ставок по налогам	0,07	3,00	1,00	1,00	5,00
Наличие ограничений на использование недвижимости	0,075	7,00	7,00	7,00	4,00
Итого	0,415	2,355	2,215	2,013	1,798
Сводный индекс конкурентоспособности	1	4,237	4,637	5,667	3,663
Рост индекса конкурентоспособности	–	0,929	1,017	1,243	0,803

Источник: собственная разработка.

Исследование полученных результатов показало наличие тенденций изменения, противоположных изменениям в рамках показателя налоговых доходов. Сокращение налоговой нагрузки, как было видно ранее, приводит к улучшению значений субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса», а также росту субиндекса «Налоговая нагрузка» в рамках расчета Индекса экономической свободы, что одновременно обуславливает повышение сводного индекса конкурентоспособности. И напротив, повышение ставок налогов негативно влияет как на отдельные индексы, так и на сводный индекс конкурентоспособности налоговой системы Республики Беларусь.

Данные, отраженные на рисунке 2, также показывают, что среди вариантов, предусматривающих доведение ставки НДС до среднего уровня по странам ЕАЭС, наиболее значительное положительное влияние окажет одновременное снижение ставок прямых налогов до минимального уровня по ЕАЭС. В данном случае значение сводного индекса составит 5,667 и вырастет на 24,3% по сравнению с текущим уровнем.

Рассмотрим далее результирующие значения по вариантам прогнозов 5–8. Подробный расчет сводного индекса конкурентоспособности налоговой системы страны по отмеченным сценариям прогнозирования отражен в таблице 6.

Различные варианты изменения основ налогового регулирования в рамках прямых налогов при сохранении особенностей исчисления косвенных характеризуются менее эффективным влиянием на показатель конкурентоспособности, по сравнению с первой группой сценариев.

Как и в случае с прогнозами 1–4, наиболее положительным станет результат реализации сценария, предусматривающего снижение ставок прямых налогов до минимального уровня по ЕАЭС (сценарий 7). В данном случае значение сводного индекса составит 5,606 и вырастет на 22,9% по сравнению с текущим уровнем.

В заключение рассмотрим также прогнозные значения сводного индекса конкурентоспособности по сценариям 9–12, расчеты которых отражены в таблице 7.

Различные варианты изменения основ налогового регулирования в рамках прямых налогов при сохранении особенностей исчисления косвенных характеризуются менее эффективным влиянием на показатель конкурентоспособности, по сравнению с первой группой сценариев.

Как и в случае с прогнозами 1–4, наиболее положительным станет результат реализации сценария, предусматривающего снижение ставок прямых налогов до минимального уровня по ЕАЭС (сценарий 7). В данном случае значение сводного индекса составит 5,606 и вырастет на 22,9% по сравнению с текущим уровнем.

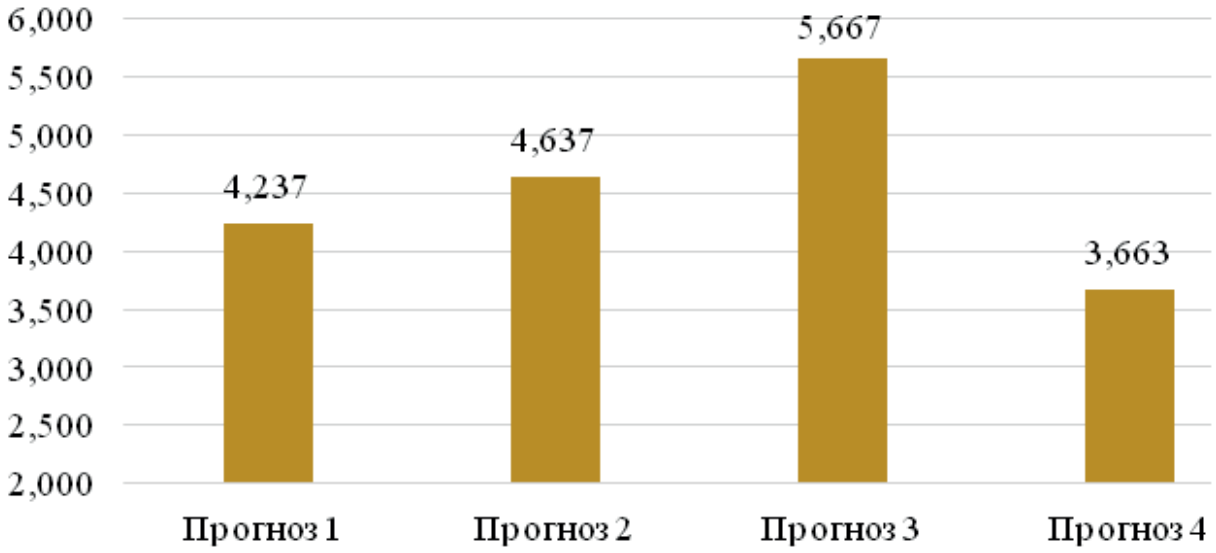


Рисунок 2 – **Прогнозные значения сводного индекса налоговой конкурентоспособности по сценариям 1–4**

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

Таблица 6 – **Расчет индекса конкурентоспособности по сценариям 5–8**

Показатель	Вес показателя	Балльное значение при доведении ставки НДС до средней по ЕАЭС			
		Доведение до среднего уровня по ЕАЭС (прогноз 5)	Сохранение ставок (прогноз 6)	Доведение до минимального уровня по ОЭСР (прогноз 7)	Доведение до среднего уровня по ОЭСР (прогноз 8)
Количественные показатели					
Значение ставки НДС	0,081	1,00	1,00	1,00	1,00
Значение ставки налога на прибыль	0,105	1,06	2,20	7,00	1,00
Значение ставки налога на недвижимость	0,058	1,70	6,00	7,00	6,00
Значение ставки индивидуального подоходного налога	0,088	5,73	5,62	7,00	5,38
Значение субиндекса «Налоговая нагрузка» в рамках расчета Индекса экономической свободы	0,115	3,39	4,25	6,87	2,25
Значения субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса»	0,138	4,58	5,18	7,00	3,86
Итого	0,585	1,817	2,357	3,594	1,800

Окончание таблицы 6

Качественные показатели					
Наличие специальных режимов налогообложения	0,135	7,00	7,00	5,50	5,50
Наличие возможности использования налоговых каникул	0,135	5,00	5,00	5,00	3,00
Использование прогрессивных ставок по налогам	0,07	3,00	1,00	1,00	5,00
Наличие ограничений на использование недвижимости	0,075	7,00	7,00	7,00	4,00
Итого	0,415	2,355	2,215	2,013	1,798
Сводный индекс конкурентоспособности	1	4,172	4,572	5,606	3,598
Рост индекса конкурентоспособности	–	0,915	1,002	1,229	0,789

Источник: собственная разработка.

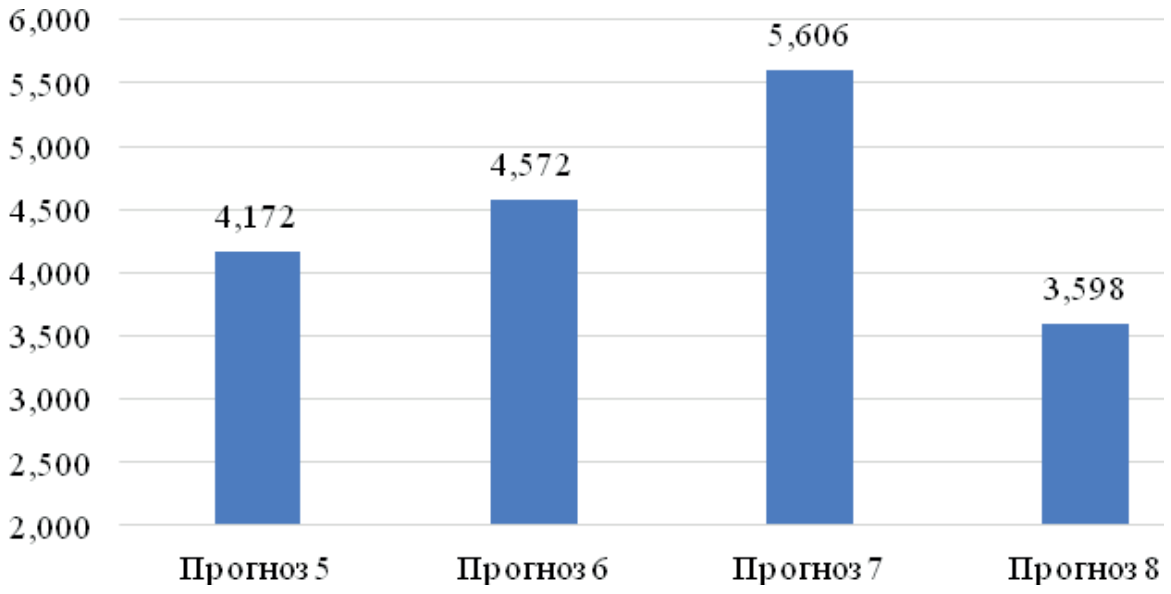


Рисунок 3 – **Прогнозные значения сводного индекса налоговой конкурентоспособности по сценариям 5–8**

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

В заключение рассмотрим также прогнозные значения сводного индекса конкурентоспособности по сценариям 9–12, расчеты которых отражены в таблице 7.

Анализ проведенного расчета и полученных результатов показывает, что наиболее значительное положительное влияние в условиях доведения ставки НДС до среднего уровня по странам ОЭСР окажет также снижение ставок прямых налогов до минимального уровня по странам ЕАЭС. Наиболее негативным станет сценарий по доведению ставок по основным прямым налогам до среднего уровня по странам ОЭСР и установлению уровня налога на прибыль в размере 23,7%, ставки налога на недвижимость – 1,0% и ставки подоходного налога – 13,5%.

Систематизация полученных результатов позволяет говорить о том, что при первоначальной реализации не многокритериальной, а однокритериальной модели, основанной на максимизации темпа роста сводного индекса конкурентоспособности, наблюдался бы выбор

Таблица 7 – **Расчет индекса конкурентоспособности по сценариям 9–12**

Показатель	Вес показателя	Балльное значение при доведении ставки НДС до средней по ЕАЭС			
		Доведение до среднего уровня по ЕАЭС (прогноз 9)	Сохранение ставок (прогноз 10)	Доведение до минимального уровня по ОЭСР (прогноз 11)	Доведение до среднего уровня по ОЭСР (прогноз 12)
Количественные показатели					
Значение ставки НДС	0,081	1,53	1,53	1,53	1,53
Значение ставки налога на прибыль	0,105	1,06	2,20	7,00	1,00
Значение ставки налога на недвижимость	0,058	1,70	6,00	7,00	6,00
Значение ставки индивидуального подоходного налога	0,088	5,73	5,62	7,00	5,38
Значение субиндекса «Налоговая нагрузка» в рамках расчета Индекса экономической свободы	0,115	3,47	4,32	6,94	2,33
Значения субиндекса «Налогообложение» в рамках расчета рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса»	0,138	4,61	5,20	7,00	3,89
Итого	0,585	1,872	2,411	3,645	1,855
Качественные показатели					
Наличие специальных режимов налогообложения	0,135	7,00	7,00	5,50	5,50
Наличие возможности использования налоговых каникул	0,135	5,00	5,00	5,00	3,00
Использование прогрессивных ставок по налогам	0,07	3,00	1,00	1,00	5,00
Наличие ограничений на использование недвижимости	0,075	7,00	7,00	7,00	4,00
Итого	0,415	2,355	2,215	2,013	1,798
Сводный индекс конкурентоспособности	1	4,227	4,626	5,657	3,652
Рост индекса конкурентоспособности	–	0,927	1,014	1,240	0,801

Источник: собственная разработка.

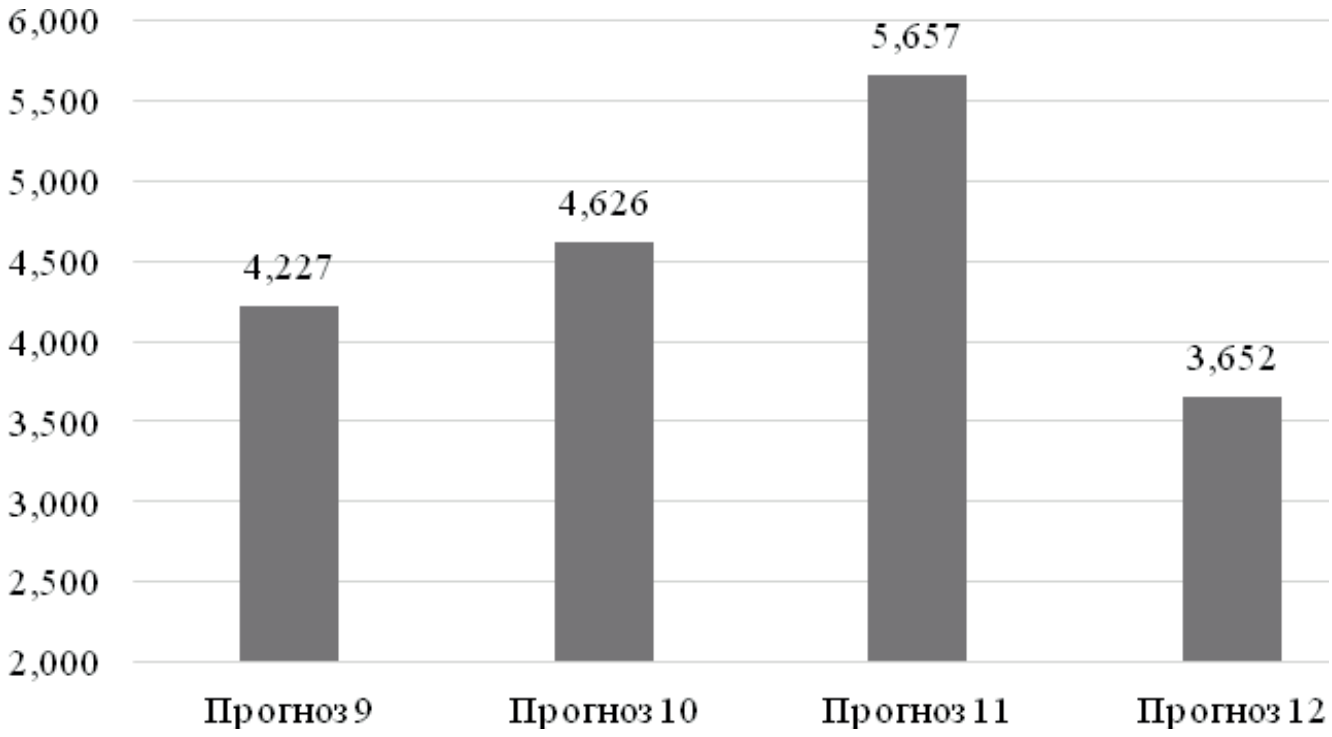


Рисунок 4 – **Прогнозные значения сводного индекса налоговой конкурентоспособности по сценариям 9–12**

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

в качестве оптимального варианта, при котором предусматривается наиболее лояльное регулирование в области прямого налогообложения и установления ставок основных налогов на уровне, минимальном для стран-участниц союза, с одновременным установлением ставки НДС в значении, среднем по союзу. Данный вариант абсолютно не совпадает с оптимальным по критерию дохода, что еще раз подтверждает высокую актуальность применения именно многокритериальной модели. Темпы изменения установленных критериев по каждому из вариантов при этом отражены на рисунке 5.

Как наглядно видно из представленных данных, в рамках рассмотрения сводного индекса конкурентоспособности приемлемыми являются сценарии 2, 3, 6, 7, 10 и 11, так они предполагают изменения данного показателя в сторону роста. При оценке модели по критерию налоговых доходов для дальнейшего анализа подходят все прогнозные случаи, за исключением сценариев 3, 7 и 11, что обусловлено превышением в рамках данных сценариев установленного порога сокращения налоговых поступлений консолидированного бюджета в 5%. В данном варианте можно говорить о довольно ограниченном остаточном круге подходящих сценариев.

Сводное значение целевой функции по каждому из сценариев развития, включая те, которые не соответствуют установленным ограничениям, отражено на рисунке 6. Расчет сводного значения целевой функции был основан на значениях темпа роста налоговых доходов бюджета и индекса налоговой конкурентоспособности.

Исследование полученных значений показывает, что максимальное значение целевой функции наблюдается в рамках сценария 7, предполагающего снижение ставок прямых налогов до минимального уровня по ЕАЭС при сохранении особенностей исчисления косвенных налогов (ставка НДС сохраняется на уровне 20,0%). При этом ранее было отмечено несоответствие данного сценария ограничению, введенному для целевой функции, что не позволяет принять его в качестве наиболее эффективного, как и сценарии 3 и 11.

Таким образом, с учетом всех имеющихся ограничений и трансформаций, происходящих в рамках каждого из сценариев, оптимальным из них является сценарий 2, в рамках которого предусмотрено доведение ставки НДС до уровня, среднего по странам ЕАЭС, с одновременным сохранением текущих ставок по основным прямым налогам (сохранение уровня налога на прибыль

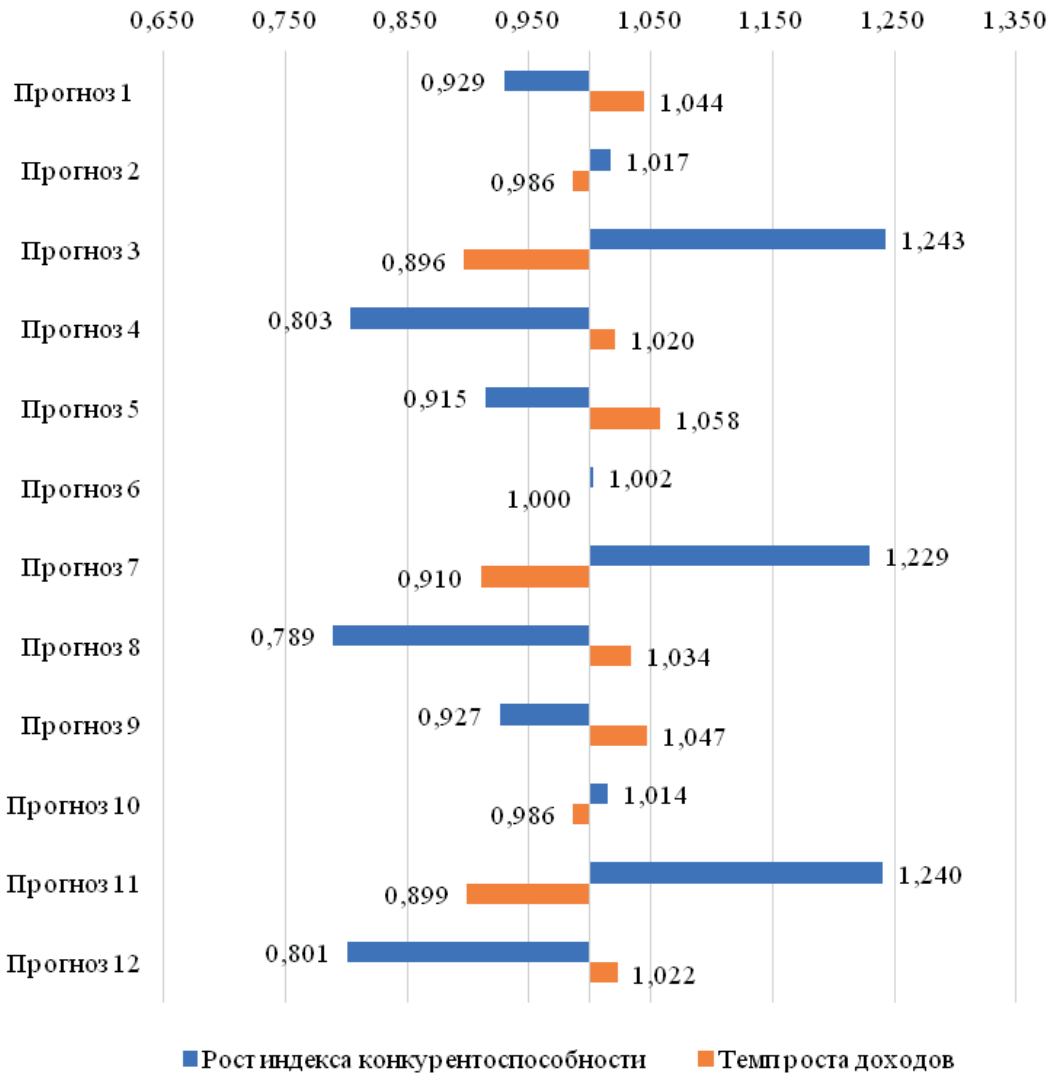


Рисунок 5 – **Темпы роста налоговых доходов бюджета и сводного индекса налоговой конкурентоспособности по сценариям**

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

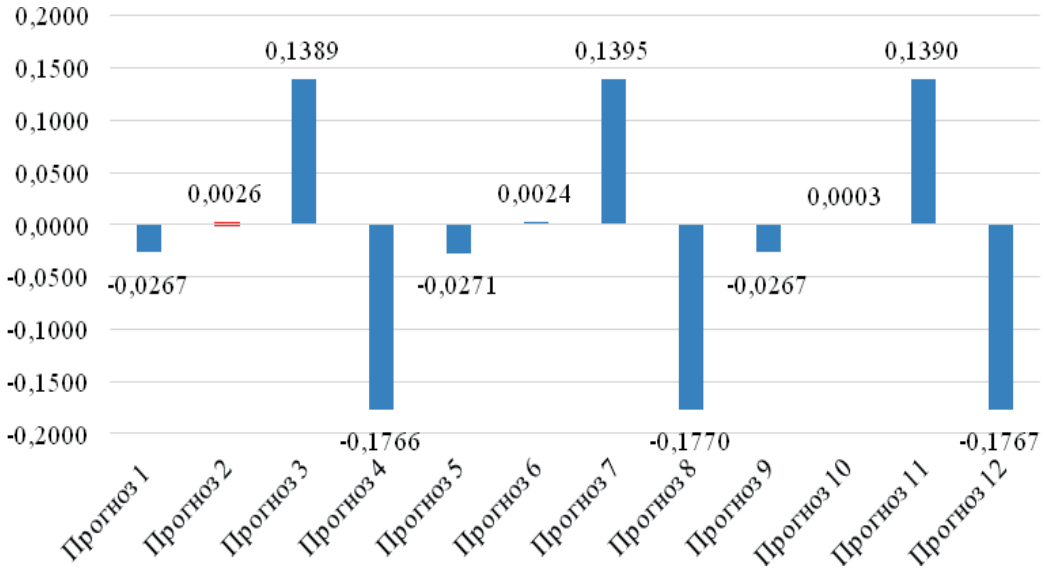


Рисунок 6 – **Сводное значение целевой функции по сценариям**

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

Рисунок 7 – **Значение сводных индексов конкурентоспособности стран-участниц ЕАЭС с учетом наиболее эффективных прогнозов.**

Источник: собственная разработка на основе проведенных расчетов.

в размере 18,0%, ставки налога на недвижимость – 1,0% и ставки подоходного налога – 13,0%). Оптимальность варианта, в рамках которого остается неизменной политика в области прямого налогообложения, обусловлена довольно конкурентной текущей позицией страны по величине установленных налоговых ставок.

Значение сводного индекса конкурентоспособности налоговой системы Республики Беларусь по выбранному наиболее оптимальному сценарию и его сравнение с текущим значением и значениями по иным странам-участницам ЕАЭС отражены на рисунке 7.

Реализация сценарного варианта 2 и доведение ставки НДС до уровня, среднего по странам ЕАЭС (19,16%), позволят повысить индекс конкурентоспособности до значения в 4,637, или на 1,7%. В данном случае место страны в ранжированном рейтинге не изменится, однако будет наблюдаться более значительное отставание Российской Федерации и Республики Армения.

Заключение. Современный этап развития Республики Беларусь и сложившиеся условия хозяйствования устанавливают собственные критерии и ограничения по реализации конкретных сценариев развития налоговой системы. Данные ограничения фактически обуславливают высокую важность установления такого варианта дальнейшей трансформации политики в сфере налогового регулирования, который позволил бы установить баланс между процессом гармонизации и сохранением налоговой конкурентоспособности, проявляющийся в максимизации роста сводного индекса налоговой конкурентоспособности и минимизации потерь налоговых доходов в бюджете. В качестве основного ограничения при этом выступает недопущение снижения налоговых доходов страны более чем на 5,0%, а также обязательное установление роста индекса конкурентоспособности в рамках реализации конкретного варианта развития налоговой системы.

Исходя из отмеченных особенностей, в настоящее время наиболее оптимальным является доведение ставки НДС до уровня, среднего по странам ЕАЭС (снижение с 20,0 до 19,16%), при одновременном сохранении текущих ставок по основным прямым налогам (установление уровня налога на прибыль в размере 18,0%, ставки налога на недвижимость – 1,0% и ставки подоходного налога – 13,0%). Данный вариант в условиях довольно конкурентной текущей позиции страны по величине установленных налоговых ставок позволит повысить сводный индекс конкурентоспособности на 1,7% при сокращении доходов бюджета всего на 1,4%. При этом в условиях интеграции в процессе реализации отмеченного сценария важно проведение согласованной налогово-бюджетной политики Республики Беларусь с иными странами-участницами.

Литература

1. Боровский, А.А. Анализ уровня гармонизации налоговой системы Республики Беларусь со странами ЕАЭС / А.А. Боровский // Вестн. ВГТУ. – 2019. – № 2(37). – С. 104–113.
2. Шратсенштаталлер, М. От налоговой конкуренции к налоговой гармонизации в ЕС, WSI-Mitteilungen / М. Шратсенштаталлер. – 2011. – № 6. – С. 304–313.
3. Пугачев, А.А. Оценка влияния налоговой конкуренции на конкурентоспособность национальной налоговой системы / А.А. Пугачев // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 4. – С. 143–155.
4. Кочкина, М.В. Анализ многокритериальных методов принятия управленческих решений (на примере задачи выбора поставщиков материально-технических ресурсов) / М.В. Кочкина. – Набережные Челны: НЧИ К(П)ФУ, 2017. – 31 с.
5. Наборы ретроспективных данных и данные о трендах, Всемирный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.doingbusiness.org/ ru/custom-query. – Дата доступа: 01.05.2020.

Поступила в редакцию 09.07.2020

УДК 347.464:330.143:001.8

Гносеологический потенциал теории поиска ренты

Клименко В.А., Карпович Ю.В.
Белорусский национальный технический университет

Статья посвящена исследованию методологических основ теории поиска ренты. В результате анализа терминологических особенностей ренты раскрыты понятие и существенные характеристики ренты и рентоориентированного поведения. Рассмотрено несколько форм рентоискательства. Выявлены способы измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов.

Цель работы – исследовать гносеологический потенциал теории поиска ренты, ее методологические основы, а также способы измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов.

Материал и методы. *Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, данные международных организаций. В рамках исследования применялись общенаучные методы (анализ, синтез, единство исторического и логического), системный подход.*

Результаты и их обсуждение. *Потенциальная возможность извлекать дополнительный (рентный) доход побуждает экономические субъекты заниматься рентоискательством. На современном этапе наряду с традиционными ресурсами, генерирующими ренту, можно выделить также административный ресурс, представляющий собой положение или должность, занимаемую индивидом; лидерские качества, профессиональные навыки и умения; опыт ведения предпринимательской деятельности; социальный капитал. Рентоискательство – это процесс, состоящий из следующих элементов: источники и условия формирования ренты, ее виды и формы, субъекты рентных отношений, направления использования ренты. Каждый из данных элементов требует отдельного детального анализа, поскольку его результаты можно использовать для снижения негативного воздействия рентоориентированного поведения субъектов на функционирование общества.*

Заключение. *Институциональное устройство страны непосредственно влияет на масштабы проблемы рентоискательства. Поскольку в развивающихся странах и странах с переходной экономикой институциональные структуры еще не имеют той устойчивости и развития, как в развитых странах, то общественные потери от рентоискательства здесь гораздо больше. Следовательно, чтобы избежать деформации социально-экономических отношений, государству необходимо существенно ограничить условия для поиска ренты.*

Ключевые слова: *рента, рентоориентированное поведение, рентные ресурсы, рентоискательство, группа интересов, политическая рента.*

Gnoseological Potential of the Rent-Seeking Theory

Klimenko V.A., Karpovich Yu.V.
Belarusian National Technical University

The article is devoted to the study of the methodological framework of the rent-seeking theory. Based on the analysis of the terminological features of rent, the concept and main characteristics of rent and rent-seeking behavior are revealed. Basic forms of rent-seeking are shown. The methods of measuring rent-seeking behavior effects are considered.

The purpose of the article is to explore the gnoseological potential of the rent-seeking theory, its methodological background and ways of measuring rent-seeking behavior effects.

Material and methods. *The research material was works of domestic and foreign economists, data from international organizations. As part of the study, general scientific methods were used (analysis, synthesis, the unity of the historical and the logical), and the systematic approach.*

Findings and their discussion. *The potential opportunity to get additional (rental) income encourages economic entities to engage in rent-seeking. Nowadays not only traditional resources can generate rent. Administrative position, leadership qualities, professional skills, business experience, social capital are also considered as rent resources. Rent-seeking is a process that consists of several elements such as sources and conditions of rent creation, types and forms of rent, possible directions of its use. Each of these elements requires a separate detailed analysis because its results can be used to reduce the negative impact of the rent-oriented behavior of subjects on the society.*

Conclusion. *The institutional setup of the country directly affects the scale of the rent-seeking problem. Developing countries and countries in transition don't have such sustainable and advanced institutional structures as developed countries. That's why social losses from entities' rent-seeking behavior here are much greater. Therefore, in order to avoid the deformation of social and economic relations, the state needs to significantly limit the conditions for seeking rent.*

Key words: *rent, rent-seeking behavior, rent-seeking, rent resources, group of interests, political rent.*

Актуальность исследуемой темы обусловлена многочисленными попытками анализа экономической природы феномена ренты и рентоориентированного поведения. Ученые придерживались различных подходов к определению данных социально-экономических категорий на протяжении нескольких веков, приходили к неоднозначным выводам относительно влияния процесса поиска ренты на экономическое развитие страны. Это свидетельствует о теоретической и практической сложности вопросов рентной проблематики. Впервые теоретическое осмысление рентоориентированного поведения было сделано американским экономистом Г. Таллоком в 1967 г. при анализе монопольных рынков. Исследователь обратил внимание на существование значительных социальных издержек, связанных с установлением монополий и введением таможенных пошлин, а также на нецелесообразный расход ресурсов, обусловленный нерациональным использованием факторов производства и возникновением возможностей получения ренты [1, с. 436–437]. Непосредственно сама категория «поиск ренты» в научный оборот была введена в 1974 г. А. Крюгер, которая подчеркивает, что даже в рыночной экономике правящая партия способна оказывать определенное влияние на рыночный механизм [2, p. 292].

Цель статьи – исследовать гносеологический потенциал теории поиска ренты, ее методологические основы, а также способы измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, данные международных организаций. В качестве методологической основы исследования выступил системно-эволюционный подход, дополненный методами единства исторического и логического, анализа и синтеза, а также другими общенаучными принципами познания, что позволило рассмотреть гносеологический потенциал теории поиска ренты, особенности рентоориентированного поведения субъектов, а также предложить пути ограничения условий для рентоискательства со стороны государства.

Результаты и их обсуждение. Теория трудовой стоимости послужила общей основой для исследования ренты, рентоориентированного поведения, рентных отношений. Впоследствии ключевые позиции понятие ренты приобретает в рамках неоклассического направления экономической науки. Экономисты-неоклассики (А. Маршалл, Д.Б. Кларк, И. Фишер) исходят не столько из теории трудовой стоимости, сколько из концепций редкости и полезности. Представители данной школы говорят о невозможности существования ренты в эффективно функционирующей конкурентной экономике, поскольку подобный доход вытесняется в результате действия рыночных механизмов [3, с. 31].

Дж. Бьюкенен определяет ренту как «часть оплаты владельцу ресурсов сверх той, которую бы он получил при любом альтернативном использовании» [4, с. 22]. В.П. Рязанов указывает, что рента – это «любой чрезмерный доход (сверхприбыль), прямо не связанная с предпринимательской деятельностью или с дополнительными усилиями» [5, с. 170]. По мнению А.К. Хиллмана, рента – платеж, который индивид получает сверх необходимого [6, с. 85]. В целом под рентой понимается излишек дохода владельца определенных рентных факторов, который обусловлен превышением рыночной цены над индивидуальной ценой производства товаров и услуг в результате использования этих факторов. В качестве рентных факторов могут выступать различного рода ресурсы, наделенные свойством исключительности, ограниченности, малодоступности и позволяющие их монопольному собственнику (пользователю) получать в результате экономической эксплуатации дополнительный рентный доход на продукт или услуги. Со своей стороны Е. Карпиков видит основу ренты не просто в наличии неких ресурсов, а в непосредственной фиксации монополии ресурса. Ученый характеризует свой подход как институциональную рентную парадигму, позволяющую объяснить появление ренты как добавочной прибыли практически во всех сферах. Например, государство, «создавая систему прав собственности на рентные ресурсы, демонстрирует обществу возможность получения ренты фактически везде» [7, с. 19–20].

Процесс рентоискательства включает в себя следующие элементы: источники и условия формирования ренты, ее виды и формы, субъекты рентных отношений, методы расчета и учета, направления использования ренты.

Наряду с традиционными ресурсами, генерирующими рентные доходы, можно выделить и некоторые другие их виды, такие как, например, административный ресурс, представляющий собой положение или должность, занимаемую индивидом, лидерские качества, профессиональные навыки и умения, опыт ведения предпринимательской деятельности. Социальный капитал можно также рассматривать как рентообразующий ресурс, поскольку под ним понимается «сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, сни-

жающих трансакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющих получить осязаемую социально-экономическую выгоду» [8, с. 51]. «Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками соответствующих социальных сетей» [9, с. 292]. Данная информация является фактором, создающим благоприятные условия для извлечения индивидом ренты.

На современном этапе более целесообразным представляется не вклад значительных ресурсов в расширенное воспроизводство ренты и поддержание входных рыночных барьеров, а инвестирование в человеческий капитал. «В современной экономической науке человеческий фактор рассматривается в качестве решающего фактора инновационного развития государства. Доказано, что в настоящее время природный и финансовый капитал больше не являются первостепенными факторами производства. Сегодня таким фактором выступает человек, поскольку новейшие отрасли требуют глубоких знаний, навыков, умений, которыми обладает человек. Кроме того, в человеческом ресурсе скрываются наибольшие резервы для повышения эффективности функционирования инновационной экономики» [10, с. 221].

Ренту можно дифференцировать исходя из используемого вида ресурса: экономическая рента, природная рента, политическая рента, бюрократическая рента, рента за применение уникальных знаний и навыков. Потенциальная возможность обладать дополнительным доходом является предпосылкой для появления рентоориентированного поведения или рентоискательства – ситуации, когда доходы бизнеса зависят не от наличия предпринимательских способностей, а от близости к государственному аппарату, вследствие чего предприниматели нацелены на получение доходов (ренты) от личных связей, а не обычной, классической предпринимательской прибыли [11, с. 285]. Существует несколько форм рентоориентированного поведения: во-первых, это поиск ренты через создание ограниченного доступа в ту или иную деятельность; во-вторых, это поиск ренты через регулирование цен и объемов выпуска, которые приводят к усилению монопольной власти; в-третьих, это поиск ренты через тарифы и квоты, ведущий к ограничению конкуренции [12, с. 23].

Анализируя производство товаров интенсивного обновления, Т.В. Сергиевич отмечает, что «за период существования суверенной Беларуси государству удалось создать благоприятные условия для развития белорусского производства, поддерживающие отечественного производителя, что привело к формированию рентоориентированного поведения у многих крупных предприятий» [13, с. 264].

В зависимости от принадлежности субъектов рентных отношений к определенному уровню функционирования в рамках экономической системы на микроуровне можно выделить внутрифирменную ренту, внутриотраслевую ренту, на макроуровне – политико-административную ренту. Источником внутрифирменной ренты является внутрикорпоративная власть, персонифицировать которую может как собственник, так и менеджмент. Л.Н. Даниленко справедливо отмечает, что «собственник может стремиться не к максимизации прибыли от деятельности собственно предприятия и не к самовозрастанию капитала, а к получению дохода от деятельности "дочерних" и "внучатых" коммерческих структур, контролирующих ресурсные, товарные и финансовые потоки данного предприятия, поставляющих ему ресурсы по завышенным ценам и приобретающих готовую продукцию по заниженной стоимости» [14, с. 39]. В свою очередь менеджмент компании благодаря управлению и контролю за финансовыми потоками предприятия имеет потенциальную возможность хищения денег, используя различные приемы. Чем выше степень контроля за активами фирмы, тем, соответственно, больше величина внутренней ренты. Для стран с устойчивой институциональной средой характерны эпизодичность и кратковременность подобных случаев. В государствах с переходной экономикой, напротив, создаются предпосылки для получения таких доходов [12, с. 26]. Внутриотраслевую ренту как результат дисбаланса рыночной власти получает предприятие-монополист, контролирующее рынок какого-либо товара и оказывающее непосредственное влияние на поведение других игроков.

Наиболее сложной для анализа является политико-административная рента. По мнению В.А. Клименко, «в XIX веке при переходе к новому этапу развития капитализма – индустриальному капитализму государство было вынуждено вмешиваться в хозяйственную жизнь. Правительства используют такие методы регулирования экономических процессов, как субсидирование частных предприятий, кредитование определенных производств, предоставление монопольных прав на производство определенных товаров или на торговлю в определенных районах» [15, с. 136]. Следовательно, предпосылками для появления политических рент служат как финансовое регулирование, так и ограничение конкуренции посредством вмешательства в экономику со стороны государства. При этом нельзя говорить о полном исчезновении конкуренции, поскольку она перехо-

дит из экономической в политическую плоскость. Размеры властных полномочий и количество возможностей для рентоискательства определяются открытостью доступа хозяйствующих субъектов к взаимодействию между собой: чем более открытый данный доступ, тем меньше соответствующих возможностей. Финансированием политических партий и отдельных кандидатов в частности занимаются представители бизнес-среды. По словам Г. Таллока, «общая сумма, затрачиваемая на финансирование кампании, в целом очень мала по сравнению с теми выгодами, которые получают люди, заплатившие за нее» [16, с. 146].

Выделяют несколько механизмов присвоения политической ренты [12, с. 24]. Прежде всего, к их числу относится лоббизм, подразумевающий оказание давления на государственные органы с целью склонения их к принятию политических решений или распределению ресурсов, отвечающих интересам определенных групп. В результате общество вынуждено нести внешние издержки, обусловленные отрицательным влиянием законодательных актов, принятых в соответствии с потребностями лоббирующих субъектов, а также вызванные отвлечением значительного количества ресурсов от социального и экономического развития. Г. Таллок приводит следующий пример: «В Вашингтон прибывают десять лоббистов, представляющих интересы различных ассоциаций, причем каждый из них на протяжении двух лет расходует по миллиону долларов в надежде побудить Конгресс предоставить соответствующей ассоциации монопольный статус, и, хотя лишь один из этих лоббистов добьется цели, общая стоимость монополии окажется равной 10 млн долл.» [1, с. 447]. Также в качестве механизма присвоения политической ренты можно рассматривать логроллинг. В основе логроллинга лежит торговля голосами. Исходя из этимологии, логроллинг – американизм. Однако это повсеместная практика, которая используется всеми органами, принимающими решения путем голосования. Помимо лоббирования и логроллинга подобного рода рента извлекается за счет политических пожертвований, отклонений прямых издержек проекта от его действительных затрат, которые должны включать все внешние эффекты, оказываемые им на другие проекты или статьи бюджета.

Российский экономист А.П. Заостровцев, анализируя теорию групп интересов М. Олсона и теорию поиска ренты, пришел к следующему выводу: «…погоня групп интересов за обеспечиваемыми политикой преимуществами ведет к появлению импортных квот, легализованных монополий, лицензий и фиксированных цен – всему, что служит перераспределению рент от неорганизованных групп (потребителей и налогоплательщиков) к организованным интересам. И в результате, чем лучше политическое устройство представляет интересы организованных групп, тем хуже для экономики и общества в целом (в частности, чем выше активность групп интересов, тем ниже темпы экономического роста» [17, с. 9]. Следовательно, интенсивность и масштабы ренты определяются институциональной структурой общества. Ведущую роль играет институт собственности. Поскольку в развивающихся странах институциональные структуры только находятся на пути становления и развития, то общественные потери от рентоориентированного поведения хозяйствующих субъектов здесь гораздо больше, чем в развитых странах.

Также можно проследить связь между уровнем политической стабильности в обществе и числом препятствующих развитию институтов. В своей книге «Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз» М. Олсон сравнивает экономическое развитие Великобритании и Германии в послевоенный период. Ученый говорит о том, что «после Второй мировой войны темп экономического роста Великобритании был самым низким среди развитых демократий. В то время как существенный рост германской экономики наблюдался не только в период восстановления промышленности и достижения предвоенного уровня; он еще больше усилился после выхода на довоенный период производства и потребления. Одну из причин данного явления М. Олсон видит в укреплении в результате войны традиционно организованных групп интересов в Великобритании и сведении их на нет в Германии [18, с. 17].

Расширение государственного бюджета и рост численности бюрократического аппарата можно рассматривать как одну из предпосылок рентоискательства. Между качеством принимаемых решений и скоростью претворения их в жизнь существует обратная связь. По справедливому замечанию Л.Н. Даниленко, «государственный аппарат непосредственно не испытывает давления со стороны межстрановой конкуренции. Как следствие, он менее чувствителен к качеству занятого в нем человеческого капитала и уровню образования работающих в бюрократической системе людей [14, с. 50]. Бюрократы стремятся максимизировать функцию полезности занимаемого ими положения путем увеличения размеров выданного бюджета. Данный факт обуславливает потери благосостояния общества и получение бюрократами дополнительной выгоды в виде бюрократической ренты. К формам проявления бюрократической ренты можно отнести: нечетко

определенные контракты, номенклатурные блага в виде служебных автомобилей, средств коммуникации, командировок.

Важно подчеркнуть необходимость разграничения понятий «рента» и «прибыль». Стремление к получению прибыли предполагает максимизацию собственных доходов путем использования существующих рыночных возможностей для производства большего количества благ при заданных затратах или того же количества благ при меньших затратах. Стремление к извлечению ренты сопровождается затратами ресурсов ради искусственно созданного трансферта, полученного путем государственного перераспределения.

Процесс поиска ренты развивается в геометрической прогрессии. Расходы на удержание монопольных прав со стороны рентополучателей порождают расходы их потенциальных конкурентов, направленные на разрушение входных барьеров, что в свою очередь повышает уровень затрат со стороны монополистов. Также следует отметить, что монополизация рынков является драйвером расширенного воспроизводства и трансформации ренты. Монопольная рента, получаемая фирмой, как правило, инвестируется не в производство, а в инструменты сохранения положения фирмы на рынке. Лоббирование и лонгроллинг в этой ситуации выступают как механизмы, создающие условия для использования данных инструментов. Таким образом, монопольная рента частично трансформируется в политическую, а последняя, в свою очередь, обеспечивает возможность последующего извлечения монопольной.

Рентоискательство – это многоуровневый процесс. Нижний уровень представлен производителями, инвестирующими средства в приобретение для себя льготных условий деятельности. Средний уровень – это чиновники, конкурирующие между собой за ренту в органах государственной власти и управления. Фактором возникновения верхнего уровня послужило распределение средств, собранных государством в результате осуществления той или иной его деятельности. На данном уровне субъекты конкурируют за право являться получателем государственных трансфертов.

Природа феномена ренты обуславливает сложность количественного измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов. Однако существуют некоторые индексы, косвенно оценивающие масштабы рентоискательства. Во-первых, к числу таких индексов можно отнести Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index (CPI)), разработанный международной неправительственной организацией Transparency International. Он отражает субъективное восприятие коррупции аналитиками, экспертами и предпринимателями в 180 странах мира. Согласно последним оценкам, наиболее низкий уровень коррупции существует в Дании, Новой Зеландии, Финляндии и Сингапуре, а наиболее высокий – в Йемене, Сирии, Южном Судане и Сомали [19]. Во-вторых, еще одна группа индикаторов, свидетельствующих о масштабах рентоискательства в стране, включена в Рейтинг недееспособности государств, разработанный американским Фондом мира, и представлена Индексом политической раздробленности (Factionalized Elites Indicator) и Индексом группового недовольства (Group Grievance). Показатель Индекса раздробленности измеряет масштабы борьбы за власть, политическую конкуренцию и политические переходы, а величина Индекса недовольства свидетельствует о противоречиях между различными группами в обществе, возникающих, например, из-за неравного доступа на рынок или к участию в политических процессах. Наибольший уровень политической раздробленности и группового недовольства характерен для Йемена, Сомали, Южного Судана и Сирии, а наименьший – для Дании, Швейцарии, Норвегии и Финляндии [20].

Заключение. Существующая потенциальная возможность получить непроизводительный доход создает предпосылки для возникновения соответствующих мотивов деятельности экономических субъектов. Рентные интересы, в свою очередь, стимулируют рентоориентированное поведение, направленное на разработку и применение механизмов получения государственных трансфертов. При этом происходит значительное искажение мотивации экономических субъектов. Рентоискательство обуславливает давление сильных политических и экономических коалиций на слабые социальные группы, сопровождающееся отрицательным влиянием на национальное производство, степень общественного доверия и инвестиционный процесс. На современном этапе более целесообразным представляется не вклад значительных ресурсов в расширенное воспроизводство ренты и поддержание входных рыночных барьеров, а инвестирование в человеческий капитал. «В современной экономической науке человеческий фактор рассматривается в качестве решающего фактора инновационного развития государства. Доказано, что в настоящее время природный и финансовый капитал больше не являются первостепенными факторами производства. Сегодня таким фактором выступает человек, поскольку новейшие отрасли требуют глубоких знаний, навыков, умений, которыми обладает человек. Кроме того, в человеческом ресурсе скрываются наибольшие резервы для повышения эф-

фективности функционирования инновационной экономики» [20]. Институциональное устройство страны напрямую влияет на масштабы рентной проблемы. Это объясняется той ролью, которую играют институты, упорядочивая жизнь общества путем формирования среды взаимоотношений между людьми, а также системы сдержек и противовесов, препятствующих искажению рыночного поведения и рыночных отношений. Следовательно, необходимо существенно ограничить условия для поиска ренты со стороны государства. Это возможно посредством поддержки преимущественно стратегических отраслей, установления эффективных пропорций распределения ренты, контроля за результатами деятельности. Принятые меры окажут благоприятное влияние на экономический рост и развитие страны.

Литература

1. Таллок, Г. Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства / Г. Таллок // Вехи экономической мысли: в 6 т. – СПб., 2004. – Т. 4: Экономика благосостояния и общественный выбор. – С. 435–448.
2. Kruger, A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society / A. Kruger // American Economic Review. – 1974. – Vol. 64. – P. 291–303.
3. Даниленко, Л.Н. Рента как категория современной экономической науки / Л.Н. Даниленко // Теория экономического анализа. – 2013. – № 8(311). – С. 20–31.
4. Бьюкенен, Дж. Извлечение ренты и извлечение прибыли / Дж. Бьюкенен // Политическая рента в рыночной и переходной экономике. – М., 1995. – С. 22–24.
5. Рязанов, В.П. Рента как ключевая проблема современного экономического развития России / В.П. Рязанов // Философия хозяйства. – 2004. – № 6. – С. 169–183.
6. Хиллман, А.К. Западноэкономические теории и переход от социализма к рыночной экономике. Перспективы общественного выбора / А.К. Хиллман // Экономика и математические методы. – 1996. – № 32(4). – С. 77–90.
7. Карпиков, Е.И. «Свежий» взгляд на рентную проблему / Е.И. Карпиков // Экономические науки. – 2004. – № 6. – С. 17–24.
8. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.
9. Солодовников, С.Ю. Особенности институциональных последствий современного этапа НТР для трансграничных территорий / С.Ю. Солодовников // Социально-экономическое развитие предприятий и регионов Беларуси: инновации, социальные ориентиры, глобализация: материалы докл. междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / Витеб. гос. техн. ун-т; под ред. В.В. Пятова [и др.]. – Витебск, 2009. – Ч. 2. – С. 290–293.
10. Богатырева, В.В. Управление человеческим капиталом в инновационной экономике / В.В. Богатырева // Экон. вестн. Донбасса. – 2013. – № 1(31). – С. 221–235.
11. Гацалов, М.М. Современный экономический словарь-справочник / М.М. Гацалов. – Ухта: УГТУ, 2002. – 371 с.
12. Виноградова, А.В. Институциональные механизмы создания и присвоения природной ренты в России / А.В. Виноградова // Журн. экон. теории. – 2011. – № 3. – С. 20–28.
13. Сергиевич, Т.В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 260–286.
14. Даниленко, Л.Н. Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте / Л.Н. Даниленко // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – № 3. – С. 35–59.
15. Клименко, В.А. Рыночная экономика: генезис и принципы становления и развития / В.А. Клименко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 132–139.
16. Таллок, Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / Г. Таллок. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 220 с.
17. Заостровцев, А.П. Теории групп интересов / А.П. Заостровцев // Финансы и бизнес. – 2009. – № 1. – С. 6–24.
18. Олсон, М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – М.: Нов. изд-во, 2013. – 324 с.
19. Transparency International [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.transparency.org/. – Data of access: 13.02.2020.
20. Fund for Peace [Electronic resource]. – Mode of access: https://fundforpeace.org/. – Data of access: 13.02.2020.

Поступила в редакцию 29.04.2020

УДК 338.487+338.49(476)

Региональная структура туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь

Янкевич Е.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Туризм является собирательной сферой хозяйствования и по своей природе имеет социально-экономическую направленность. Важная роль в становлении туризма принадлежит туристическо-рекреационному комплексу, выступающему основой для создания туристическо-рекреационных зон региональной дестинации.

Цель статьи – изучение современного состояния и анализ региональной структуры туристическо-рекреационного комплекса Беларуси.

***Материал и методы.** Информационной и эмпирической базой исследования послужили официальные статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, интернет-ресурсы, труды ученых и другие информационные материалы, содержащиеся в научных публикациях. Использованы методы: анализ и синтез, сравнение, индукция, системный анализ, ранговый метод.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье рассмотрено понятие «рекреация» со стороны социального наполнения, обоснована необходимость оздоровительных мероприятий населения, в соответствии с чем проанализированы некоторые элементы региональной структуры туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь. Основываясь на результатах сравнения с использованием рангового метода, наглядно показаны особенности построения объектов туристической индустрии и рекреационной структуры по регионам, выявлены недостатки, предложены пути развития региональных туристических дестинаций.*

***Заключение.** В процессе исследования установлена региональная неравномерность распределения туристическо-рекреационных объектов с учетом территориальной избирательности туристической деятельности. Гостиницы и аналогичные средства размещения в Республике Беларусь за 2019 г. загружены недостаточно. Основные усилия на региональном уровне необходимо направить на увеличение доли туристов, что будет способствовать загрузке средств размещения и приведет к увеличению потребления товаров и услуг внутри региона. Согласно ранжированию, наиболее привлекательным оказался г. Минск: по числу туристических организаций, по коэффициенту загрузки гостиниц, по темпу роста размещенных туристов в средствах размещения, предоставленных индивидуальными предпринимателями. Не достаточно развита и востребована инфраструктура туристическо-рекреационного комплекса Могилевской и Гомельской областей. Однако ресурсная база туристическо-рекреационного комплекса Беларуси позволяет сконцентрировать деятельность над созданием привлекательного образа страны в целом и регионов в том числе.*

***Ключевые слова:** рекреация, туризм, туристическо-рекреационный комплекс, структура, средства размещения, регион.*

The Regional Structure of the Tourist and Recreation Complex of the Republic of Belarus

Yankevich E.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Tourism is a collective economic sphere and by its nature has a social and economic orientation. An important role in the development of tourism is plated by the tourist and recreational complex, which is the basis for the creation of tourist and recreational zones of regional destination.

The purpose of the article is to study the current state and analyze the regional structure of the tourist and recreational complex of Belarus.

***Material and methods.** The information and empirical base of the research was the official statistics of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, the Internet resources, works of scientists and other information materials contained in scientific publications. The applied methods are analysis and synthesis, comparison, induction, system analysis, rank method.*

***Findings and their discussion.** The article examines the concept of recreation from the point of view of social content, substantiates the need for recreational activities of the population, in accordance with which, analyzes some elements of the regional structure of the tourist and recreational complex of the Republic of Belarus. Based on the results of the comparison using the rank method, the features of the construction of objects of the tourism industry and the recreational structure in regions are clearly shown, shortcomings are identified, and ways of the development of regional tourist destinations are proposed.*

***Conclusion.** In the course of the study, the regional unevenness of the distribution of tourist and recreational facilities was revealed, taking into account the territorial selectivity of tourist activity. Hotels and similar accommodation facilities in the Republic of Belarus in 2019 are not fully occupied. The main efforts at the regional level should be directed at increasing the share of tourists, which will facilitate the loading of accommodation facilities and lead to an increase in the consumption of goods and services within the region. According to the ranking, Minsk turned out to be the most attractive: in terms of the number of tourist organizations, in terms of hotel occupancy rates, in terms of the growth rate of tourists accommodated in accommodation*

facilities provided by individual entrepreneurs. The infrastructure of the tourist and recreational complex of Mogilev and Gomel Regions is not sufficiently developed and in demand. However, the resource base of the tourist and recreational complex of Belarus makes it possible to intensify activities to create an attractive image of the country as a whole and the regions as well.

Key words: *recreation, tourism, tourist and recreational complex, structure, accommodation facilities, region.*

По по своей природе туризм имеет социально-экономическую направленность и является собирательной сферой хозяйствования. В становлении туризма важная роль принадлежит туристическо-рекреационному комплексу, выступающему основой в создании рекреационных зон в регионах. Несомненно, для успешного функционирования туристических объектов, их востребованности существуют определенные предпосылки. Уровень урбанизации и интенсивности профессиональной нагрузки человека влечет за собой необходимость восстановления физических и умственных сил – рекреации. Понятие «рекреация» в переводе с латинского означает «восстановление». Под восстановлением принято понимать весь комплекс мероприятий, направленных на восстановление работоспособности, нормального уровня самочувствия здорового, но уставшего работника. В то же время трудовой кодекс как законодательный акт о труде и источник трудового права предусматривает пять видов отдыха: перерыв в течение рабочего дня для отдыха и питания; ежедневный (междусменный) перерыв; выходные дни, государственные праздники и праздничные дни, объявленные президентом как выходной день; еженедельный выходной; отпуск. Для удовлетворения потребности в каждом виде отдыха необходимо создание соответствующих условий. Необходимо отметить, что с каждым годом происходит смещение содержательного наполнения понятия «рекреация» в сторону досуга и туризма, имея широкие границы от кратковременной рекреационной активности до долговременной рекреационной деятельности – длительная смена привычного образа жизни [1].

Цель статьи – изучение современного состояния и анализ региональной структуры туристическо-рекреационного комплекса Беларуси.

Материал и методы. Информационной и эмпирической базой исследования послужили официальные статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, такие как сборники «Туризм и туристические ресурсы в Республики Беларусь», «Регионы Республики Беларусь», статистический бюллетень «Развитие туризма, деятельность туристических организаций, коллективных средств размещения Республики Беларусь за 2019 г.», интернет-ресурсы, труды ученых и другие информационные материалы, содержащиеся в научных публикациях. Использованы методы: анализ и синтез, сравнение, индукция, системный анализ, ранговый метод.

Результаты и их обсуждение. Роль рекреации как сферы, нейтрализующей производственные стрессы, нервно-психические нагрузки, усталость, неуклонно возрастает. Содержание понятия рекреации смещается в сторону социального наполнения. С.Н. Орлов, всесторонне изучая социологию досуга, обосновывает, что смысловые границы между понятиями досуга и рекреации размыты [2]. Существует множество подходов к понятию «туризм», однако исследователи сходятся в одном мнении, что феномену туризма однозначно присуща социально-экономическая направленность. Отдых, рекреация, досуг, туризм – все эти понятия предполагают организацию инфраструктурных объектов туристической индустрии. Другими словами, туристическо-рекреационный комплекс – это комплекс, в структуру которого в общем виде входят туристические ресурсы, инфраструктура туризма и туристическая индустрия.

В среде ученых существует множество подходов к определению туристическо-рекреационного комплекса (ТРК), которые постоянно дополняются. Так, под туристическо-рекреационным комплексом понимают совокупность ресурсов, туристической индустрии и инфраструктуры, обеспечивающей реализацию потребностей потребителей туристических услуг на определенной территории, туристической дестинации [3]. Наиболее полным и с детализацией структурных элементов нам представляется определение белорусского ученого А.И. Тарасенка: туристическо-рекреационный комплекс «… является видом межотраслевого хозяйственного комплекса и объединяет взаимосвязанные отрасли и производства, обеспечивающие создание, распределение и реализацию услуг с целью удовлетворения спроса на туризм и рекреацию» или «… его основными структурными элементами являются: органы управления туристическо-рекреационным комплексом; основные отрасли, которые непосредственно участвуют в создании турпродукта (средства размещения, предприятия общественного питания, транспорта, экскурсионного обслуживания, санаторно-курортной сферы, индустрии развлечений, розничной торговли); предприя-

тия, организующие и реализующие путешествия (туроператоры и турагенты); сопутствующие и дополнительные отрасли (медицинское обслуживание, связь, страховые компании, консульские и дипломатические службы, учебные и научно-исследовательские организации, информационные и рекламные агентства и т.п.); отрасли материального производства, осуществляющие выпуск товаров туристического потребления и обеспечивающие функционирование организаций индустрии туризма (промышленность в виде производства туристического снаряжения и инвентаря, сувениров, специализированных средств транспорта; сельское хозяйство в части производства местных продуктов; лесное хозяйство в части обустройства мест отдыха; строительство в части создания объектов туристической инфраструктуры и др.» [4].

Туристическо-рекреационный комплекс (ТРК) национальной экономики может в себя включать ТРК регионов страны и входящие в их состав туристическо-рекреационные зоны (ТРЗ). Под ТРК регионов страны понимают единую систему природных, туристских, лечебно-оздоровительных и социально-культурных подсистем (сельское хозяйство, связь, транспорт и т.п.). А под ТРЗ следует понимать территорию с высокой концентрацией туристическо-рекреационных ресурсов, «объединенных единым режимом хозяйствования, природопользования, обеспечивающим защиту и сохранение туристско-рекреационных ресурсов» [5].

Для определения структурных элементов туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь проведем анализ числа организаций и численности въездного, выездного и внутреннего туризма, средств размещения, услуг агроэкотуризма по регионам. Организации туристической индустрии подразделяются по типологии на две большие группы: основные и дополнительные [6]. Основные из них специализируются на обслуживании только туристов и гостей (турфирмы, гостиницы, дома отдыха, санатории и др.). Дополнительные организации туриндустрии производят товары не только для туристов, но и для местного населения. На основе типологии организаций туристической индустрии рассмотрим основную ее группу и выясним, каков уровень рекреационного туризма в стране. Исследуем структуру туристическо-рекреационного комплекса организованного туризма в Республике Беларусь. В таблице 1 показана структура организованного туризма (туристов и экскурсантов) в г. Минске и регионах за 2019 год.

Данные таблицы 1 показывают, что первый ранг по числу туристических организаций занимает г. Минск (50,2%). На втором месте с достаточным разрывом – Витебская область. Меньше всего туристических организаций в Могилевской области. В Беларуси в 2019 г. более востребован внутренний вид туризма (1106852 чел.). Выполняются задачи программы развития въездного туризма в большей степени Гродненской областью, г. Минском и Брестской областью, что обусловлено наличием Национального аэропорта в г. Минске, границей с Польшей и Литвой. Гомельская область имеет низкий показатель въездного туризма, предположительно из-за загрязненности

Таблица 1 – **Структура регионов и г. Минска по числу организаций и видам организованного туризма в Беларуси за 2019 г.**

Регионы	Число организаций			Въездной туризм			Выездной туризм			Внутренний туризм		
	ед.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг
Брестская	119	7,7	5	105217	25,9	3	55762	5,7	4	619024	55,9	1
Витебская	171	11,1	2	33959	8,5	4	72400	7,4	2	101020	9,1	3
Гомельская	150	9,7	3	5515	1,4	7	62513	6,4	3	27178	2,5	7
Гродненская	104	6,7	6	125204	30,9	1	42676	4,3	7	46661	4,2	6
г. Минск	775	50,2	1	120912	29,8	2	649000	66,0	1	156059	14,1	2
Минская	131	8,5	4	6026	1,5	6	45007	4,6	6	96999	8,8	4
Могилевская	94	6,1	7	8139	2,0	5	55577	5,6	5	59911	5,4	5
Всего по республике	1544	100		405472	100		982935	100		1106852	100	

Источник: составлено автором на основании статистических данных [7].

территории в результате катастрофы Чернобыльской АЭС. Более доступным для выездного туризма оказался г. Минск с удельным весом 66,0%, на втором месте – Витебская область (7,4%), хотя разность в процентном соотношении существенная. Обусловлена данная ситуация наличием в г. Минске аэропорта и уровнем совокупного дохода населения, а Витебская область – самый северный регион, население которого предпочитает отдых в более теплых странах. Последний ранг по выездному виду туризма занимает Гродненская область, что может предполагать наличие соответствующей структуры для отдыха и рекреации в регионе или недостаточный уровень доходов населения. Что касается внутреннего вида туризма, то первый ранг занимает Брестская область (55,9%), на втором месте г. Минск с достаточным разрывом на 41,8 п.п., на третьем месте Витебская область. Недостаточно развит внутренний туризм в Гомельской области.

Согласно типологии организаций туристической индустрии к основным относится туристическо-рекреационный комплекс, который включает в себя гостиницы и аналогичные средства размещения для организованного туризма. По методологии Национального статистического комитета Республики Беларусь, «средство размещения – помещение, используемое юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями для предоставления услуг размещения и удовлетворяющее требованиям, предъявляемым к временному проживанию потребителей услуг средств размещения» [7]. В республике существуют проблемы сертификации средств размещения. По состоянию на 2019 г. из 385 ед. гостиниц и туристических комплексов 332 ед. не имеют категории, что может являться одной из причин низкой загрузки. Каким образом распределились ранги по наличию средств размещения в структуре регионов Республики Беларусь указано в таблице 2.

Исходя из данных таблицы 2, в 2019 г. наибольшее количество гостиниц и туристических комплексов сосредоточено в Брестской и Минской областях (17,1 и 16,6% соответственно), а также в Гомельской области (14,3%). По количеству гостиниц и аналогичных средств размещения лидируют Минская и Витебская области (21,4 и 17,1%). Следует подчеркнуть низкую численность средств размещения в Могилевской области, где самые низкие коэффициент загрузки и количество размещенных организованных туристов. Недостаточная загруженность и численность размещенных туристов в Гродненской области может быть обусловлена наличием однодневных туристических посещений. Коэффициент загрузки гостиниц по стране оценивается как низкий (32,2%). Другими словами средства размещения загружены меньше чем наполовину. Лидирующие позиции г. Минска по числу размещенных и средств размещения объясняются наибольшей привлекательностью для туристов, а также более высоким уровнем социально-экономического развития по сравнению с другими территориями.

Очевидным является тот факт, что решить проблему слабого развития гостиничной индустрии за счет улучшения количественных харак-

Таблица 2 – **Структура гостиниц и аналогичных средств размещения для организованного туризма по регионам и г. Минску в Беларуси за 2019 г.**

Регионы	Гостиницы, тур. комплексы			Гостиницы и аналог. средства			Коэффициент загрузки		Размещено в гостиницах и аналог. средствах		
	ед.	уд. вес	ранг	ед.	уд. вес	ранг	%	ранг	чел.	уд. вес	ранг
Брестская	66	17,1	1	92	15,4	3	30,2	2	314216	15,1	2
Витебская	54	14,0	4	102	17,1	2	23,6	6	206907	9,9	4
Гомельская	55	14,3	3	77	12,9	5	28,7	4	190463	9,2	5
Гродненская	45	11,7	7	65	10,9	6	30,0	3	155472	7,5	6
г. Минск	53	13,8	5	72	12,1	4	44,4	1	849171	40,8	1
Минская	64	16,6	2	128	21,4	1	28,2	5	216640	10,4	3
Могилевская	48	12,5	6	61	10,2	7	22,1	7	148129	7,1	7
Всего по республике	385	100		597	100		32,2		2080998	100	

Источник: составлено автором на основании статистических данных [7].

теристик невозможно. Важно, чтобы гостиницы были заполнены туристами. Только увеличив число прибытий туристов в регион, можно достичь результатов, о чем свидетельствует европейский и американский опыт [8].

При изучении эффективности использования гостиничного сектора необходимо проводить маркетинговые исследования. Важно выявить востребованность различных типов номерного фонда, изучить стоимость номеров в гостиницах разной звездности, разработать систему скидок, исследовать ассортимент и уровень востребованности дополнительных (специальных) услуг [9].

В то же время нами выявлены региональные показатели в динамике с учетом туристов по странам проживания и отражены в таблице 3.

В соответствии с показателями таблицы 3 необходимо отметить положительную динамику размещенных туристов в целом по Республике Беларусь за 2018–2019 гг. Наибольший удельный вес занимают Брестская, Минская области и г. Минск. В 2019 г. снизилась на 0,5% численность размещенных граждан Беларуси, а увеличилась на 7,6% граждан других государств. Однако зарубежными гражданами в 2019 г. оказались востребованы средства размещения во всех регионах и г. Минске, кроме Витебской области (98,6%).

Структура размещенных граждан в 2018 г. выглядела следующим образом: г. Минск – 39,1%, Брестская обл. – 14,4%, Витебская обл. – 10,7%, Минская обл. – 10,1%. Граждан Беларуси размещено: г. Минск – 19,1%, Брестская обл. – 15,4%, Витебская, Гомельская, Минская обл. – по 14%. Граждан других государств больше всего размещено в г. Минске и Брестской области.

Что касается региональной структуры размещенных граждан, в 2019 г. наибольший удельный вес заняли: г. Минск – 40,8%, Брестская обл. – 15,1%, Минская обл. – 10,4%, причем граждан Беларуси останавливается больше всего – 20% – в г. Минске, а также Брестской и Минской областях, а граждан других государств в г. Минске – 58,8% и Брестской области – 13,6%. В 2019 г. недостаточно востребованы услуги размещения иностранными гражданами в Могилевской и Витебской областях.

Так, в 2019 г. (в сравнении с 2015 г.) распределение численности лиц, размещенных в санаторно-курортных, оздоровительных организациях и других специализированных средствах размещения, по регионам постоянного места жительства (в процентах к итогу) имеет следующие показатели: граждане Республики Беларусь составили 72,2% против 77,3%, граждане из стран СНГ 24,7% против 21,7%. Существенно возросло количество размещенных граждан из стран вне СНГ с 1,0 до 3,1%. Из общей численности размещенных граждане Республики Беларусь останавливаются в средствах размещения продолжительностью 1–3 дня и 15–28 дней. В то время как граждане других стран в 2019 г. пользуются услугами размещения продолжительностью 8–14 дней [11].

Как показывают исследования, высокая степень обеспеченности населения необходимыми

Таблица 3 – **Динамика размещенных туристов по странам проживания в средствах размещения по регионам и Беларуси за 2018–2019 гг., чел.**

Регионы	2018 г.			2019 г.			Темп роста, %		
	всего	граждан РБ	граждан других государств	всего	граждан РБ	граждан других государств	всего	граждан РБ	граждан других государств
Брестская	288927	149880	139047	314216	162858	151358	108,8	108,7	108,9
Витебская	215218	141704	73514	206907	134397	72510	96,1	94,8	98,6
Гомельская	195273	139457	55816	190463	130932	59531	97,5	93,9	106,7
Гродненская	159118	94527	64591	155472	85852	69620	97,7	90,8	107,8
г. Минск	785662	184832	600830	849171	192764	656407	108,1	104,3	109,3
Минская	203236	139809	63427	216640	149930	66710	106,6	107,2	105,2
Могилевская	159849	120011	39838	148129	108303	39826	92,7	90,2	100,0
Всего по республике	2007283	970220	1037063	2080998	965036	1115962	103,7	99,5	107,6

Источник: составлено автором на основании статистических данных [6].

для жизни материальными и духовными благами развитых стран способствует туристической активности людей. Прусский экономист и статист Э. Энгель еще в XIX веке доказал, что существует прямая связь между размером дохода потребителя и типом покупаемых товаров и услуг. Быстрому росту спроса на туристические услуги способствует уменьшение средств на предметы первой необходимости и увеличение расходов на предметы роскоши. Все это дает возможность генерировать туристические потоки из развитых стран. Из числа граждан других государств преобладают жители из стран СНГ – России, Украины, Казахстана; из стран ЕС – Польши, Германии, Литвы, Латвии, Великобритании, Италии; из других стран мира – Китая, Израиля, Грузии, ОАЭ, Ирака, Саудовской Аравии, США и др.

Таким образом, численность размещенных туристов в гостиницах и аналогичных средствах размещения растет, но темпы роста снижаются, что может полагать появление альтернативных средств размещения, например, специализированных средств размещения, санаторно-курортных организаций, оздоровительных организаций и объектов агроэкотуризма. Структура ТРК эволюционирует и дополняется индивидуальными средствами размещения. В последнее время наблюдается тенденция востребованности в индивидуальных средствах размещения и услугах, оказываемых индивидуальными предпринимателями по предоставлению квартир на сутки. Так, с 2017 по 2019 г. прирост размещенных граждан в индивидуальных средствах размещения достаточно внушителен и составляет 726993, 744416, 749398 чел. соответственно. Предположительно в 2020 г. в период пандемии этот показатель будет еще выше.

Следует констатировать тот факт, что жителям Беларуси «присущи особенности урбанизации и социальной структуры населения, а также определенные традиции проведения свободного времени» [7]. Востребованы туристические услуги населением крупных городов, у которых выше уровень доходов, что позволяет в большей степени генерировать потребность в туризме. В стране с каждым годом продолжает расти уровень урбанизации населения. Удельный вес городского и сельского населения в 2011 г. составлял 75,1 и 24,9%, а в 2019 г. – 78,4 и 21,6% соответственно [11]. Данная ситуация негативно сказывается на формировании рыночного спроса внутреннего туризма, т.к. еще сильны родственные связи с деревней, где городские жители проводят свои отпуска, также широко распространена в Беларуси «дачная рекреация».

Туристическая индустрия включает в себя, кроме того, специализированные средства размещения, такие как оздоровительные учреждения и санаторно-курортные организации. За последние годы в данных статистических формах отчетности появилась статистика по численности размещенных в средствах, предоставленных индивидуальными предпринимателями. Покажем региональную динамику этих средств размещения за 2019 г. в таблице 4.

Таблица 4 – **Показатели деятельности специализированных средств размещения для организованного туризма и по регионам Беларуси за 2019 г.**

Регионы	Число организаций			Размещено, санат.-курорт. и оздоровит учрежд.			Предоставлен. индивид. предприним.*			Размещено в ср-вах разм., предост. ИП		
	ед.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг
Брестская	69	14,0	3	115985	13,3	4	806	16,0	2	136967	18,3	2
Витебская	107	21,7	2	122754	14,1	2	425	8,4	7	48981	6,5	7
Гомельская	44	8,9	6	104893	12,1	5	752	14,9	4	111732	14,9	3
Гродненская	57	11,6	4	117650	13,5	3	791	15,7	3	106678	14,2	4
г. Минск	6	1,2	7	5684	0,7	7	1319	26,2	1	192466	25,7	1
Минская	157	31,9	1	355736	40,9	1	512	10,2	5	96384	12,9	5
Могилевская	52	10,6	5	46731	5,4	6	437	8,7	6	56190	7,5	6
Всего по республике	492	100		869433	100		5042	100		749398	100	

Источник: составлено автором на основании статистических данных [6].

*средства размещения, предоставленные ИП (индивидуальные и коллективные).

Лидируют по числу организаций специализированных средств размещения, как показывают данные таблицы 4, Минская и Витебская области и занимают более 50% по республике. В г. Минске минимальное число оздоровительных организаций, так как по определению санатории должны располагаться вдали от городской черты. Минская область и Витебская область занимают первые позиции по предоставленным средствам размещения в санаторно-курортных и оздоровительных учреждениях. Причем граждане других стран предпочитают санатории Витебской области (31,5% размещенных), а граждане Республики Беларусь – г. Минск (83,8%) [11]. Индивидуальными предпринимателями больше всего представляется средств размещения в г. Минске (26,2%) и Брестской области (16,0%), что обуславливает в этих регионах также высокую численность размещенных.

Нами выявлена структура востребованности средств размещения, предоставленных субъектами агроэкотуризма по регионам (таблица 5).

Таблица 5 демонстрирует лидирующие позиции Минской области по числу субъектов агроэкотуризма и численности обслуженных туристов. Во втором ранге Витебская и Гродненская области. Брестская область занимает стабильную третью позицию. Недостаточно объектов агроэкотуризма в Гомельской области и соответственно низкая численность обслуженных туристов. Следует отметить тот факт, что из численности всех обслуженных туристов в агроэкоусадьбах граждане Беларуси составляют 90,5%, и этот факт явно выражен в Гомельской области.

Со стороны государства при управлении туристическо-рекреационным комплексом необходимо использование мер протекционистской политики, что подразумевает приоритет направления совершенствования активной социальной политики общества и государства, роста доходов и потребления граждан [12].

Анализ структуры туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь позволил научно обосновать динамику регионального развития и сделать следующие выводы:

– выявлена региональная неравномерность распределения туристическо-рекреационных объектов с учетом территориальной избирательности туристической деятельности;

– гостиницы и аналогичные средства размещения в Республике Беларусь за 2019 г. загружены недостаточно;

– согласно присвоенным рангам, наиболее привлекательным оказался г. Минск: по числу туристических организаций, по коэффициенту загрузки гостиниц, по темпу роста размещенных туристов в средствах размещения, предоставленных индивидуальными предпринимателями;

– по числу специализированных и оздоровительных и санаторно-курортных учреждений лидирующие позиции занимают Минский и Витебский регионы;

– Брестская область занимает второе место, после Минской, по количеству и численности размещенных туристов в средствах, предоставленных индивидуальными предпринимателями, и третье место по количеству субъектов агроэкотуризма, является привлекательной для въездного туризма;

– Гродненская область занимает третью позицию среди всех регионов и города Минска по количеству размещенных туристов в гостиницах и первое место по въездному туризму;

Таблица 5 – **Структура субъектов агроэкотуризма и численность обслуженных туристов по областям Беларуси за 2019 г.**

Регионы	Число субъектов			Численность туристов, обслуженных					
	всего			всего			из них граждан Беларуси		
	ед.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг
Брестская	423	15,3	3	81228	15,8	3	71237	15,3	3
Витебская	647	23,4	2	56631	11,0	4	50316	10,8	4
Гомельская	171	6,2	6	41481	8,1	6	40623	8,7	6
Гродненская	399	14,5	4	85528	16,6	2	78454	16,8	2
г. Минск	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Минская	891	32,3	1	198234	38,5	1	177905	38,2	1
Могилевская	229	8,3	5	51665	10,0	5	47209	10,1	5
Всего по республике	2 760	100		514767	100		465744	100	

Источник: составлено автором на основании статистических данных [6].

– низкие темпы роста и невысокие ранги среди регионов по всем составляющим туристическо-рекреационного комплекса имеет Могилевская и Гомельская области.

Считаем важным направлением в деятельности гостиничной индустрии в период цифровизации общества использование гостиничных сетей, что привлечет потребителей нового сегмента путешественников – миллениалов, связанного с внедрением высокотехнологичных инноваций в обслуживании гостей (использование мобильных приложений, онлайн-сервис по аренде жилья, чат-боты, увеличивающие конверсию сайта отеля и др.) [13].

Заключение. Таким образом, с целью управления туристическо-рекреационным комплексом Республики Беларусь основные усилия на региональном уровне необходимо направить на увеличение доли туристов, что будет способствовать загрузке средств размещения и приведет к увеличению потребления товаров и услуг внутри региона. Ресурсная база туристическо-рекреационного комплекса Беларуси позволяет усилить деятельность над созданием привлекательного образа страны в целом и регионов в частности. Как свидетельствует международная практика организации туризма, чем лучше известен тот или иной регион как туристическая дестинация, тем проще продвигать отдельные виды туристических продуктов организациями данного региона. Структура созданного туристическо-рекреационного комплекса каждого региона Республики Беларусь имеет все возможности для выполнения задач по увеличению туристических потоков и, как следствие, образования социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации.

Литература

1. География туризма: учебник / под ред. А.Ю. Александровой. – 3-е изд., испр. – М.: КНОРУС, 2015. – 592 с.
2. Орлов, С.Н. Социология рекреации / С.Н. Орлов. – М.: Наука, 1995. – 146 с.
3. Пенкина, Н.В. Туристско-рекреационный комплекс: теоретико-методологические подходы к анализу: учеб.-метод. пособие / Н.В. Пенкина. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – 173 с.
4. Тарасенок, А.И. Оценка конкурентоспособности национальной туристической дестинации Республики Беларусь / А.И. Тарасенок // Белорус. экон. журн. – 2018. – № 2. – С. 139–151.
5. Макекадырова, А.С. Развитие системы управления формированием и функционированием туристско-рекреационного комплекса России: автореф. дис. … д-ра экон. наук / А.С. Макекадырова; ГОУ ВПО «Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова». – М., 2008. – 37 с.
6. Развитие туризма, деятельность туристических организаций, коллективных средств размещения Республики Беларусь за 2019 год [Электронный ресурс]: стат. бюл. // Национальный статистический комитет. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/. – Дата доступа: 15.03.2020.
7. Тарасенок, А.И. Туристический комплекс Беларуси: организация управления, пространственный базис, компетенции / А.И. Тарасенок // Белорус. экон. журн. – 2009. – № 2. – С. 92–106.
8. Ефремова, М.В. Состояние региональных рынков гостиничных услуг в России [Электронный ресурс] / М.В. Ефремова, О.В. Чкалова // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – Т. 15, вып. 3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-regionalnyh-rynkov-gostinichnyh-uslug-v-rossii/viewer. – Дата доступа: 21.09.2020.
9. Лебедева, Т.Е. Комплексная оценка состояния гостиничного сектора: региональный аспект [Электронный ресурс] / Т.Е. Лебедева, С.В. Булганина // Науковедение. – 2015. – Т. 7, № 5. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-otsenka-sostoyaniya-gostinichnogo-sektora-regionalnyy-aspekt/viewer. – Дата доступа: 21.09.2020.
10. Регионы Республики Беларусь: основные социально-экономические показатели городов и районов [Электронный ресурс]: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Минск, 2019. – Т. 1. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/. – Дата доступа: 20.09.2020.
11. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: буклет // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/. – Дата доступа: 20.09.2020.
12. Makekadyrova, A.S. Indicative Planning and Forecasting of the Tourist – Recreational Complex Operations / A.S. Makekadyrova // Studies on Russian Economic development. – 2007. – Vol. 18, № 3. – P. 281–284.
13. Семенова, Л.В. Мировая гостиничная индустрия: современные тренды [Электронный ресурс] / Л.В. Семенова, Т.Б. Климова // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2018. – Т. 4, № 4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-gostinichnaya-industriya-sovremennye-trendy/viewer. – Дата доступа: 21.09.2020.

Поступила в редакцию 24.09.2020

УДК 332.1(476):316.42

Новая экономика: сотрудничество, образование, наука

Турковский С.Р.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Проблема определения белорусской экономической модели имеет теоретическую и практическую значимость. Республика Беларусь как демократическое социальное правовое государство нуждается в высокоэффективной, социально ориентированной национальной экономической системе, использующей преимущества как либеральной, так и прежней социалистической экономики, активно внедряющей информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект и робототехнику.

Цель научной статьи – определение основных стратегических направлений развития новой экономики в Республике Беларусь и ее влияние на социальную эволюцию общества.

***Материал и методы.** Материалом исследования послужили нормативная правовая база, регламентирующая экономическое развитие в Республике Беларусь; научная отечественная и зарубежная литература, анализирующая альтернативные модели экономического реформирования. Основными методами были избраны диалектико-материалистический, плюралистический, классификации, моделирования, системно-структурный, конвергентный.*

***Результаты и их обсуждение.** Предлагая конвергентный выбор экономической модели в Республике Беларусь, автор выделяет основные постулаты либеральных экономистов по вопросам структуры и социальной качественной динамики перспективных макроэкономических систем, границы их применения, показывает социальную направленность социалистической экономики. Выделяется соотношение конкуренции и сотрудничества, обоснование необходимости активизации сотрудничества между различными экономическими субъектами. Выявлена тенденция повышения роли государства в управлении развития науки и образования.*

***Заключение.** Раскрывая диалектическую взаимосвязь между материальным и нематериальным производствами, автор подчеркивает особую роль государственного, научного, образовательного, информационно-технологического фактора, разумного сочетания отношений сотрудничества, корпоративных связей и конкуренции. Несмотря на рост малого и среднего бизнеса, флагманами индустрии, ядром белорусской национальной экономической системы по-прежнему являются эффективные крупные предприятия, где ведущая роль принадлежит государственной форме собственности. В условиях цифровой экономики именно образование, наука, прорывные инновации, человеческий капитал – главные детерминанты экономического и социального развития макроэкономических систем. Материальное производство, потребности населения определяют развитие сферы услуг.*

***Ключевые слова:** либеральная экономика, новая экономика, конкуренция, сотрудничество, социальная эволюция общества, образование и наука как детерминанты общественного развития, цифровые технологии.*

The New Economy: Cooperation, Education, Science

Turkovsky S.R.

Plekhanov Russian University of Economics

The problem of defining the Belarusian economic model is of theoretical and practical significance. The Republic of Belarus, as a democratic social state governed by the rule of law, needs a highly effective, socially oriented national economic system that uses the advantages of both the liberal and the former socialist economy, actively introducing information and communication technologies, artificial intelligence and robotics.

The purpose of the research is to determine the main strategic directions of the new economy development in the Republic of Belarus and its influence in the social evolution of society.

***Material and methods.** The research is based on the normative legal framework regulating economic development in the Republic of Belarus, scientific domestic and foreign literature that analyzes alternative models of economic reform. The main methods are dialectical-materialistic, pluralistic, classification, modeling, system-structural, convergent.*

***Findings and their discussion.** Suggesting a convergent choice of economic model in the Republic of Belarus, the author highlights the main postulates of liberal economists on the structure and social qualitative dynamics of promising macro-economic systems, the boundaries of their application, and shows the social orientation of the social economy. The correlation between competition and cooperation is highlighted, and the need to enhance cooperation between various economic entities is justified. There is a tendency to increase the role of the state in managing the development of science and education.*

***Conclusion.** Revealing the dialectical relationship between material and non-material production, the author emphasizes the special role of the state, scientific, educational, information and technological factors, a reasonable combination of cooperation relations, corporate ties and competition. Despite the growth of small and medium-sized businesses, the industry's flagships and the core of the Belarusian national economic system are still efficient large enterprises, where the leading role belongs to the state form of ownership. In the context of digital economy, it is education, science, breakthrough innovations, and human capital that are the main determinants of economic and social development of macroeconomic systems. Material production and the needs of the population determine the development of the service sector.*

***Key words:** liberal economy, new economy, competition, cooperation, social evolution of society, education and science as determinants of social development, digital technologies.*

Принятие Верховным Советом Республики Беларусь Декларации «О государственном суверенитете Республики Беларусь», поставило перед нашим государством стратегическую задачу выбора политического и социально-экономического пути развития. Требовалось соотнести имеющийся уровень экономики как «сборочного цеха» СССР, мировые тенденции, потребности государства и чаяния народа. Споры о том, какая экономическая и политическая модель лучше всего подходит белорусскому государству, как она влияет на социальную динамику общества, продолжаются уже более 30 лет. При этом политика санкций, последствия коронавируса усугубляют ситуацию, требуют новых, неожиданных, экономически и социально выверенных решений. Прежде чем принять стратегическую программу, важно проанализировать предлагаемые либеральными экономистами принципы либеральной капиталистической экономики, выяснить границы их применения и степень адаптированности к ним нашей экономической системы. Необходимо выделить признаки новой экономики и ее существенные характеристики.

Цель научной статьи – определение основных стратегических направлений развития новой экономики в Республике Беларусь и ее влияние на социальную эволюцию общества.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативная правовая база, регламентирующая экономическую политику и тактику в Республике Беларусь; научная отечественная и зарубежная литература, посвященная альтернативным моделям экономического реформирования. Основными методами были избраны диалектико-материалистический, плюралистический, классификации, моделирования, системно-структурного анализа, конвергентно-сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Краеугольным камнем белорусской экономики, с точки зрения либеральных экономистов, лоббирующих, в первую очередь, интересы западного большого бизнеса, является соблюдение основополагающих доктрин неоклассической либеральной экономической теории. Выделим ведущие из них.

Во-первых, ее краеугольным камнем выступает конкуренция со своими законами. При этом подчеркивается сохранение равной конкуренции между государственными и частными предприятиями.

Во-вторых, особое внимание уделяется таким факторам повышения экономической эффективности, как господдержка, госинвестиции и госсобственность. При этом господдержка должна быть краткосрочной, а порой и разовой, обязательно получающей отдачу в виде налогов, роста добавленной стоимости, увеличения валютных поступлений.

В-третьих, учитывая преимущества предпринимательства, предложено развивать в первую очередь малый и средний бизнес, например семейный в сфере услуг и производства, создавать мини-рестораны, парикмахерские, мастерские, частный придорожный сервис, агротуризм и т.д.

В-четвертых, предполагается существенно ограничить экономическую и законодательную роль государства, свести ее до стратегического планирования основных направлений, прогнозных показателей, общих правил «игры», их законодательного закрепления. Государство лишь заводит рыночный механизм и включает его в действие. В дальнейшем рынок все сам отрегулирует и расставит по своим местам, выберет наиболее эффективные средства и пути.

Доминирующей формой отношений в новой экономике должно быть сотрудничество между хозяйствующими субъектами. При этом в *либеральной экономической модели* абсолютизируется роль конкуренции и практически игнорируется роль сотрудничества. Если проанализировать экономическую и социальную динамику развития «азиатских тигров»: Китая, Вьетнама, Японии, Южной Кореи, Сингапура, то можно заметить, что решающую роль сыграли не только прорывные технологии, искусственный интеллект, робототехника, конкуренция, но и активное внедрение отношений семейного, корпоративного сотрудничества в отношениях между экономическими субъектами. Органичное сочетание отношений конкуренции и сотрудничества дает хороший экономический эффект, снижает социальную напряженность, способствует росту солидарности и трудовой активности. Например, в японских корпорациях, составляющих ядро национальной экономики, основной акцент сделан на командную работу, значительную долю сотрудников составляют работники пожизненного найма («патриоты» предприятия), всячески поощряется сотрудничество между руководством и подчиненными, отмечаются совместные праздники, проводятся корпоративные мероприятия и др. Положительный опыт отношений сотрудничества, взаимопомощи и соревнования между различными экономическими субъектами на микро- и макроуровнях накоплен в рамках экономической системы СССР и социалистического лагеря. Использование его было бы полезно для Республики Беларусь и других постсоветских государств [1].

Механизм конкуренции обусловлен господствующими в макроэкономических системах отношениями частной собственности на природные

и созданные человеком ресурсы, часто реализующей на практике индивидуальные экономические интересы в ущерб коллективным и национальным. Конкуренция, конечно, не исчезает совсем, даже и на современном этапе экономического развития, но ее пространство значительно сужается [2]. Так, по мнению всемирно известного эксперта в сфере менеджмента И. Адизеса, не нужна конкуренция внутри компании, поскольку менеджмент, рабочие и капитал должны быть на одной стороне [3, с. 171]. Российские экономисты и правоведы все активнее ставят вопрос о законодательном закреплении народа как субъекта природных национальных богатств и предлагают национализировать энергетические источники сырья.

Возникает закономерный вопрос о целесообразности сохранения конкуренции для предприятий государственного сектора. Следует признать, что конкуренция – это жестокое, беспощадное соперничество, которое часто заканчивается банкротством, закрытием предприятий, способствует росту безработицы, суицидов, количества алкоголиков, наркоманов… Она предполагает агрессивное поведение конкурирующих предприятий, существование коммерческой тайны, экономического шпионажа, конфиденциальной информации и других форм закрытости экономических субъектов, не способствует взаимодействию и сотрудничеству.

Нецелесообразна, на наш взгляд, жесткая конкуренция между предприятиями одной и той же фирмы, предприятиями-смежниками. Вряд ли она целесообразна между отечественными предприятиями, как частными, так и государственными, находящимися за границей государства, поскольку приводит к понижению цен на их продукцию. Органам государственного управления деятельность таких предприятий, очевидно, надо координировать, помогать находить лучшие решения. Определенное место в национальной экономике занимают и бесприбыльные предприятия, нацеленные непосредственно на удовлетворение социальных потребностей, которые вряд ли смогут существовать без дотаций, например, в сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном комплексе, общественном транспорте, производстве товаров для детей.

Сотрудничеству же, в противовес конкуренции, присущи, прежде всего, отношения открытости, взаимопомощи, соревнования, обмена положительным опытом, лучшими наработками и достижениями. Сотрудничество способствует мультипликационному эффекту от позитивного взаимодействия. При этом не стоит отбрасывать положительный советский опыт, который может пригодиться нам при формировании новой экономики.

Было бы ошибкой полностью отказываться от действия законов конкуренции в экономике. Она является вполне естественной между частными собственниками, которые, на свой страх и риск, стремятся максимизировать получение прибыли. С некоторыми ограничениями отраслевая и межотраслевая формы конкуренции имеют право на существование между государственными и частными предприятиями. Объективно существует конкуренция между белорусскими и иностранными предприятиями за границей, какую бы форму собственности они бы не представляли. Государство не может находиться здесь в стороне и должно всячески защищать интересы белорусских предприятий.

Во многих экономических и социальных ситуациях теоретический анализ в отрыве от эмпирического, действующий по принципу противопоставления «или – или», может дать неправильный результат. Считаем, что в условиях современной экономики имеют право на существование как конкуренция, так и сотрудничество, и надо найти социально оптимальное соотношение между ними. Социальное правовое государство основывается на рациональном сочетании рыночной экономики и социальных гарантий для трудящихся. В противном случае, социальные возмущения, кризисы, революции не только нарушат правопорядок, но и разрушат стабильность, экономику и сотрудничество.

Некоторые представители либеральной экономической теории считают, что конкуренция *между предприятиями государственной и частной форм собственности должна быть равной, так же как все другие «правила игры».* Что здесь вызывает возражение? *Во-первых,* этот принцип либеральной капиталистической экономики прямого отношения к новой экономике не имеет. А *во-вторых,* с тезисом равной конкуренции можно согласиться только в том случае, если *государство в значительной степени выражает интересы частного бизнеса (олигархата),* как это имеет место, например, в Украине и в известной мере в России. Некоторые белорусские бизнес-экономисты, в полном соответствии с либеральными традициями, предлагают сформировать новый-старый вариант реформирования белорусской экономики, не предусматривающий разницы между государственными и частными предприятиями. Но есть и *вариант гармонизации интересов,* когда правительство выражает национальный интерес, ставит его во главу угла экономической и социальной политики, тогда государственные предприятия выражают интерес общества в целом. На то они и государственные. В этом случае правительство страны часть своих социальных функций может возложить на эти предприятия и

компенсировать им возросшие при этом издержки. Это необходимо учитывать при создании условий экономической деятельности субъектов разных форм собственности, конкуренции между государственными и частными предприятиями.

Крупные предприятия как господствующий субъект современной экономики. Дискуссия о соотношении малого, среднего и большого бизнеса, роли в экономике малых, средних и больших предприятий продолжается уже много лет. Эта роль зависит от природных, людских ресурсов, национальных традиций, прежней структуры экономики, темпов приватизации, экономической эффективности, государственной политики и др. В белорусской экономической литературе довольно часто приводятся статистические сведения о том, что в нашей стране доля малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте в два с половиной раза меньше, чем в странах Прибалтики. Особенности государственного развития прибалтийских стран по сравнению с Республикой Беларусь другие, поэтому данное сравнение не совсем корректно. В Латвии, Литве, Эстонии основную ставку в экономике сделали на развитие, прежде всего, малого и среднего бизнеса, торговли, секторов финансовых операций и страхования. Скоростная приватизация крупных предприятий привела (способствовала) к их банкротству и закрытию. Это видно на примере скоростной приватизации в Латвии таких крупных предприятий, как «ВЭФ», «Радиотехника» и «РАФ». Большой бизнес превратили в малый. Трудно сказать, было ли это сделано сознательно ради крупного западного бизнеса, или к этому объективно привела логика экономического жанра, однако негативный эффект для прибалтийских стран налицо. Либеральные бизнес-экономисты предлагают приватизировать в Беларуси такие локомотивы экономики, как «МАЗ», «МТЗ», «ГОМСЕЛЬМАШ», и многие другие. От белорусских гигантов останется одно воспоминание, зато будет увеличена доля малого и среднего бизнеса. Будем иметь в виду и то обстоятельство, что значительную часть ВВП во многих странах составляют услуги, оказываемые виртуальной экономикой (операции на фондовом рынке, в страховании, финансовые спекуляции, вложения в имиджевые индикаторы, государственные инвестиции через коммерческие банки, которые до реальной экономики во многих случаях так и не доходят).

Можно согласиться с точкой зрения о том, что в Беларуси надо развивать семейный бизнес в сфере услуг и производства, создавать, к примеру, мини-рестораны, мастерские, частный придорожный, туристический сервис. Запросы на него как со стороны потребителей, так и производителей есть, однако в Беларуси не сложились еще традиции семейного сервиса. Малый, средний, семейный бизнес как дополнение крупным предприятиям, средство занятости нужно развивать, но по вкладу в экономику страны, бюджет, осуществлению социальной функции он не заменит последние. В настоящее время, как показывает опыт развитых стран, локомотивами экономики являются именно крупные компании, а не малый и средний бизнес. При этом нужно учитывать благоприятные факторы для развития национальной экономики, климатические, географические условия, предпочтения населения. Национальный экономический рост определяется главным образом динамикой крупных предприятий. Они же дают работу малым и средним предприятиям. Образцом в этом смысле является экономика Японии. Но дело не только в этом. Эффективность национальной экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе определяется, прежде всего, не приростами ВВП, а повышением уровня и качества жизни людей, позитивной динамикой реальных доходов населения, устойчивостью национальной валюты, максимизацией занятости экономически активного населения, качеством образования, здравоохранения и безопасности.

Будем также иметь в виду и то обстоятельство, что искусство государственного менеджмента во многом определяется способностью правительства взаимодействовать с крупными компаниями. В США, к слову скажем, шесть сотен крупнейших компаний наполняют около половины консолидированного бюджета страны. В Беларуси, в Витебской области например, на долю таких гигантов, как ОАО «Нафтан» и Лукомльская ГРЭС, приходится более половины налоговых поступлений. Основными добытчиками валюты в Беларуси опять же являются крупные компании (ОАО «Нафтан», ОАО «Мозырский НПЗ», РУП «ПО Беларуськалий», РУП «Белорусский металлургический завод», ОАО «Минский тракторный завод», ОАО «Минский автомобильный завод», РУП «ПО Белоруснефть»). Или возьмем АПК Беларуси. По мнению Г. Чуйко, генерального директора агрокомбината «Ждановичи», одного из самых успешных в Беларуси, для дальнейшего развития молочного скотоводства, овощеводства и садоводства требуется для эффективного использования не менее 20 тыс. гектаров. Исследованиями в области аграрной науки установлено, что именно на больших площадях рациональнее используются материально-технические ресурсы, выше технический коэффициент полезного действия, ниже себестоимость продукции [4]. В экономической науке данное обстоятельство подтверждается эффектом масштаба. К сказанному добавим,

что агрокомбинат «Ждановичи» – на 100% государственное предприятие, но это никак не мешает ему развиваться эффективно. В отношении таких предприятий государство должно проводить протекционистскую политику.

Автор данной статьи вовсе не против малого и среднего бизнеса, как может показаться. Индивидуальные предприниматели, малые и средние предприятия необходимы обществу. Они выполняют важные социальные и экономические функции: обеспечивают высокую занятость экономически активного населения, более полно удовлетворяют потребительский спрос, насыщают рынок товарами, работами и услугами. Такие формы предпринимательства достаточно эффективны в трудоемком производстве. Кроме того, из малого и среднего бизнеса вполне может вырасти и крупный бизнес, и история экономики знает тому немало подтверждений. Однако если мы хотим добиться устойчивого экономического развития и повышения инвестиционной активности, то правительству надо взаимодействовать, прежде всего, с крупными компаниями. К месту также будет сказано и то, что любая социально и экономически эффективная предпринимательская деятельность предполагает гармонизацию интересов различных экономических субъектов (акционеров, менеджмента, наемных работников, потребителей, власти, общества в целом).

Государство как выразитель национальных экономических интересов. Представляет интерес точка зрения либеральных экономистов о повышении роли государства в современных условиях. Речь идет о народном, социальном, правовом государстве. В экономической литературе можно встретить данные о том, что численность чиновников на 1000 занятых стала в Беларуси одной из самых низких в Европе и странах СНГ – 35 человек, в России – 75, Казахстане – 47, в странах Прибалтики и Польше – 60–70. Дебюрократизация государственного аппарата в Республике Беларусь, совмещение функций привели к его уменьшению. Количественное уменьшение не должно вести к снижению качества управления. Боязнь управленцев рисковать, особенно топ-менеджеров, совмещение функций могут привести к уменьшению эффективности их труда, сокращению выполнения государством экономических и социальных функций, деградации и распаду страны. Вопросы стратегии и тактики по-прежнему находятся в центре внимания государства. Целесообразность, особенно в условиях форс-мажорных чрезвычайных обстоятельств, требует немедленного государственного реагирования и обязательного выполнения.

Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения либеральных экономистов, отводящих государству роль «ночного сторожа», прогнозирующего и управляющего только стратегическим развитием страны и не вмешивающимся в решение неотложных проблем. Государство – это политическая организация народа, для народа и в интересах народа, обеспечивающая его экономическое и социальное благосостояние.

Республика Беларусь имеет богатый позитивный опыт прогнозирования и стратегического управления, включая советский период. В настоящее же время система государственных прогнозных показателей социально-экономического развития Беларуси включает: Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития, рассчитанную на 15 лет; пятилетние программы социально-экономического развития (выполняется уже пятая такая программа); прогноз социально-экономического развития на год [5]. Еще в 1998 г. был принят закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» [6]. Такая практика прогнозирования и планирования полностью себя оправдала и дала положительный социально-экономический эффект. По нашим стопам идут многие страны.

Например, в Российской Федерации только 1 июля 2014 г. Президентом В.В. Путиным был подписан закон «О стратегическом планировании», предполагающий разработку и выполнение пятилетних и годовых планов. Криминальная декоммунизация социалистической собственности, особенно природных и энергетических источников сырья, способствовала деиндустриализации, массовому обнищанию населения, формированию олигархата, распаду страны. Надежда на волшебную силу рынка и конкуренции себя не оправдала, поэтому пришлось вспомнить государственное прогнозирование и планирование.

Реформирование государственного аппарата, трансляция властных полномочий в рамках конституционной реформы в Республике Беларусь позволяют обратиться к позитивному опыту государственного прогнозирования и планирования. Для этого целесообразно сформировать в Правительстве Республики Беларусь специальный государственный орган, Государственную комиссию по прогнозированию и планированию социального и экономического развития Республики Беларусь.

Инновационные компетенции как фактор развития новой экономики. Важнейший вклад в развитие новой экономики вносит человеческий капитал, интеллектуальная собственность. Именно ему нужно уделять первостепенное значение. Всемирный банк провел исследование в 192 странах для определения вклада в увели-

чение ВВП следующих факторов: человеческого фактора или человека производительного; природных ресурсов; созданного человеком физического капитала. Исследование показало, что вклад человека производительного в рост ВВП составляет в среднем по всем странам – 64%, в США – 76%, в ЕС – 74%, в России – 50%, в Беларуси – 55% [7]. По-прежнему кадры решают все, поэтому именно им государство должно уделять первостепенное внимание. Только на основе интеллектуального человеческого ресурса может развиваться цифровая, электронная экономика с использованием искусственного интеллекта, в рамках закона, не нарушая общечеловеческих правил нравственности.

Представляется, что локомотивом развития новой экономики будет, в первую очередь, не конкуренция, а *инновационные компетенции людей* (знания, умения и профессиональные навыки), опирающиеся на гражданственность, патриотизм, гуманизм. Они формируются **культурой, образованием, наукой и информационными технологиями.** Кодекс Республики Беларусь «Об образовании» увязывает усвоение знаний, умений и навыков с формированием гармоничной, разносторонне развитой личности [8, с. 4].

Если вспомнить историю развития доминирующих факторов производства в экономике, то можно проследить движение в сторону человеческого капитала, умений, навыков, науки, сотрудничества. Классики политической экономии к основным факторам производства относили природные ресурсы, капитал производительный и финансовый, а также рабочую силу трудящихся (труд). До середины XX века центральной фигурой экономики считался *предприниматель.* На современном этапе развития мировой экономики основной фактор производства – это инновационные компетенции, результатом применения которых являются новые производства, оптимальные управленческие, экономические и политические решения. Такими компетенциями, по мнению американского экономиста Дж. Гэлбрейта, активного сторонника конвергенции социально различных национальных систем, обладает, прежде всего, техноструктура. Он считал, что власть перешла к новому фактору производства. Это совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждается современная промышленная технология [9, с. 98]. Великий экономист и мыслитель предвидел, что внутри промышленного предприятия власть переместится еще раз – на этот раз от капитала к организованным знаниям, что приведет к перераспределению власти в обществе в целом. Уточняя свои мысли, Дж. Гэлбрейт справедливо полагал, что компетенция будет включать не только знания, но умения и навыки. Фундаментальные знания важно уметь применять на практике, поэтому наука делится на фундаментальную и прикладную. Он признавал, что не каждый ученый может найти себя в условиях современного предприятия.

Предвидя коллективный характер принятия решений, Дж. Гэлбрейт понимал под *кооперацией* знаний их организованный характер.

С точки зрения либеральных экономистов, в новой экономике возрастает роль государства, которое становится, прежде всего, организатором и детерминантом образования и науки. В тех отраслях, которые определяют основные направления научно-технического прогресса и требуют больших затрат (в ядерной энергетике, авиации, космосе, сфере информационных технологий), закупки в развитых странах часто делаются на основе государственного заказа. Так «лучшее и худшее» изобретение человека – Интернет – появилось на свет по заказу Министерства обороны США. Без государственного финансирования не была бы создана и силиконовая долина – творец высоких информационных технологий. При этом заметим, что многие малые высокотехнологичные фирмы, по японскому образцу, тесно связаны и взаимодействуют с такими крупными высокотехнологичными концернами, как «Локхид», «Боинг», «Майкрософт» и др.

В Беларуси много делается для стимулирования интеллектуальной деятельности, развития IT-технологий. Эти преференции касаются законодательства, инвестиций, налоговых послаблений, оплаты труда. Больше стали получать не только айтишники, но и ученые в сфере высоких технологий. Требует серьезного повышения заработная плата в образовании – кандидатов и докторов наук.

Необходимо на государственном уровне поднять социальный и материальный престиж учителя и преподавателя. Важно верно в обществе расставить приоритеты в оплате труда людей разных профессий. Не нужно отказываться от положительного опыта СССР в плане стимулирования труда учителей, преподавателей и ученых. Интересен опыт системы школьного образования европейских стран. Например, в Финляндии учитель имеет высокий социальный и материальный статус, а его заработная плата сопоставима с оплатой труда юристов и врачей. Поэтому в учителя идут лучшие выпускники университетов. В Польше заработная плата учителя почти на 20% выше средней по стране.

Для превращения Беларуси в ведущую IT-державу предстоит много сделать в сфере пла-

нирования, стимулирования научных исследований и применения их результатов в производстве. Самое главное – сохранить и развить его. В период реформ в начале 90-х годов в Беларуси было ликвидировано множество отраслевых и межотраслевых НИИ и КБ. Тогда наивно полагали, что достаточно подготовить в большом количестве специалистов по маркетингу и менеджменту, сформировать конкурентную среду и рынок, который все сам «вывезет». Рынок представлялся самонастраивающимся и самоорганизующимся механизмом с искусственным интеллектом, который все автоматически отрегулирует. Якобы конкуренция и рынок автоматически создадут новую экономику, рабочие места, причем от государства потребуются минимальные усилия и, прежде всего, невмешательство в рыночные процессы. Однако спустя десяток лет выяснилось, что у нас не хватает высококвалифицированных рабочих, инженеров, конструкторов, математиков, физиков, химиков, биологов, специалистов в области НИОКР. Требует изучения вопрос воссоздания в Беларуси, по опыту СССР, на базе крупных высокотехнологичных предприятий научно-производственных объединений, отраслевых и межотраслевых НИИ и КБ, кафедр и факультетов университетов. Вуз и предприятие должны быть ближе друг к другу как в плане практико-направленного обучения, так и плане адаптации выпускников на производстве. Коммерциализация образования часто делает основной акцент на количественный вал. Талантливая молодежь, к сожалению, далеко не всегда после окончания вуза может получить достойную работу и соответствующую заработную плату. С целью решения этой проблемы хорошо было бы возродить институт наставничества на крупных предприятиях. Пока, к сожалению, кадры, развивающие ростки новой экономики, за исключением, пожалуй, хороших программистов, довольно часто остаются не востребованными.

Материальное производство как фундамент новой экономики. Экономическое развитие не является самоцелью общества. Оно лишь средство для роста материального и культурного уровня жизни граждан, создания благоприятных условий для социальной эволюции, самовыражения и развития. Отказавшись от марксистской формационной концепции, где определяющую роль играл экономический базис (способ производства материальных благ и форма собственности), над которыми надстраиваются государственно-правовая, духовная надстройка, мы не создали новой концептуальной схемы социально-экономического развития. Многие постсоветские страны и страны бывшего социалистического содружества попробовали возродить капитализм с «человеческим лицом». Данная попытка, как правило, не оправдала себя. Лакмусовой бумажкой стал коронавирус. Десятки тысяч смертей от пандемии показали социальную неэффективность политики в области здравоохранения даже таких богатейших капиталистических стран, на которые все равнялись, как США, Испания, Италия, Франция. Ученые вновь заговорили о конвергентной модели общества, соединяющей достижения рыночного капитализма и социальные гарантии трудящихся социализма.

Вызывает определенный интерес концепция социальной эволюции общества американского социолога и публициста Дж. Белла, который выделил три стадии социального развития общества:

• *доиндустриальное (аграрное) общество,* определяющими факторами развития которого являются сельское хозяйство, церковь и армия;

• *индустриальное общество* (детерминанты – промышленность, ведущий экономический субъект которого корпорации и фирмы);

• *постиндустриальное общество,* детерминантами которого выступают доминирование удельного веса услуг в ВВП, теоретические знания и университеты как главный способ их производства, хранения и использования.

В настоящее время в белорусской научной экономической литературе, да и на всем постсоветском пространстве, абсолютно доминирует точка зрения, согласно которой важнейшей закономерностью современного развития мировой экономики является трансформация индустриальной экономики в постиндустриальную, или экономику сферы услуг [10, с. 6]. В обоснование этой позиции, как правило, приводятся следующие два главных аргумента. Первый из них заключается в том, что современным трендом является переход от товаропроизводящей к обслуживающей экономике, означающей превосходство сферы услуг над сферой производства [11, с. 764]. В развитых странах она оставляет порядка 70%. Сторонники данной точки зрения исходят из того, что повышение удельного веса сферы услуг в ВВП Беларуси за 1990–2014 гг. было недостаточно быстрым (с 28,5 до 46,4%), поэтому правительству Беларуси, якобы надо, прежде всего, не поддерживать промышленность и сельское хозяйство, а стимулировать ускоренный рост сферы услуг [10, с. 4]. В действительности, экспорт продовольствия Республики Беларусь ежегодно составляет порядка 5–6 млрд долларов. Согласно второму аргументу собственность как критерий социальной стратификации общества «растворяется» среди многих работников, поэтому теряет свое значение и решающую роль приобретают знания

и уровень образования. В отличие от индустриального общества, где основной конфликт между трудом и капиталом обусловлен сосредоточением собственности в руках капиталистов, в постиндустриальном обществе основной конфликт перемещается в сферу борьбы между знанием и некомпетентностью [11, с. 764]. Представляется, что данный подход на качественный скачок в экономической эволюции общества в современных условиях является недостаточно обоснованным по следующим соображениям.

Во-первых, обосновывая превосходство сферы услуг над сферой материального производства, нужно учитывать диалектику взаимосвязи и взаимозависимости между ними. Исходя из того, что большая часть сферы услуг обусловлена самим существованием материального производства, например, торговля, транспорт, общественное питание и т.д. Если провести мысленный эксперимент по ликвидации результатов материального производства, то в таком случае человечество, очевидно, просуществует недолго. Еще недавно многие развитые страны, включая США, в погоне за прибылью переносили предприятия материального производства в развивающиеся страны, чтобы быть ближе к дешевым людским ресурсам и источникам сырья, а теперь их приходится возвращать на прежнее место жительства. Это также связано с тем, что квалификация местных кадров оставляет желать лучшего. «Общество потребления» может гигантски развивать сферу услуг только при высочайшей производительности труда в сфере материального производства, которое может удовлетворять малым количеством высококвалифицированных работников все потребности.

Кроме того, по мнению известного российского экономиста О. Дмитриевой, значительная часть операций на фондовых биржах носит спекулятивный характер и способствует надуванию мыльных пузырей в экономике [12]. Такие действия, на наш взгляд, можно квалифицировать как экономические преступления, раскачивающие государственную лодку экономической стабильности и приводящие к экономическим и социальным кризисам.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что в современной экономике господствуют межотраслевые комплексы. В качестве примера можно сослаться на торгово-агропромышленный комплекс, который производит и реализует продукцию, в конечном счете, населению. В условиях рыночной экономики только та продукция превращается в товар, которая находит своего платежеспособного потребителя. Пока наше общество и многие страны мира (особенно развивающиеся) испытывают острую потребность в качественных продуктах питания, где белорусский бренд очень востребованный, поэтому преждевременно уменьшать долю сельскохозяйственного производства и количество работающих в нем. Гораздо целесообразнее выделять не индустриальную и постиндустриальную экономики, а использовать на практике такие категории, как материальное производство и сфера услуг. Применение же цифровых технологий должно способствовать повышению экономической и социальной эффективности отраслей, прежде всего, материального производства.

Во-вторых, преждевременным является и мнение о том, что уже исчезло деление общества на классы. Безусловно, они претерпели изменения, однако классовая природа капитализма, антагонизм между трудом и капиталом, проблема неравенства, несправедливости и острейших противоречий сохранилась. Об этом убедительно пишет выдающийся западный экономист Т. Пикети в своей работе «Капитал в XXI веке» [13]. Название работы американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Дж. Стиглица «Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения?» говорит само за себя [14]. Поэтому преждевременно отвергать такие критерии социальной стратификации общества, как собственность на средства производства, национальный доход и национальное богатство, определяющие уровень благополучия и социальное место в обществе. И даже в условиях модернизированного современного общества антагонистические противоречия между трудом и капиталом не потеряли своей остроты.

В-третьих, концепция трех стадий в развитии общественных систем основана на господствующих в экономике технологиях, и поэтому не дает полного представления о социальной эволюции общества. По-прежнему актуальным является применение формационного подхода к выделению этапов общественного развития с учетом цивилизационных, цифровых особенностей общества.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования по поводу классификации этапов социальной эволюции общественных систем и основных признаков новой экономики, можно сформулировать несколько выводов.

• Формирование новой экономики предполагает постепенный переход от конкурентных рыночных отношений к сотрудничеству между различными экономическими субъектами и усиление экономической, научно-технической и социальной роли государства. Конвергентная модель развития общества требует органического сочетания преимуществ капитализма и социализма,

рыночной, цифровой экономики и государственных социальных гарантий и инвестиций, особенно в сферах социального обеспечения, здравоохранения и образования.

• Ядром материального производства попрежнему выступают крупные предприятия, выражающие национальные интересы, малые же и средние дополняют их и взаимодействуют с ними.

• В условиях современной экономики существенно возрастает роль образования и науки в формировании профессиональных компетенций как важнейших факторов экономического и социального развития общества.

• Концепция выделения доиндустриального, индустриального и постиндустриального этапов в развитии экономики основана на критерии господствующего технологического уклада и поэтому не является концепцией социальной эволюции общества. Более обоснованными критериями в оценке качественной социальной динамики общества выступают формационный подход, дополненный цивилизационными и информационно-коммуникационными особенностями.

Литература

1. Янчук, В.А. Экономическая система и социальная политика в СССР: характеристика, проблемы, полезный опыт для Беларуси / В.А. Янчук // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 2. – С. 41–48.
2. Янчук, В.А. Альтернативные варианты экономического развития. Классификация национальных моделей экономики по признаку социальной ориентации / В.А. Янчук // Беларус. думка. – 2017. – № 11. – С. 85–86.
3. Адизес, И. Политические озарения / И. Адизес. – М.: Рид Групп, 2012. – 240 с.
4. Чуйко, Г. Об экономических проблемах АПК / Г. Чуйко // Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. – 2014. – 17 апр.
5. Прогнозирование социально-экономического развития Республики Беларусь: вопросы теории и методики / под общ. ред. В.Н. Шимова, Я.М. Александровича, А.В. Богдановича, С.П. Ткачева. – Минск: НИЭИ Минэкономики РБ, 2001. – 336 с.
6. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 157-З. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_gosudarstvennom_prognozirovanii_i_programmah_sotsialno-ekonomicheskogo_razvitiya.htm. – Дата доступа: 23.09.2019.
7. Беларусь: Государство, управление, человек. – Минск: ПРООН, 1998. – 122 с.
8. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 янв. 2011 г. № 243. – Минск: Амалфея, 2011. – 496 с.
9. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: АСТ, Транзиткнига, Terra Fantastika, 2004. – 602 с.
10. Сектор услуг Беларуси: проблемы и перспективы развития / О.С. Булко [и др.]; науч. ред.: А.Е. Дайнеко, О.С. Булко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларус. наука, 2016. – 271 с.
11. Социология: энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов [и др.]. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с. – (Мир энциклопедий).
12. Дмитриева, О. Реальная и виртуальная экономика [Электронный ресурс] / О. Дмитриева. – Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/realnaya-i-virtualnaya-ekonomika. – Дата доступа: 01.10.2019.
13. Пикети, Томас (1971–). Капитал в XXI веке / Томас Пикети. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
14. Стиглиц, Джозеф. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Джозеф Стиглиц; [пер. с англ. Ф.А. Исрафилова]. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.

Поступила в редакцию 22.10.2020

УДК 159.923.2.019:82:37.036

М.М. Бахтин и художественно-научное познание личности

Пергаменщик Л.А.
Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Тема художественно-научного познания личности сложная, требующая особого внимания и выхода за привычные исследовательские гносеологические рамки. Мы поставили перед собой непростую задачу понять, есть ли в литературе ресурсы для познания личности; есть ли основание считать, что литературные тексты – такой же надежный документ познания личности человека, как и материалы, полученные объективным психологическим инструментарием академической психологии.

Цель статьи – наметить возможность использования художественной литературы в качестве метода научного исследования для познания личности человека и понять, как в своей экспериментальной лаборатории писатель добывает сведения о своем герое.

***Материал и методы.** Мы имеем дело с художественным образом как результатом познания, полученного в экспериментальной психологической лаборатории писателя. При чтении текста мы воссоздаем внутренний мир героя («испытуемого», как сказал бы академический психолог), сопереживаем литературному герою, получаем в этом сопереживании не только отвлеченные объективные знания о возможностях человеческой души преодолевать кризисные события, но и драгоценный опыт собственной причастности к процессу преодоления. Здесь еще один важный ресурс художественной литературы для подготовки практических психологов: через художественную литературу происходит профессиональная подготовка психолога, где ведущей компетенцией становится умение сопереживать.*

В ходе исследования были использованы следующие методы: систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный и системный анализ трудов отечественных ученых.

***Результаты и их обсуждение.** Получение знаний о душевных страданиях и их проявлениях, добытых с помощью авторской вненаходимости, включает в себя: этап вживания и этап оформления в художественной образности в виде текста как особого культурного способа сохранения и трансляции подобного знания.*

Художественный образ как результат познания позволяет нам при чтении воссоздавать внутренний мир героя, вынуждая нас сопереживать ему, получать в этом сопереживании не просто отвлеченные объективные знания о тайнах и возможностях человеческой души, но драгоценный опыт собственной причастности к ним.

Принцип Бахтина о ситуации вненаходимости и двух этапах познания позволяет другому (человеку, на которого направлена активность познания) стать любым, стать «всеми», тем самым открывает путь к познанию универсальности душевной жизни. То, что достигается в научной психологии в количественной парадигме множественностью испытуемых и приведением к среднему по группе с несбыточной надеждой вернуться к индивидуальной личности.

***Заключение.** Были намечены первые попытки связать психологию и литературу с целью использовать богатство последней в познании тех сторон личности, где научная психология не имеет возможности. Путь трудный, имеющий много препятствий, но крайне интересный и перспективный.*

***Ключевые слова:** метод научно-художественного познания личности, сопереживание, М.М. Бахтин, авторская вненаходимость, понимающая психология.*

M.M. Bakhtin and Artistic and Scientific Knowledge of the Individual

Pergamenshchik L.A.
Education Establishment "Belarusian State Maxim Tank University"

The topic of the artistic and scientific knowledge of the individual is complex, requiring special attention and going beyond the usual research epistemological framework. We have set ourselves a difficult task to understand if there are any resources in literature for learning about the individual? Is there any reason to believe that literary texts are as reliable a document of knowledge of a human personality as materials obtained by objective psychological tools of academic psychology?

The goal in this article is to outline the possibility of using fiction as a method of scientific research to learn about a human personality and first of all, to understand how the writer gets information about his character in his experimental laboratory.

***Material and methods.** We are dealing with the artistic image as the result of knowledge obtained in the experimental psychological laboratory of the writer. When reading the text, we recreate the inner world of the hero ("subject" as an academic psychologist would say), empathize with the literary hero, get in this empathy not only abstract objective knowledge about the capabilities of the human soul to overcome crisis events, but also precious*

experience of their own involvement in the process of overcoming. Here is another important resource of fiction for the training of practical psychologists: through fiction; in professional training of a psychologist the leading competence is the ability to empathize.

To solve this problem, we used: systematization and conceptualization of scientific ideas, comparative and systematic analysis of the works of Russian scientists.

***Findings and their discussion.** Obtaining knowledge about mental suffering and its manifestations, obtained with the help of the author's outside-locality, includes: the stage of getting used to it and the stage of registration in artistic imagery in the form of a text as a special cultural way of preserving and transmitting such knowledge.*

The artistic image as a result of knowledge allows us to recreate the inner world of the hero when reading, forcing us to sympathize him, to receive in this empathy not just abstract objective knowledge about the secrets and possibilities of the human soul, but the precious experience of our own involvement in them.

Bakhtin's principle of the situation of non-necessity and two stages of cognition allows the other (the person to whom the activity of cognition is directed) to become anyone, to become "everyone", thereby opening the way to the knowledge of the universality of spiritual life. What is achieved in scientific psychology in the quantitative paradigm is the multiplicity of subjects and the reduction to the average of the group with an unrealistic reliable return to the individual personality.

***Conclusion.** We have outlined the first attempts to link psychology and literature in order to use the richness of the latter in the knowledge of those aspects of personality where scientific psychology is not possible. The path is difficult, with many obstacles, but extremely interesting and promising.*

***Key words:** method of scientific and artistic knowledge of personality, empathy, M.M. Bakhtin, author's outside-locality, understanding psychology.*

Художественно-научное познание личности – сложная, требующая особого внимания и выхода за привычные исследовательские гносеологические рамки тема. Мы поставили перед собой непростую задачу понять, есть ли в литературе ресурсы для познания личности; есть ли основание считать, что литературные тексты – такой же надежный документ познания личности человека, как и материалы, полученные объективным психологическим инструментарием академической психологии.

Когда психологи обсуждают проблему связи психологии и искусства, а более узко психологии и литературы, большое внимание уделяют работе Л.С. Выготского «Психология искусства».

Идеи Б.М. Теплова имеют меньшее хождение в психологических аналитических работах. Чаще делают традиционный кивок в его сторону и идут дальше, что мы считаем несправедливым, так как Б.М. Теплов в не самое простое время для гуманитарных наук выдвинул принципиальный тезис о месте литературы в научной психологии и представил два примера, показывающих возможность литературного текста в понимании и изучении личности и поведения.

В 1947 году Борис Михайлович Теплов сформулировал программу[1] действий в направлении использования художественных произведений как научного метода. Независимо от Л.С. Выготского (его работы о Гамлете к тому времени не были опубликованы и, возможно, не были известны Б.М. Теплову), подключение художественных произведений к решению психологических задач Б.М. Теплов называет методом.

Анализ художественной литературы обычно не укладывается в число методов психологического исследования, – пишет Б.М. Теплов в 1947 году. Пишет с сожалением и одновременно в его тоне слышится удивительная для того времени уверенность, что ситуация должна безусловно измениться в лучшую сторону.

Ученый констатирует, что фактически психологи этим методом не пользуются. В те годы он нашел в текстах двух выдающихся психологов литературные образы, прекрасные литературные иллюстрации, прекрасные, но только иллюстрации, а ученый считал, что художественная литература может дать намного больше и глубже в понимании человека. Теплов указывает на два классических для советской психологии научных труда (две монографии): «Общая психология»[2] С.Л. Рубинштейна и «Мышление и речь» Л.С. Выготского.

Эти две работы, в которых появилась художественная литература, по мнению Б.М. Теплова, «производят впечатление чего-то не совсем обычного в "научном" психологическом сочинении» [1, с. 306].

Обратим внимание, что слово «научном» он закавычил, подчеркивая тем самым и необычность размещения литературы в психологии и отличие двух подходов в научном психологическом исследовании: изучение реальных людей принятым научным сообществом методами диагностики и изучение художественных образов, героев литературных произведений методом, который еще надо найти, понять, определить, обосновать.

Но все же Б.М. Теплов делает принципиальный вывод: «… художественная литература со-

[1] Подробный анализ вклада Б.М. Теплова в проблему использования художественной литературы как метода изучения личности провела и представила М.Я. Серебряная в статье «Художественная литература как метод научно-исследовательской работы» (Библиосфера. 2015. № 1. С. 15–20).

[2] Мы не оговорились: считаем работу С.Л. Рубинштейна монографией, несмотря на частые определения этой книги как учебника. Кстати, у авторов послесловия к двухтомнику «Основы общей психологии» (А.В. Брушлинский и К.А. Абульханова-Славская) (С. 250–284) не встречается термин «учебник» при замечательном анализе этого издания.

держит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология» [1, с. 306].

Б.М. Теплов оставляет для следующего поколения психологов две задачи: первая – развернуть доказательства тезиса о наличии научных материалов в литературе – задача методологическая (в настоящее время не только не решенная задача, но по существу и не принятая для рассмотрения научным сообществом); вторая – разработать принципы научно-психологического использования данных художественной литературы – задача методическая.

Несмотря на наличие великолепных образцов использования художественной литературы в психологии, эта задача специально не ставилась и естественно не решалась. Можно привести в качестве положительного примера имена двух ученых. Первый ученый В.П. Зинченко и его великолепная книга – «Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили» [2]. Однако, чтобы продолжить намеченный Зинченко путь по созданию «органической» психологии, необходим необычайный талант Владимира Петровича.

Второй автор А.А. Пузырей и его блестящий текст-послесловие к великолепной работе М. Зощенко «Перед восходом солнца» [3].

Б.М. Теплов признается, что ни первая, ни вторая задача не была решена в те далекие послевоенные годы. Что он сам предпринимает, чтобы задача сдвинулась? Он приступает к проведению научных исследований по проблеме становления (развития) личности, взяв для научного анализа произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и «Моцарт и Сальери». Чем же он руководствовался, приступив к анализу литературы для получения научных материалов для психологической науки? Методологии использования художественной литературы для научных исследований в психологии в те далекие годы не было создано. Он решился пуститься вплавь научного исследования при отсутствии правил плавания.

Цель статьи – наметить возможность использования художественной литературы в качестве метода научного исследования для познания личности человека и понять, как в своей экспериментальной лаборатории писатель добывает сведения о своем герое.

Материал и методы. Мы имеем дело с художественным образом как результатом познания, полученного в экспериментальной психологической лаборатории писателя. При чтении текста мы воссоздаем внутренний мир героя («испытуемого» сказал бы академический психолог), сопереживаем литературному герою, получаем в этом сопереживании не только отвлеченные объективные знания о возможностях человеческой души преодолевать кризисные события, но и драгоценный опыт собственной причастности к процессу преодоления. Здесь еще один важный ресурс художественной литературы для подготовки практических психологов: через художественную литературу происходит профессиональная подготовка психолога, где ведущей компетенцией становится умение сопереживать.

В ходе исследования были использованы следующие методы: систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный и системный анализ трудов отечественных ученых.

Результаты и их обсуждение. В художественной литературе зафиксированы полученные знания о душевных страданиях и их проявлениях, которые добыты с помощью механизма авторской «вненаходимости».

Концепция «авторской вненаходимости» предложена М.М. Бахтиным и состоит из двух последовательных исследовательских этапов.

Первый этап концепции получил название «вживание».

Второй этап – «оформление» образов, полученных на этапе вживания в текст, который и призван сохранить полученную на первом этапе информацию для трансляции нового, только что полученного знания.

Мы имеем дело с художественным образом как результатом познания, полученного в экспериментальной психологической лаборатории писателя.

При чтении текста мы участвуем в воссоздании внутреннего мира героя (испытуемого в терминах академической науки), сопереживаем ему, получаем в этом сопереживании не только отвлеченные объективные знания о возможностях человеческой души преодолевать кризисные события, но и драгоценный опыт собственной причастности к ним.

Процесс сопереживания, механизм переживания – это то, что научная психология принимает с большой осторожностью, часто считая механизм переживания чем-то излишним, ненужным для научного познания, даже опасным. Почему с таким трудом категория переживания принимается академической психологией? Здесь мы обратили бы внимание на две причины.

Первая – есть опасность, размышляя с позиции академической психологии, которая сформировалась в рамках теории отражения, что отказавшись от своей главной идеи прародителя всего позднее достигнутого, заигрывание с категорией переживания может привести к изгнанию психологии со списка серьезных наук.

Вторая – объективность психологии определяется, в отличие от точки зрения Бахтина,

не вненаходимостью, а отстраненностью, не включенностью в жизненную ситуацию человека исследуемого, а выходом из исследовательской жизненной ситуации[3]. В таком случае переживание только помеха объективности, научности, академичности. Мы, ученые, должны быть отстранены от жизни, которую изучаем, так как при принятии модели причастности исследователя к процессу исследования возникает опасность потери объективности и научности, которые понимаются как выход из диалога и переход к монологу: ученый выдвигает, анализирует, описывает условия жизни, а испытуемый соглашается и беспрекословно выполняет эти условия.

Другой методологический путь принимает литература, которая также изучает человека и рассказывает нам о результатах своего специфического исследования.

Гносеологический принцип Бахтина, его главная идея художественного познания личности включает два этапа познания, что позволяет отдельному человеку (человеку, на которого направлена активность познания) стать «другим», любым, стать «всеми». Тем самым ученый открывает путь к познанию универсальности душевной жизни. В современной психологии, правда, душа изгнана из поля активности психологов (не без основания, как утверждает Б.М. Братусь). Но даже без души академическая психология, используя количественную парадигму, обязана иметь дело с множественностью испытуемых в поиске среднего по группе, с надеждой позже вернуться к индивидуальной отдельной личности. Задача нерешаемая и невыполнимая. Дело в том, что если процедура получения среднеарифметической личности описана хорошо, то обратная процедура получения из среднего индивидуальной не определена вовсе.

Литература использует другую схему познания личности: двумя этапами выделяет текст о случившемся и на третьем этапе знакомства (сопереживании) переводит индивидуальный взгляд на взгляд универсальный.

Чтобы понять и обосновать возможность и право наделять литературу возможностью изучения человека, мы обратились за помощью в понимании и решении этой проблемы к М.М. Бахтину – выдающемуся русскому философу, литературоведу, психологу.

Повторим исходный тезис ученого. Главное звено в авторском художественном творчестве (познании) и читательском сотворчестве Бахтин определил понятием «вненаходимость». Вненаходимость есть нераздельное единство вживания в предмет – и сохранения позиции вне его, сохранения своей точки зрения на этот предмет. Таким образом, вненаходимость определяется как двуединство познавательной деятельности. Слово Бахтину: «Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрамить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства» [4, с. 24]. Итак, познавательная деятельность по изучению человека состоит из двух этапов: на первом этапе происходит процесс вживания; на втором этапе исследователь-писатель возвращается на свое место, с неким избытком того, что он получил в процессе вживания. Таким образом, эстетически-познавательная деятельность начинается с вживания, но благодаря вненаходимости вернувшийся «на свое место» автор обретает некий «избыток видения», которого не может дать вживание само по себе.

Бахтин продолжает рассуждать: «Я должен усвоить себе конкретный жизненный кругозор этого человека так, как он его переживает; в этом кругозоре не окажется целого ряда моментов, доступных мне с моего места: так, страдающий не переживает полноты своей внешней выраженности, переживает ее лишь частично, и притом на языке внутренних самоощущений, он не видит страдальческого напряжения своих мышц, всей пластически законченной позы своего тела, экспрессии страдания на своем лице, не видит ясного голубого неба, на фоне которого для меня обозначен его страдающий внешний образ» [4, с. 25].

Мы видим, что «вживание» позволяет увидеть внутренний мир человека способом обнаружения себя в другом, но требуется ученому понять (познать), как внутренний мир отражается в позе тела, взгляде, мимике, собственно поведении нашего испытуемого.

Что из себя представляет технический аппарат «вживания»: художник, писатель, ученый в ситуации исследования в силу единства человеческой природы имеет возможность вжиться во внутренний мир другого. Но эта полнота внутреннего слияния не является, по мнению Бахтина, «последней целью эстетической деятельности». Более того, «...чистое вживание, связанное с потерей своего единственного места вне другого,

[3] Мы должны, правда, отметить существование феноменологического направления в науке вообще и в психологии в частности. Однако феноменологический метод для отечественной психологии все еще имеет экзотическое бытие (не было защищено ни одной психологической диссертации). Подробно о феноменологии и психологии можно прочесть в публикациях А.М. Улановского (Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1).

вообще едва ли возможно и, во всяком случае, совершенно бесполезно и бессмысленно. Вживаясь в страдания другого, я переживаю их именно как его страдания, в категории другого, и моей реакцией на него является не крик боли, а слово утешения и действие помощи. Отнесение пережитого к другому есть обязательное условие продуктивного вживания и познавания и этического, и эстетического» [4, с. 5].

Возможность эстетической деятельности по познанию другого становится реализуемой только в ситуации принципиальной вненаходимости автора. Она (деятельность познания), как пишет Бахтин, начинается, «когда мы возвращаемся в себя и на свое место вне страдающего, оформляем и завершаем материал вживания; и эти оформление и завершение происходят тем путем, что мы восполняем материал вживания, то есть страдание данного человека, моментами, трансгредиентными всему предметному миру его страдающего сознания, которые имеют теперь уже не сообщающую, а новую, завершающую функцию: положение его тела, которое сообщало нам о страдании, вело нас к его внутреннему страданию, становится теперь чисто пластической ценностью, выражением, воплощающим и завершающим выражаемое страдание, и эмоционально-волевые тона этой выраженности уже не тона страдания; голубое небо, его обрамляющее, становится живописным моментом, завершающим и разрешающим его страдание» [4, с. 26].

Получение знаний о душевных страданиях и их проявлениях, добытых с помощью авторской вненаходимости, включает в себя:

– этап вживания;

– этап оформления в художественной образности в виде текста как особого культурного способа сохранения и трансляции подобного знания.

Художественный образ как результат познания позволяет нам при чтении воссоздавать внутренний мир героя, вынуждая нас со-переживать ему, получать в этом со-переживании не просто отвлеченные объективные знания о тайнах и возможностях человеческой души, но драгоценный опыт собственной причастности к ним. Процесс со-переживания, механизм переживания – это то, что научная психология не только не принимает, но и считает чем-то излишним, ненужным для научного познания. Объективность психологии определяется, в отличие от концепции Бахтина, не вненаходимостью, а отстраненностью, не включенностью в жизненную ситуацию человека исследуемого.

Принцип Бахтина о ситуации вненаходимости и двух этапах познания позволяет другому (человеку, на которого направлена активность познания) стать любым, стать «всеми», тем самым открывает путь к познанию универсальности душевной жизни. То, что достигается в научной психологии в количественной парадигме множественностью испытуемых и приведением к среднему по группе с несбыточной надеждой вернуться к индивидуальной личности.

Итак, мы изложили метод научно-художественного познания личности по Бахтину, но любой критик может упрекнуть, что мы философско-филологический взгляд на познание человека предлагаем психологии, которая все же имеет свои принципиальные отличия в познании другого. Конечно, можно возразить, что принципиальных различий нет, если речь идет о качественной парадигме исследования личности, но все же…

В качестве аргумента возможности использовать принцип вненаходимости М. Бахтина обратимся к такому психотерапевтическому направлению, как «понимающая психология». Этот подход оформлен и описан в книге Ф.Е. Василюка «Психология переживания» [5]. Книга для кризисной психологии имеет исключительное значение, несмотря на то, что со дня ее выхода прошло 35 лет. Она посвящена проблеме критических жизненных ситуаций и процессов их преодоления. Обратим внимание на ту ее часть, где активно и показательно используется материал романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Первоначально Ф.Е. Василюка смущает тот факт, что объектом анализа является не реальный человек, а литературный персонаж. Какую доказательность имеют данные такого анализа? Какого ученого психолога могут убедить эти литературные данные? Может ли ученый в принципе рассчитывать на выявление реальных, психологических закономерностей, например, в силу реализма изображения? Можно ли надеяться, что писатель, не выходя за пределы психологической достоверности в изображении действий и переживаний, не искажает психологических законов, т.е. можно ли зафиксированное в тексте рассматривать как психологическую реальность?

Исследуя психологические закономерности поведения персонажей, мы реконструируем реальность или всего лишь предлагаем взглянуть на мнение писателя об этой реальности? Ф.Е. Василюк решается рассмотреть исследование «переживания Раскольникова так, как будто он имеет дело с реальным человеком, определенный отрезок жизни которого добросовестно описан писателем» [5, с. 11]. Само исследование Ф.Е. Василюка позволяет рассеять высказанные им сомнения и продемонстрировать возможности метода, о котором размышлял Б.М. Теплов, но и с особой отчетливостью выявило ту область психологии,

где его применение особенно продуктивно и необходимо.

Что это за область, которую так внимательно и с такой эффективностью применил Ф.Е. Василюк? Это область личностного становления, которая так трудно поддается исследованию и где в силу разных причин как временного, так и этического характера ограничен эксперимент.

Однако в значительных литературных произведениях человек испытывается в различных, часто – критических, жизненных обстоятельствах или прослеживается жизненный путь героя в течение длительного времени, иногда даже от рождения до смерти. И это можно рассматривать как своеобразный мысленный эксперимент автора, который дает нам возможность заглянуть туда, куда заказан вход экспериментальной психологии, и позволяет психологу исследовать процессы, ускользающие от всех прочих методов нашей науки.

Это существенно расширяет территорию психологического исследования душевных проявлений человека в сложных, драматических жизненных ситуациях или изменений характера на протяжении целой жизни.

Заключение. Итак, мы наметили первые попытки связать психологию и литературу целью использовать богатство последней в познании тех сторон личности, где научная психология не имеет возможности. Путь трудный, имеющий много препятствий, но крайне интересный и перспективный.

Литература

1. Теплов, Б.М. Заметки психолога при чтении художественной литературы / Б.М. Теплов // Избранные труды: в 2 т. / Б.М. Теплов. – М.: Педагогика, 1985. – Т. 1. – 328 с.
2. Зинченко, В.П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В.П. Зинченко. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
3. Пузырей, А.А. Драма неисцеленного разума (Михаил Зощенко и его «Опыт о человеке»: заметки психолога) / А.А. Пузырей // Повесть о разуме / М.М. Зощенко. – М.: Педагогика, 1990. – 192 с.
4. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
5. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 240 с.

Поступила в редакцию 14.10.2020

УДК 159.923.2-053.6:316.613.4

Переживание одиночества и риск суицидального поведения у молодых людей

Колмаков А.А.
Белорусский государственный университет

В статье представлены результаты теоретического анализа работ отечественных и зарубежных авторов в области выявления факторной основы суицидального поведения молодых людей. Многие авторы отмечают, что у молодых людей переживание одиночества занимает одну из ключевых позиций в этиологии суицидальной тенденции. К сопутствующим суицидоопасному переживанию одиночества факторам относят состояние социально-психологической дезадаптации, склонность к самоповреждающему поведению, депрессивные состояния.

Цель работы – выявить значимые в прогностическом и профилактическом значении факторы риска суицидального поведения у молодых людей.

Материал и методы. *Эмпирическое исследование было проведено среди молодых людей подростково-юношеского возраста 14–19 лет. Выборку составила учащаяся молодежь в количестве 3,6 тысячи человек из 156 учреждений образования (учащиеся учреждений общего среднего, профессионально-технического, среднего специального образования, студенты учреждений высшего образования). В рамках исследования выявлялись значимые психологические факторы, обусловливающие риск суицидального поведения. Диагностическим инструментарием выступили анкета, опросник «СПА» в адаптации А.К. Осницкого, методика «Диагностика девиантного поведения» Э.В. Леус, Шкала депрессии А. Бека в адаптации Н.В. Тарабариной.*

Результаты и их обсуждение. *Результаты анкетного опроса показали, что к причинам возникновения суицидальных мыслей респонденты отнесли чувство одиночества, конфликты с родителями/родственниками, отсутствие смысла жизни, несчастную любовь, неприятности с учебой, конфликты со сверстниками и др. Была установлена их статистически значимая взаимосвязь. Среди молодых людей, которые признали, что у них когда-либо возникали суицидальные мысли, почти каждый пятый пытался осуществить суицидальные действия.*

Выявление депрессивной симптоматики у молодых людей свидетельствует о том, что углубление ее тяжести в процентном соотношении прямо пропорционально появлению и усилению суицидальных тенденций. Результаты исследования также показали статистически значимую связь между фактами насилия, агрессии, жестокого обращения с возникновением у респондентов суицидальных мыслей и осуществлением суицидальных попыток. При этом большинство из них переживали чувство одиночества. Была установлена взаимосвязь депрессивной симптоматики и социально-психологической дезадаптации по критерию самоповреждающего поведения.

Заключение. *Результаты исследования свидетельствуют о том, что чувство (переживание) одиночества и сопутствующие ему склонность к самоповреждающему поведению, депрессивные состояния, а также социально-психологическую дезадаптацию в настоящее время можно относить к ведущим психологическим и социально-психологическим факторам, провоцирующим суицидальные тенденции у молодых людей.*

Ключевые слова: *депрессивное состояние, молодые люди, несовершеннолетние, одиночество, переживание одиночества, подростки и юноши, самоповреждающее поведение, социально-психологическая дезадаптация, суицид, суицидальное поведение, суицидальный риск, суицидальная попытка, суицидальная тенденция, факторы суицидального риска.*

Experiencing Loneliness and the Risk of Adolescent Suicidal Behavior

Kolmakov A.A.
Belarusian State University

The article presents the findings of theoretical analysis of works by domestic and foreign authors in the field of identifying the factor basis of adolescent suicidal behavior. Many authors note that adolescents' experiencing loneliness is one of the key positions in the etiology of suicidal tendencies. Factors that accompany the suicidal experience of loneliness include the state of social and psychological maladaptation, the tendency to self-harming behavior, and depressive states.

The goal is to identify significant predictive and preventive risk factors for adolescent suicidal behavior.

Material and methods. *An empirical study was conducted among 14–19 year old adolescents. The sample consisted of 3,6 thousand students from 156 education establishments (students of general secondary, vocational, secondary special education establishments, students of higher education establishments). The study identified significant psychological factors that determine the risk of suicidal behavior. The diagnostic tools were a questionnaire, SPA questionnaire in the adaptation of A.K. Osnitsky, the method of Diagnostics of Deviant Behavior by E.V. Leus, the scale of depression by A. Beck in the adaptation of N.V. Tarabarina.*

Findings and their discussion. *The survey findings showed that the reasons for suicidal thoughts were attributed to the feeling of loneliness, conflicts with parents/relatives, lack of meaning in life, unhappy love, trouble with school, conflicts with peers, etc. Their statistically significant relationship was established. Among adolescents who admitted that they had ever had suicidal thoughts, almost one in five tried to carry out suicidal actions.*

The identification of adolescents' depressive symptoms showed that the deepening of its severity in percentage terms is directly proportional to the appearance and strengthening of suicidal tendencies. The results of the study also showed a statistically significant relationship between the facts of violence, aggression, and abuse with the occurrence of respondents' suicidal thoughts and the implementation of suicidal attempts. At the same time, most of them experienced a sense of loneliness. The relationship between depressive symptoms and social and psychological maladaptation was revealed on the basis of the criterion of self-harming behavior.

Conclusion. *The research findings indicate that the feeling (experience) of loneliness and its accompanying tendency to self-harming behavior, depressive states, as well as social and psychological maladaptation can now be attributed to the leading psychological and social and psychological factors that provoke adolescent suicidal tendencies.*

Key words: *depressive state, young people, minors, loneliness; experience of loneliness; adolescents, self-harming behavior, social and psychological maladaptation, suicide, suicidal behavior, suicidal risk; suicidal attempt, suicidal tendency, suicidal risk factors.*

За последние десятилетия, согласно оценке Всемирной организации здравоохранения, количество самоубийств среди молодежи в мире выросло в 3 раза. Среди причин смертности молодых людей в возрасте 15–29 лет самоубийство занимает второе-третье место. Исходя из зарубежных исследований, можно констатировать, что ежегодно каждый двенадцатый подросток в возрасте 15–19 лет пытается совершить попытку самоубийства. В настоящее время суицидальное поведение, особенно молодых людей подростково-юношеского возраста, представляет серьезную проблему общественного здоровья во многих странах мира.

На протяжении последних лет Республика Беларусь входит в первую десятку стран с высокой суицидальной активностью молодежи. Согласно докладу Всемирной организации здравоохранения, в 2019 году Беларусь занимала восьмое место в этом списке. На протяжении последних лет количество завершенных суицидов среди несовершеннолетних сохраняется стабильно высоким и характеризуется волнообразной статистикой: 2015 г. – 18 случаев; 2016 г. – 29 случаев; 2017 г. – 18 случаев; 2018 г. – 28 случаев; 2019 г. – 24 случая; за 6 месяцев 2020 г. – 5 случаев. В последние годы наблюдается тенденция к увеличению попыток суицида. Среди зарегистрированных парасуицидов несовершеннолетних: 2016 г. – 244 случая; 2017 г. – 298 случаев; 2018 г. – 347 случаев.

Суицидологическая статистика показывает, что проблема суицидального поведения молодежи, несмотря на предпринимаемые в государстве усилия, требует более пристального внимания и целенаправленных мер. Это, в частности, подчеркивается в Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы», предусматривающей исследования по выявлению причин и факторов риска суицидального поведения [1].

Научные исследования суицидального поведения насчитывают более двух столетий. Начиная с XIX в. они проводились в рамках многих научных дисциплин, направлений и подходов (философия, медицина, социология, антропология, психология и др.), по-разному объясняющих сущность и детерминацию суицидального поведения. Было создано достаточно большое количество теорий, концепций и моделей, раскрывающих факторную основу и динамику формирования суицидальной тенденции. К ним можно отнести: социокультурную модель Э. Дюркгейма; психоаналитические концепции З. Фрейда, К. Меннингера, К. Хорни и др.; мотивационную модель Э. Шнейдмана; модель социально-психологической дезадаптации А.Г. Амбрумовой; био-психо-социальную модель Д. Вассерман и др. В развитии научных представлений о суициде отчетливо наблюдаются две тенденции: во-первых, интеграция результатов и выводов классических исследований, и, во-вторых, большинством исследователей признается ведущее значение факторов и механизмов, традиционно относящихся к предметной сфере психологической науки.

Следует отметить, что примерная причинная обусловленность этого явления эмпирически давно обнаружена, но не доказана в силу мультифакторности и полиэтиологичности суицидального поведения, методологических канонов и этических принципов, а самое главное, феноменологической природы суицида. В свою очередь, динамика социального развития и изменяющиеся условия жизни постоянно привносят что-то новое в картину ведущих причин саморазрушающего поведения молодых людей. В связи с этим поиск значимых в прогностическом и профилактическом значении факторов до сих пор не прекращается.

В настоящее время в западной психологии широко рассматриваются три современных подхода, ориентированных на исследование суицидов в подростково-юношеской популяции: модель развития суицидального поведения у подростков (Д. Бридж, Т. Голдштейн, Д. Брент); когнитивные аспекты суицидального поведения (А. Спирито, Д. Мэттьюс, Э. Венцель, А.Т. Бек); интерперсональная теория самоубийства Т. Джойнера.

Так, Т. Джойнер предлагает рассматривать три ведущих фактора, обусловливающих риск совершения суицидальных действий: пережива-

ние одиночества («фрустрированная принадлежность», «социальное отчуждение» или «социальная изоляция»), переживание обременительности своего существования для других людей («воспринимаемое бремя») и снижение страха смерти («приобретенные способности») [2]. Автор теории утверждает и доказывает, что при наличии и высокой выраженности этих трех факторов в личности человека вероятность суицидальных действий многократно увеличивается.

Особое место в теории отводится переживанию одиночества. Т. Джойнер отмечает, что в соответствии с результатами томографических исследований при получении психологического болевого стимула, чувства социальной изоляции, у испытуемых в передней поясной коре головного мозга активизируются те же центры и связи, как и при получении физического болевого стимула. Комментируя эти результаты, он отмечает, что эволюционные процессы консолидировали центры, ответственные за физическую боль, с более поздними корковыми структурами, чтобы так же, как и физическая боль, предупреждать человека о чем-то потенциально опасном, а именно, о социальном отчуждении, которое для человека подобно смерти. Эта потребность в принадлежности является психологически фундаментальной, а в формировании суицидальной тенденции – ключевой [3, p. 118].

Понятие «одиночество» в психологии применяется в следующих коннотациях: одиночество как социальная изоляция, одиночество как негативное переживание социальной изоляции, одиночество как добровольное уединение с целью глубокого постижения своего «Я». В суицидологии одиночество чаще рассматривается как негативное переживание (или эмоциональное состояние), связанное с фрустрированной потребностью во взаимопонимании и близких эмоциональных связях со значимыми людьми.

Психологическую категорию «одиночество» исследователи давно рассматривают как детерминанту суицидального поведения, т.к. это переживание часто встречается в описании депрессивной симптоматики, которая, в свою очередь, является самым мощным предиктором суицида. Например, по данным исследований в 17-ти европейских странах, распространенность депрессивной симптоматики и суицидальных мыслей у подростков и молодежи имеет средний показатель 30,8%.

Для психически нормальных лиц депрессивные состояния трактуются не в клиническом, а в психологическом понимании: ощущение невыносимости ситуации, душевной боли, тоски, одиночества, ненужности, безвыходности и безнадежности. По этому поводу Д. Майерс писал: «Если депрессия среди психологических расстройств – обычная простуда, то одиночество – головная боль» [4, с. 209–210]. Целый ряд авторов отмечают сильную корреляционную связь одиночества с депрессией, а также характеризуют переживание одиночества как катастрофу для психики человека, крик о помощи [5, с. 69].

Чувство одиночества является наиболее мощным мотивом суицидального поведения в любом возрасте, но у молодых людей переживание одиночества оказывается особенно болезненным и суицидоопасным. Среди наиболее распространенных мотивов, объясняющих попытки самоубийства у подростков и юношей, современные психологи отмечают переживание отчужденности, обиды, одиночества, невозможность быть понятым. Причины и формы переживания одиночества разнообразны: неутоленная потребность в любви, ревность в ситуации покинутости, жажда уважения, признания, понимания и т.д. Э. Шпрангер отмечал, что ни в каком другом возрасте человек так не нуждается в понимании, как в годы юности. Причинами переживания одиночества могут быть как жизненные ситуации, так и личностные особенности. У людей с низкими адаптационными возможностями эти переживания углубляют состояние социально-психологической дезадаптации, усиливая риск формирования суицидального намерения.

Многие исследователи суицида определяют переживание одиночества как основной психологический фактор, провоцирующий и усиливающий высокий риск суицидального поведения особенно у молодых людей. Результаты наших исследований в 2010–2012 гг. показали, что переживание одиночества относится к разряду психологических факторов, обладающих в отношении риска суицидального поведения высоким прогностическим значением. Так, например, 95,1% молодых людей, совершивших попытку суицида, испытывали потребность в близких людях и, в то же время, у 56% парасуицидентов при этом не было друзей, а у 72% отсутствовали друзья (подруги) противоположного пола, 97,6% часто испытывали желание побыть в одиночестве, 87,8% из них не стремились поддерживать хорошие взаимоотношения со своими родителями и родственниками из-за отсутствия близости и взаимопонимания. Около 94% молодых людей со средним и выше среднего уровнем суицидального риска отмечали, что остро нуждаются в окружающих людях, но при этом они не всегда могли полагаться на помощь окружающих в решении возникающих жизненных проблем. Это служит яркой иллюстрацией особенностей личности суицидента или потенциального суицидента. В данном случае у большинства таких молодых людей очевидными являются неудовлетворенность социальным окружением,

фрустрированность потребности во взаимоотношениях с другими людьми и отсутствие способности их устанавливать и поддерживать [6, с. 86–88].

Проводимый в 2012 г. на основе опроса несовершеннолетних парасуицидентов анализ причин суицидального поведения показал, что на первом месте стоят неблагоприятные отношения в семье и конфликтные отношения с родственниками (51,6%). Вторым по значимости причинным фактором парасуицидального поведения является конфликт со сверстниками (21,5%). Третью в рейтинге позицию (около 22%) заняли парасуициденты с комплексом проблем: несчастная любовь, изоляция в кругу сверстников, страх перед будущим, одиночество и т.п. [6, с. 164].

Суицидальные тенденции у молодых людей формируются под влиянием множества различных неблагоприятных факторов. Многие ранее проведенные исследования показали, что к наиболее очевидным пусковым механизмам относят психическую травматизацию, вызванную стрессогенными событиями (ситуациями). Психологические кризисы при остром переживании неблагополучия часто актуализируют аутодеструктивные тенденции, связанные с переживанием одиночества и пессимистическим взглядом на будущее. Проводимые ранее в Республике Беларусь исследования показали, что из числа подростков, получавших специализированную помощь по поводу острого кризисного состояния, вызванного психической травматизацией, треть (33,6%) испытывали чувство одиночества, а 5% их родителей отметили, что реакцией детей были попытки суицида.

Цель работы – выявить значимые в прогностическом и профилактическом значении факторы риска суицидального поведения у молодых людей.

Материал и методы. В 2018–2019 гг. по инициативе ЮНИСЕФ совместно с министерствами образования и здравоохранения Республики Беларусь проводилось исследование проблем психического здоровья и суицидального поведения молодых людей подростково-юношеского возраста. Выборку составила учащаяся молодежь. В исследовании приняли участие 156 учреждений образования. Было опрошено 3,6 тысячи человек в возрасте от 14 до 19 лет (учащиеся учреждений общего среднего, профессионально-технического, среднего специального образования, студенты учреждений высшего образования). Из них 46% респондентов составляли юноши, 54% – девушки. В рамках данного проекта осуществлялось выявление значимых психологических факторов, обусловливающих риск суицидального поведения. Исследование включало методы анкетного опроса и психологического тестирования. Анкета содержала 103 вопроса. Психологическое тестирование осуществлялось с применением следующих методик: опросник «СПА» (социально-психологической адаптированности) в адаптации А.К. Осницкого, методика «Диагностика девиантного поведения» Э.В. Леус, Шкала депрессии А. Бека в адаптации Н.В. Тарабариной.

Результаты и их обсуждение. Одиночество является одним из значимых факторов, закрепляющих и развивающих суицидальную тенденцию, поскольку потребность в контактах с другими людьми – одна из базовых человеческих потребностей. Результаты исследования показали, что 29,5% молодых людей предпочитают проводить свободное время в одиночестве, а у 14,75% отсутствует постоянная дружеская компания, 3,2% респондентов указали на то, что в случае неприятностей или проблем им не к кому обратиться за помощью и советом.

Согласно результатам опроса, у 26,1% респондентов (n=941) один и более раз возникали мысли о том, чтобы покончить с собой. Суицидальные мысли появлялись неоднократно у 8,1% популяции (n=292), и в том, что такая мысль возникала однажды, признались 18,0% молодых людей (n=649). К причинам появления суицидальных мыслей они отнесли: во-первых, чувство одиночества – 49,24% (n=454); во-вторых, конфликты с родителями/родственниками – 43,38% (n=400); в-третьих, отсутствие смысла жизни – 36,33% (n=335); в-четвертых, несчастную любовь – 29,93% (n=276); в-пятых, неприятности с учебой – 26,36% (n=243); в-шестых, конфликты со сверстниками – 18,87% (n=174) и др. Была установлена статистически значимая взаимосвязь между суицидальными мыслями и перечисленными факторами. Таким образом, к ведущим психологическим и социально-психологическим факторам, провоцирующим суицидальные мысли у опрошенных молодых людей, можно отнести: чувство (переживание) одиночества, конфликты с родителями/родственниками, социально-психологическую дезадаптацию и отсутствие жизненных смыслов и перспектив [7, с. 42].

Для тех респондентов, которые признали, что у них когда-либо возникали суицидальные мысли (n=941), в анкете был предусмотрен вопрос о том, пытались ли они когда-нибудь осуществить суицидальные действия. На этот вопрос дали ответ 913 респондентов. Из них ответили утвердительно 19,1% (n=174), что составляет 4,8% от всей исследуемой выборки [7, с. 39].

Выявление депрессивной симптоматики у молодых людей показало, что умеренно выраженная депрессия проявляется у 19,0% опрошенных, явно выраженная депрессивная симптоматика присутствует у 6,2% респондентов, тяжелая форма – у 2,4%. У тех респондентов, которые заявили о том, что суицидальные мысли их посещали неоднократно, уровень депрессии превышал нор-

мативные показатели (49,6%). Ответы молодых людей с различной выраженностью депрессии относительно мыслей о самоубийстве распределились следующим образом:

– в группе респондентов с умеренно выраженной депрессивной симптоматикой однократные мысли о самоубийстве возникали у 34,7%, неоднократные мысли – у 12,0%;

– для респондентов с выраженной депрессивной симптоматикой характерны следующие показатели: 33,5% сообщили об однократных мыслях о самоубийстве, а 39,2% отметили неоднократное появление суицидальных мыслей;

– в группе молодых людей с тяжелой депрессией суицидальные мысли возникали однажды у 19,8% опрошенных, многократные мысли о самоубийстве отметили 64,2% представителей данной группы.

Результаты исследования показали, что углубление тяжести депрессивной симптоматики в процентном соотношении прямо пропорционально появлению суицидальных тенденций [7, с. 26–27].

Полученные в ходе нашего исследования данные свидетельствуют о наличии связи между фактами насилия, агрессии, жестокого обращения и возникновением у респондентов суицидальных мыслей. Основными источниками психической травматизации молодых людей являются отношения с родителями, одноклассниками/одногруппниками и членами компании. Суицидальные мысли возникали у 45,2% (n=383) жертв психологического насилия, которые часто испытывают по отношению к себе грубость и оскорбления; у 49,4% (n=127) тех, кто подвергается угрозам и запугиваниям; у 55,9% (n=64) молодых людей, в отношении которых применяются избиения и телесные наказания; у 54,3% (n=70) респондентов, подвергшихся сексуальному насилию. Большинство из них испытывали острое переживание одиночества.

Анализ полученных данных свидетельствует о наличии связи между фактами насилия, агрессии, жестокого обращения и осуществлением суицидальных попыток. Так, например, среди тех молодых людей, кто предпринимал попытку суицида, 75,9% испытывали по отношению к себе оскорбления и упреки; 52% – угрозы и запугивания; 33,9% подвергались избиениям, телесным наказаниям; 17,3% – принуждению к половым контактам [7, с. 38–39]. Таким образом, можно утверждать, что факты агрессии и жестокого обращения, являясь психотравматическими событиями, с большой вероятностью могут привести не только к появлению суицидальных мыслей, но и к осуществлению суицидальных попыток.

Одним из важнейших индикаторов суицидоопасного развития кризисного состояния является социально-психологическая дезадаптация. Многочисленные исследования показали, что дезорганизация социальных связей на фоне социально-психологической дезадаптации ведет к переживанию одиночества и отверженности. В ходе нашего исследования наличие признаков социально-психологической дезадаптации со склонностью к самоповреждающему поведению обнаружено у 28,4% молодых людей (25,0% – с легкой степенью дезадаптации; 3,4% – с выраженной дезадаптацией). Дальнейшее исследование показало, что 32,8% опрошенных с легкой степенью социально-психологической дезадаптации по критерию самоповреждающего поведения имеют умеренно выраженную депрессивную симптоматику, 15,6% – выраженную и 5,2% тяжелую форму депрессии; 18,1% с выраженной социально-психологической дезадаптацией по критерию самоповреждающего поведения имеют умеренно выраженную депрессивную симптоматику, 28,6% – выраженную и 22,9% тяжелую форму депрессии [7, с. 37].

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что чувство (переживание) одиночества и сопутствующие ему склонность к самоповреждающему поведению, депрессивные состояния, а также социально-психологическую дезадаптацию в настоящее время можно относить к ведущим психологическим и социально-психологическим факторам, провоцирующим суицидальные тенденции у молодых людей.

Литература

1. Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 марта 2016 г. № 200 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600200. – Дата доступа: 10.08.2020.
2. Павлова, Т.С. Современные теории суицидального поведения подростков и молодежи [Электронный ресурс] / Т.С. Павлова, Г.С. Банников // Психолого-педагогические исследования. – 2013. – № 4. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65717.shtml. – Дата доступа: 06.08.2020.
3. Joiner, T. Why people die by suicide / T. Joiner. – Cambridge; London: Harvard University Press, 2007. – 276 p.
4. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 512 с.
5. Амбрумова, А.Г. Психология одиночества и суицид / А.Г. Амбрумова // Актуальные проблемы суицидологии. Труды Моск. НИИ психиатрии. – М., 1981. – Т. 92. – С. 69–80.
6. Профилактика юношеского суицида: пособие для педагогов-психологов и педагогов соц. учреждений общего сред., проф.-техн., сред. спец. образования, соц.-пед. учреждений / Г.А. Бутрим [и др.]. – Минск: Пачатк. шк., 2013. – 400 с.
7. Исследование проблем психического здоровья и суицидального поведения подростков в Беларуси: отчет о НИР (заключ.) / Ин-т бизнеса БГУ; рук. И.В. Левицкая. – Минск, 2019. – 68 с. – № ГР 20181108.

Поступила в редакцию 02.09.2020

УДК 159.923.2:612.391.3-057.87

Особенности пищевого поведения студентов с разным уровнем жизнестойкости

Каратерзи В.А., Климкович М.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья отражает результаты исследования переменных, связанных с особенностями пищевого поведения у студентов. В ней рассматриваются данные, анализ которых может быть положен в разработку мероприятий, направленных на профилактику формирования нарушений пищевого поведения у исследуемой возрастной группы и на предыдущих этапах онтогенеза.

Цель настоящей работы – анализ корреляций пищевого поведения для более полного изучения данного явления.

***Материал и методы.** Теоретической основой исследования явились научные данные ученых-психологов о роли различных факторов в возникновении нарушений пищевого поведения. В качестве эмпирических методов применялись опрос и тестирование, методы математической статистики.*

***Результаты и их обсуждение.** Полученные результаты позволяют констатировать, что особенности пищевого поведения связаны с полом, уровнем жизнестойкости, но не с возрастом. В исследуемой выборке обнаружены различные по качеству и количеству сочетания особенностей пищевого поведения. Также выявлены различные уровни жизнестойкости у изучаемой группы лиц. Было установлено, что чем выше уровень жизнестойкости, тем меньше нарушений пищевого поведения свойственно индивиду. В связи с этим важным видится проведение систематической работы по профилактике пищевых нарушений, которая может осуществляться посредством повышения уровня жизнестойкости личности.*

***Заключение.** Проблема диагностики и профилактики нарушений пищевого поведения актуальна. На современном этапе особенности пищевого поведения встречаются довольно часто. Обнаруженная взаимосвязь с уровнем жизнестойкости позволяет выявлять группы риска и проводить работу, направленную на профилактику формирования подобного рода девиаций.*

***Ключевые слова:** пищевое поведение, нарушения пищевого поведения, жизнестойкость, взаимосвязи нарушений пищевого поведения.*

Features of the Eating Behavior of Students With Different Vitality Levels

Karaterzi V.A., Klimkovich M.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article reflects findings of the research of variables connected with features of student eating behavior. It considers data the analysis of which can become the basis for the development of events aimed at prophylaxis of shaping disorders of eating behavior of the studied age group and at the previous ontogenesis stages.

The research purpose is an analysis of eating behavior correlations aiming at a more comprehensive study of the phenomenon.

***Material and methods.** The theortical research basis is psychologists' data on the role of various factors in the emergence of eating behavior disorders. The emptric methods of questionnaires and testing as well as mathematical statistics methods were used.*

***Findings and their discussion.** The obtained findings make it possible to state that features of eating behavior are connected with the sex and the level of viability but not with the age. In the studied selection qualitatively and quantitatively different combinations of eating behavior features were identified. Different levels of the studied group of students' viability were also found out. It was established that the higher the viability level is the fewer disorders of an individual's eating behavior can be observed. In this respect systematic work on the prophylaxis of eating disorders seems to be significant. It should be carried out through the increase of the personality viability level.*

***Conclusion.** The issue of the diagnostics and profilaxis of eating behavior disorders is current. Nowadays eating behavior features can be observed rather often. The identified interconnection with the level of viability makes it possible to find out risk groups and to work at prophylaxis of such deviations.*

***Key words:** eating behavior, eating behavior disorders, viability, interconnections of eating behavior disorders.*

Многие исследователи посвятили свою деятельность изучению проблемы пищевого поведения. В своих работах А.В. Вахмистров, Т.Г. Вознесенская, Х.Е. Долл, И.Г. Малкина-Пых, В.Д. Менделевич, Ю.Л. Савчикова, В.Я. Семке и другие раскрывали психологические аспекты пищевого поведения, в частности его расстройства и нарушения.

Исходя из имеющихся данных, пищевое поведение может быть гармоничным или девиантным. Определяется это множеством факторов, таких как значимость питания в иерархии ценностей, различные показатели питания качественного и количественного характера. Пищевое поведение развивается гармонично при условии формирования адекватных установок, привычек и эмоций относительно еды, паттернов, индивидуальных для каждого [1].

Диапазон приемлемости пищи закладывается с младенчества и определяется характером вскармливания, отношением родителей к режиму питания ребенка. С момента введения прикорма пищевое поведение структурируется через ассортимент предлагаемых продуктов питания и ограничения других, время, объем и ситуации принятия ребенком пищи. Этот процесс носит социальный характер, поскольку реализуется другими людьми, его характер и особенности определяют модель пищевого поведения в дальнейшем [2].

Согласно В.Д. Менделевичу, пищевое поведение – это бережное отношение к своему питанию, приему пищи, выработанный стереотип питания в повседневных условиях и ситуациях напряжения, поведение, направленное на образ собственного тела, и деятельность, которая способствует формированию этого образа. К нарушениям пищевого поведения относится система поведенческих актов, связанных с процессом питания, препятствующих полноценному функционированию человека в результате достаточно обильного или скудного потребления пищи, которые еще не являются болезнью [3]. Выделяют экстернальное, эмоциогенное, ограничительное нарушения пищевого поведения.

Жизнестойкость отражает меру способности личности противостоять стрессовой ситуации, при этом сохранять внутреннюю уравновешенность и не снижать успешности деятельности [4]. Жизнестойкость – очень важное понятие в современной психологии. Впервые этот термин употребила Сьюзен Кобейса, но основные исследования жизнестойкости принадлежат Сальваторе Мадди. Именно жизнестойкость определяет нашу способность противостоять стрессам.

Американский психолог Сальваторе Мадди сформулировал в своих работах понятие жизнестойкости, которое предполагает решимость человека «действовать вопреки» – вопреки онтологической тревоге, вопреки тревоге потери смысла, вопреки ощущению «заброшенности». Именно благодаря жизнестойкости человек способен выносить непреодолимую тревогу, которая может стать одной из причин нарушения пищевого поведения [5].

Чаще всего изучение жизнестойкости связывают с проблемами преодоления стресса, адаптации/дезадаптации в обществе, физическим, психическим и социальным здоровьем человека. С. Мадди данный феномен рассматривал более широко. По его мнению, развитие жизнестойких качеств личности способствует повышению качества жизни, стимуляции человека к самодостаточности и более положительному самоощущению, также это становится истоком роста и развития личности. В понимании С. Мадди жизнестойкость – это конкретная установка человека, которая придает его жизни смысл, независящий от внешних обстоятельств, это некий ресурс человека, поддерживающий его физическое, психическое и социальное здоровье.

Система представлений, убеждений человека о себе, окружающем мире и отношениях с ним формирует жизнестойкость. В ее состав включают три самостоятельных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Степень проявления компонентов, которые в сумме составляют жизнестойкость, снижает риск возникновения внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых.

С. Мадди характеризовал компоненты жизнестойкости следующим образом: вовлеченность («включенность») – важная характеристика в отношении себя, окружающего мира и процесса их взаимодействия. Этот компонент мотивирует человека к лидерству, самореализации, адекватному поведению и здоровому образу мыслей. Данный компонент обеспечивает восприятие себя как достаточно ценной личности, способной эффективно включаться и решать разнообразные жизненные задачи и проблемы. «Контроль» предполагает поиск путей воздействия на результаты стрессовых событий, не впадая в уныние и не теряя самообладания. В противовес чувству страха в связи с происходящими изменениями, аттитюд, обозначенный С. Мадди как «вызов», позволяет человеку оставаться открытым для социума и окружающей его среды. На основании изложенного материала справедливо будет утверждать, что жизнестойкость – это некая совокупность черт личности и навыков, позволяющая преобразовывать трудности в возможности, в некотором роде это воплощение понятия «мужество быть», введенного П. Тиллихом.

Цель работы – анализ корреляций пищевого поведения для более полного изучения данного явления.

Материал и методы. Исследование взаимосвязи между пищевым поведением и уровнем жизнестойкости проводилось на базе Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. В обследовании приняли участие студенты I и II курсов факультета социальной педагогики и психологии и факультета физической культуры и спорта. Объем эмпирической выборки составил 35 человек (от 17 до 19 лет; средний возраст – 18 лет), из них 16 девушек и 19 юношей.

Исследование проходило в три этапа.

На первом этапе проводились изучение и анализ пищевого поведения студентов с помощью Голландского опросника пищевого поведения (DEBQ), который был создан голландскими учеными в 1986 году на базе факультета питания человека и факультета социальной психологии Сельскохозяйственного университета в Нидерландах для выявления ограничительного, эмоциогенного и экстернального пищевого поведения.

На втором этапе осуществлялось изучение уровня жизнестойкости с помощью Теста жизнестойкости С. Мадди. Тест жизнестойкости представляет собой русскоязычную адаптацию Д.А. Леонтьевым англоязычного опросника Hardiness Survey, разработанного американским психологом Сальваторе Мадди в 1984 году. Тест включает в себя 3 шкалы: 1) вовлеченность, 2) контроль, 3) принятие риска.

На третьем этапе результаты исследования обобщались и интерпретировались. Проводилась подготовка данных к статистической обработке, осуществлялись математическая обработка результатов исследования, количественный и качественный анализ. Для математической обработки данных был выбран параметрический метод математической статистики – дисперсионный анализ (процедура ANOVA).

Результаты и их обсуждение. В ходе первого этапа исследования, направленного на выявление количественной представленности особенностей пищевого поведения, были получены следующие результаты (рисунок 1).

Таким образом, пищевые нарушения имеют 83% респондентов (29 испытуемых из общего числа обследуемых). Из них 100% респондентов факультета социальной педагогики и психологии и 63% респондентов факультета физической культуры и спорта. По 34% испытуемых имеют один и два вида нарушений, у 15% отмечается три вида нарушений, 17% – не имеют нарушений. Сочетание видов пищевого поведения характеризуется большой вариативностью.

Анализ степени выраженности отдельных типов пищевого поведения позволил получить результаты, отраженные на рисунке 2.

Как демонстрирует рисунок 2, среди испытуемых, имеющих нарушения пищевого поведения, чаще всего встречается экстернальный тип (86% от общего числа респондентов с нарушениями). Экстернальное пищевое поведение тесным образом связано с повышенной чувствительностью к внешним раздражителям, которые стимулируют потребность в приеме пищи: человек, которому присуще такое поведение, ест не по причине истинного голода, исходящего изнутри и связанного с физиологической потребностью поддержания энергии и здоровья, а по причине внешних стимулов. Говоря иначе, человек ест все то, что привлекает его внешне и кажется аппетитным (увидел – съел). Эта особенность является источником чрезмерного употребления пищи, перекусов в любом месте, избыточного приема пищи в гостях, приобрете-

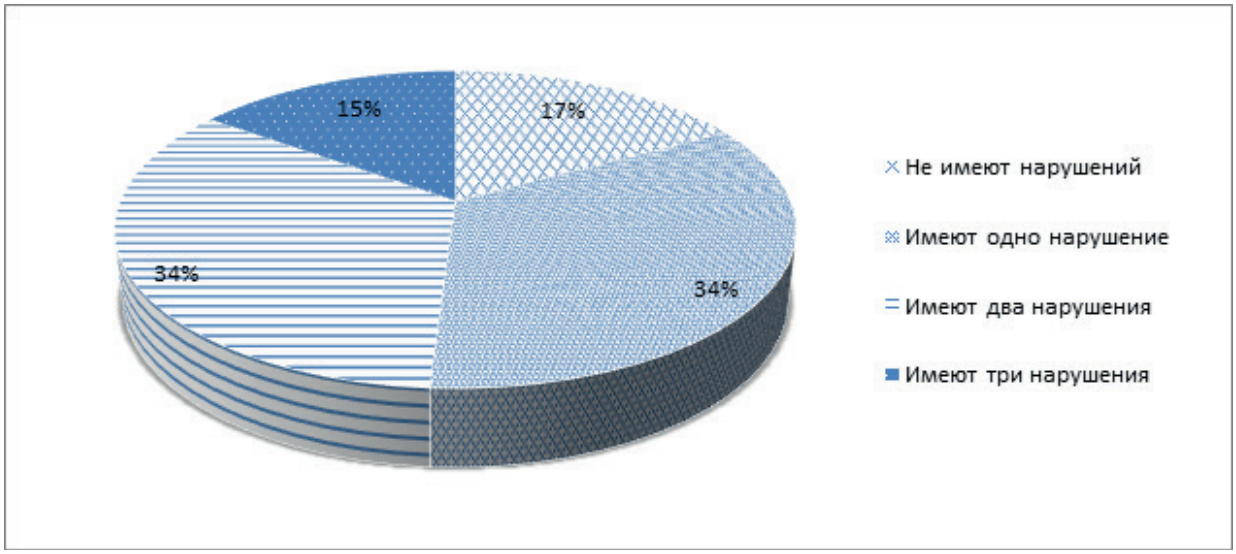


Рисунок 1 – **Количество нарушений пищевого поведения**

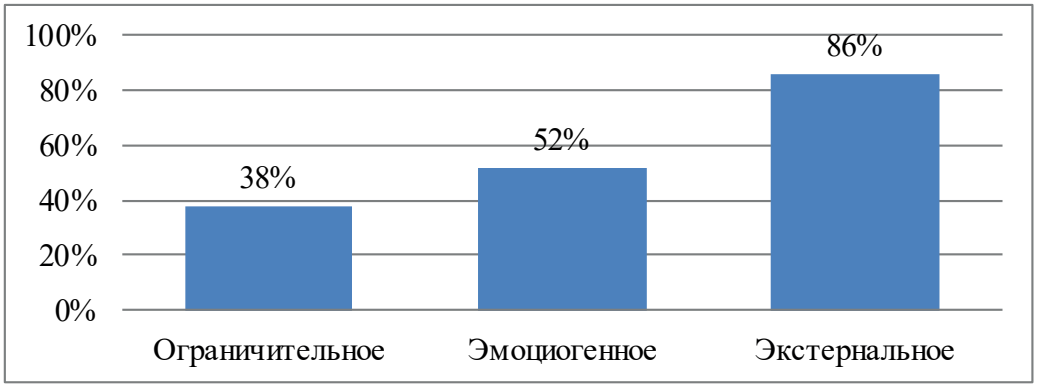


Рисунок 2 – **Преобладающий вид нарушений пищевого поведения**

ния ненужных продуктов питания. Таким образом, люди с экстернальным пищевым поведением не способны противостоять внешним раздражителям и воздержаться от незапланированного приема пищи, они готовы употреблять пищу до тех пор, пока она не закончится. Ситуацию усугубляет отсутствие чувства сытости [1].

Эмоциогенное пищевое поведение свойственно 52% от общего числа респондентов с нарушениями. Стимулом к приему пищи при эмоциогенном пищевом поведении является не голод, а эмоциональный дискомфорт: человек ест, когда он неспокоен, тревожен, раздражен, у него плохое настроение, он удручен, подавлен, обижен, раздосадован, разочарован, потерпел неудачу, ему скучно, одиноко и т.д. Иначе говоря, человек посредством приема пищи находит долгожданный покой, «заедает» свои проблемы. Еда становится панацей в борьбе человека с его горестями, несчастьями и стрессом. Таким образом, продукты питания для людей с эмоциогенным пищевым поведением являются своеобразным лекарством, так как действительно приносят им не только насыщение, но и успокоение, удовольствие, релаксацию, снимают эмоциональное напряжение, улучшают настроение.

Реже встречается ограничительное пищевое поведение (38% от общего числа респондентов с нарушениями). Ограничительное пищевое поведение проявляется как избыточное самоограничение в еде и бессистемное соблюдение чрезмерно строгой диеты. Долгое время невозможно себя сильно ограничивать в еде, поэтому период голодания сменятся периодом выраженного переедания. Переход из крайности в крайность способствует тому, что человек находится в постоянном стрессе – в периоды ограничений он страдает от сильного голода, а во время переедания страдает от того, что опять набирает вес и все его усилия были напрасными. Таким образом, эмоциональная нестабильность, возникающая на фоне применения строгих диет, проявляется в виде повышенной раздражительности и утомляемости, внутреннего напряжения и постоянной усталости, агрессивности и враждебности, тревожности, сниженного настроения, удрученности, подавленности и т.д. [1; 6].

В свою очередь, у лиц, у которых был выявлен один вид нарушения, экстернальное пищевое поведение является также преобладающим (67%). Таким образом, преобладающим видом нарушения пищевого поведения является экстернальное пищевое поведение. Следовательно, 86% респондентов не способны противостоять внешним раздражителям и воздержаться от незапланированного приема пищи, они готовы употреблять пищу до тех пор, пока она не закончится.

При обработке данных респондентов, у которых было установлено два вида нарушений, мы обнаружили следующие результаты (рисунок 3).

Из данных рисунка 3 видно, что среди лиц с двумя видами нарушений у 75% респондентов отмечено сочетание эмоциогенного и экстернального пищевого поведения. Данная комбинация указывает на то, что большинство – испытуемые с двумя нарушениями – не только не способны противостоять внешним раздражителям и воздержаться от незапланированного приема пищи, но и используют продукты питания как своеобразное лекарство, приносящее им не только насыщение, но и успокоение, удовольствие, релаксацию, снимающее эмоциональное напряжение, повышающее настроение. Также установлено, что эмоциогенный и ограничительный виды нарушения пищевого поведения (без экстернального) не встречаются. Следовательно, можно предположить, что эмоциогенное и ограничительное нарушения пищевого поведения взаимоисключающие (предположение нуждается в дополнительной верификации), однако при наличии экстернального вида возможно одновременное их проявление. Это значит, что экстернальный вид нарушения пищевого поведения является предположительно фасилитатором всех пищевых нарушений человека.

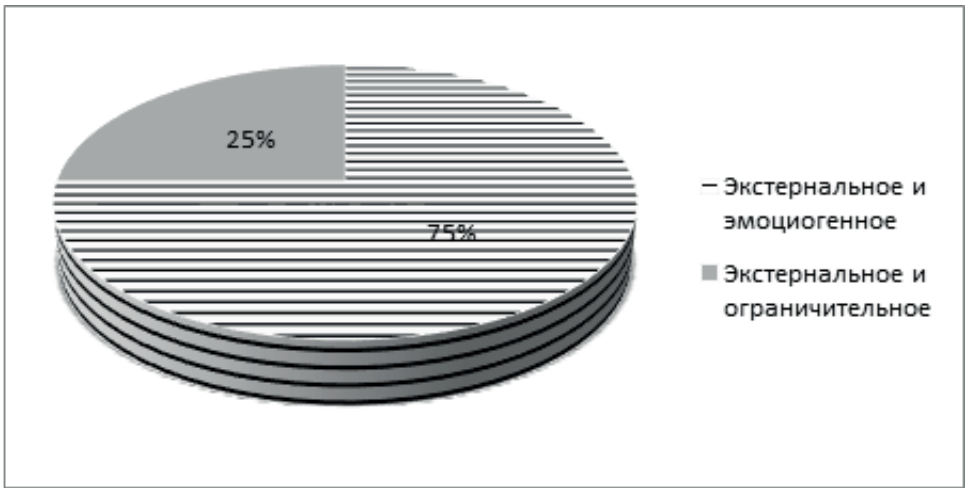


Рисунок 3 – **Соотношение видов нарушений пищевого поведения у лиц с двумя нарушениями**

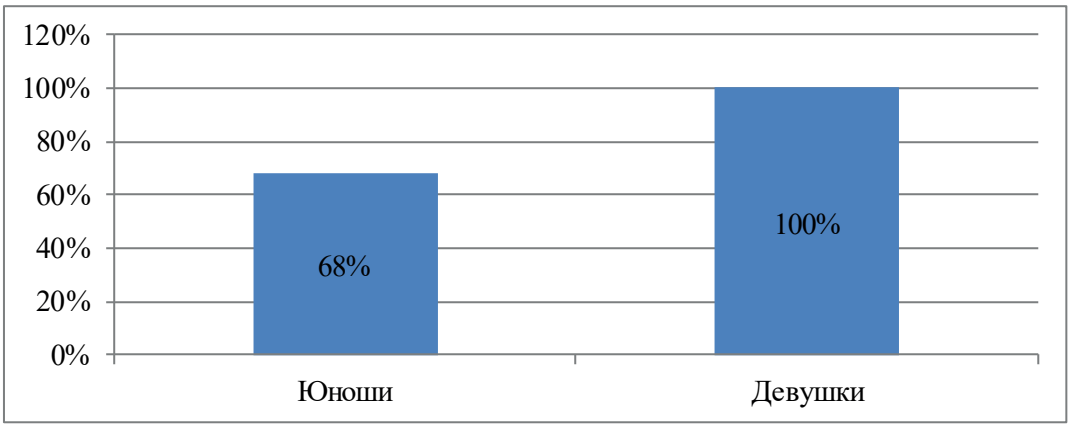


Рисунок 4 – **Гендерное соотношение лиц с нарушениями пищевого поведения**

В результате анализа данных и их математической обработке были установлены гендерные особенности пищевого поведения (рисунок 4).

Анализ соотношения выраженности различных особенностей пищевого поведения у лиц различного пола показал, что 68% юношей (от общего числа юношей) имеют нарушения пищевого поведения, у девушек данный показатель составил 100%. Таким образом, это дает основание утверждать, что нарушения пищевого поведения чаще встречаются у девушек, нежели у юношей. То есть девушки больше склонны ограничивать себя в еде, проявлять высокую чувствительность к внешним пищевым раздражителям и увеличивать частоту приемов пищи на фоне эмоционального дискомфорта.

На втором этапе исследовался уровень жизнестойкости с помощью теста жизнестойкости С. Мадди. В ходе исследования было установлено следующее:

– низкий уровень жизнестойкости имеют 26% респондентов, из них (в долевом соотношении к 100%) 22% испытуемых факультета физической культуры и спорта и 78% – факультета социальной педагогики и психологии;

– средний уровень жизнестойкости имеют 48% респондентов, из них 47% испытуемых факультета физической культуры и спорта и 53% – факультета социальной педагогики и психологии;

– высокий уровень жизнестойкости имеют 26% респондентов, из них 67% испытуемых факультета физической культуры и спорта и 33% – факультета социальной педагогики и психологии. Данные представлены на рисунке 5.

Таким образом, было установлено, что 48% испытуемых имеют средний уровень жизнестойкости. У респондентов факультета физической культуры и спорта преобладают более высокие показатели по шкале жизнестойкости, нежели у респондентов факультета социальной педагогики и психологии.

На третьем этапе в ходе математической обработки данных с помощью параметрического метода математической статистики (дисперсионный анализ (процедура ANOVA)) было выявлено, что юноши реже имеют нарушения пищевого по-

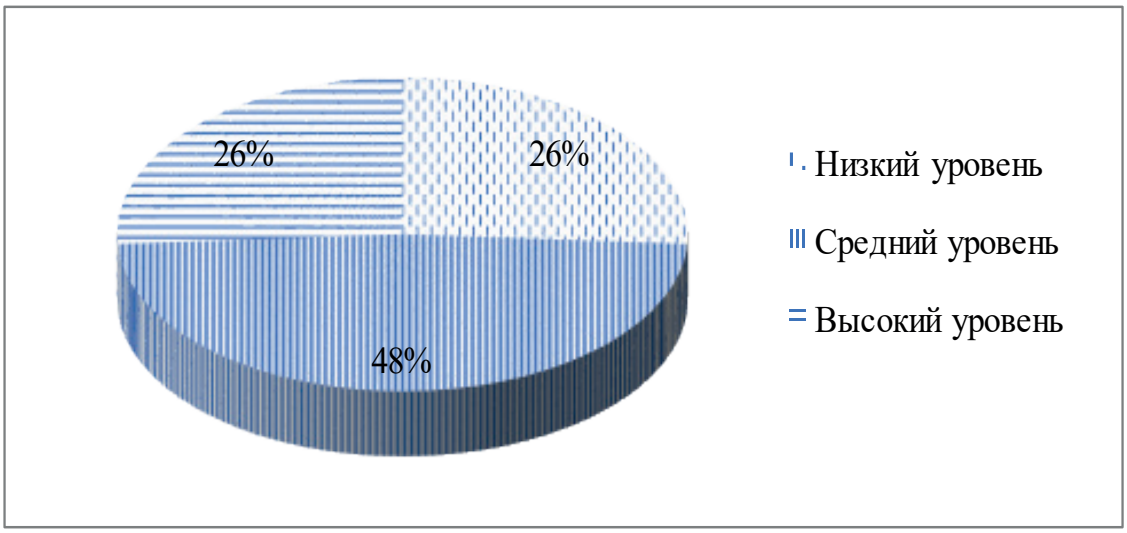


Рисунок 5 – **Уровень жизнестойкости**

ведения, чем девушки. Среди юношей 68% имеют пищевые нарушения, в то время как у девушек этот показатель 100%. Обнаруженные различия носят статистически достоверный характер, об этом свидетельствуют полученный процент величины дисперсии F=6,96 и коэффициент достоверности p=0,013.

Кроме того, было установлено, что девушки имеют достоверно большее количество пищевых нарушений, нежели юноши – величина дисперсии составляет F=4,30 и коэффициент достоверности p=0,012.

А значит, юноши не только реже имеют нарушения пищевого поведения, нежели девушки, но и имеют меньшее количество пищевых нарушений. Следовательно, можно предполагать, что нарушение пищевого поведения связано с полом.

Было установлено, что не существует взаимосвязи между нарушениями пищевого поведения и возрастом – величина дисперсии F=3,69 и коэффициент достоверности p=0,063.

Согласно величине дисперсии между количеством нарушений пищевого поведения и уровнем жизнестойкости F=4,21 (при p=0,013), было выявлено, что чем выше уровень жизнестойкости, тем меньшее количество нарушений пищевого поведения присуще индивиду. Корреляция является статистически достоверной.

Данные, полученные при анализе взаимосвязи компонентов жизнестойкости с количеством нарушений пищевого поведения, также подтверждают обнаруженную ранее корреляцию. Были установлены следующие коэффициенты взаимосвязи компонентов жизнестойкости с особенностями пищевого поведения: вовлеченность – F=4,38, p=0,011; контроль – F=4,0, p=0,015; принятие риска – F=3,79, p=0,02.

Таким образом, как уровень жизнестойкости, так и уровни вовлеченности, контроля и принятия риска находятся в обратной связи с количеством нарушений пищевого поведения.

Заключение. Полученные в исследовании результаты позволяют говорить о том, что обнаруженные особенности пищевого поведения связаны с полом, уровнем жизнестойкости, однако не коррелируют с возрастом. Чем выше уровень жизнестойкости, тем меньше нарушений пищевого поведения свойственно индивиду. Также можно утверждать, что студенты факультета физической культуры и спорта имеют меньшее число нарушений пищевого поведения и более высокие показатели по уровню жизнестойкости и его компонентов, нежели студенты факультета социальной педагогики и психологии.

Литература

1. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 488 с.
2. Богомаз, С.А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья / С.А. Богомаз // Материалы науч.-практ. конгрессов Третьего Всерос. форума «Здоровье нации – основа процветания России». – М., 2007. – Т. 3, ч. 1. – С. 23–25.
3. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
4. Лурия, А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2004. – 320 с.
5. Малкина-Пых, И.Г. Терапия пищевого поведения / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.
6. Вознесенская, Т.Г. Нарушение пищевого поведения и коморбидные синдромы при ожирении и методы их коррекции / Т.Г. Вознесенская // Журн. неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2000. – № 12. – С. 49–52.

Поступила в редакцию 31.08.2020

УДК [159.923.2+159.953]-057.87

Диагностика уровня психологической готовности обучающихся к самообразовательной деятельности

Совейко Е.И.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Для эффективного самообразования у специалиста должна быть сформирована готовность к этому виду деятельности. В исследованиях последних лет выделена структура готовности к самообразованию, ее компоненты, однако до сих пор нет четких критериев диагностики ее уровня. Выделение их позволит педагогу организовать свою деятельность с учетом индивидуального подхода к обучающимся, что поможет им эффективно овладевать самообразовательной компетенцией.

Цель данной статьи – выделение и обоснование критериев диагностики уровня психологической готовности обучающихся к самообразовательной деятельности.

***Материал и методы.** В исследовании принимали участие 178 обучающихся IV курса специальности 2-74 03 02 «Ветеринарная медицина» Аграрного колледжа учреждения образования «Витебская ордена "Знак Почета" государственная академия ветеринарной медицины» и учреждения образования «Смиловичский государственный аграрный колледж». Были использованы опросники рефлексивности (А.В. Карпов), саморегуляции деятельности (Е.Ю. Мандрикова), «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) и специально разработанная анкета «Готовность к самообразовательной деятельности».*

***Результаты и их обсуждение.** За уровень выраженности мотивационного компонента была принята средняя оценка параметров «Учусь дополнительно сам», «Мне нравится учиться самостоятельно». Уровень развития целевого компонента определили оценкой параметра «Могу самостоятельно достичь поставленных целей самообразования». Когнитивный компонент оценивался средней оценкой параметров «Осознаю, что не достигну поставленных целей без дополнительной учебы» как понимание сущности самообразования и «Ежедневно изучаю новое» как применение его форм и методов. Уровень сформированности нравственно-волевого компонента определялся как среднее арифметическое самооценки дисциплинированности и ответственности обучающихся.*

***Заключение.** На основании полученных результатов делается вывод, что уровень психологической готовности к самообразованию можно определить как среднее арифметическое оценок обучающимися по трехбалльной шкале утверждений, составляющих психологический блок анкеты «Готовность к самообразовательной деятельности». Психологическая готовность к самообразованию считается низкой при уровне ее от 1,0 до 1,7, средней – на уровне от 1,7 до 2,3, высокой – на уровне свыше 2,3. Валидность данного критерия подтверждает статистическое исследование, обнаруживающее достоверные связи с соответствующими шкалами стандартизированных опросников «Общая структура деятельности» Е.Ю. Мандриковой и «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой.*

***Ключевые слова:** самообразование, самообразовательная деятельность, готовность к самообразованию, готовность к самообразовательной деятельности, психологическая готовность, мотивация, познавательная мотивация.*

Diagnostics of the Level of Students' Psychological Readiness for Self-Education

Soveiko Y.I.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

A specialist should possess readiness for self-education to make this activity most effective. Recent studies have highlighted the structure of readiness for self-education, its components; however, there are still no clear criteria for diagnosing its level. Selecting them will allow the teacher to organize their activities with the individual approach to students. It will help them to gain self-educational competence effectively.

The purpose of the study is to identify and justify the criteria for diagnosing the level of psychological readiness of students for self-educational activities.

***Material and methods.** The study involved 178 fourth year students majoring in Veterinary Medicine at Agrarian College of Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine and Smilovichi State Agrarian College. In this study we have used a complex of methods: questionnaires of reflexivity (A.V. Karpov), self-regulation of activity (E.Yu. Mandrikova), "the style of self-regulation of behavior" (V.I. Morosanova), "readiness for self-educational activities", and the questionnaire "readiness for self-educational activities" which was developed specifically for this study.*

***Findings and their discussion.** For the expression level of the motivational component, the average assessment of the parameters "I study additionally myself", "I like to study independently" was adopted. The level of development of the target component was determined by evaluating the parameter "I can independently achieve the goals of self-education". The cognitive component was evaluated by an average assessment of the parameters "I realize that I will not achieve my goals without additional studies" as an understanding of the essence of self-education, and "Daily learn new things" as the application of its forms and methods. The level of shaping the moral-volitional component was determined as the arithmetic average of self-esteem of discipline and responsibility of students.*

Conclusion. *Based on the obtained findings, it is concluded that the level of psychological readiness for self-education can be defined as the arithmetic average of grades by students on a three-point scale of statements that make up the psychological block of the "Readiness for self-educational activity" questionnaire: "I like to study independently"; "I study additionally myself"; "I can independently achieve the goals of self-education"; "I realize that I will not achieve my goals without additional studies"; "Every day I learn new things"; "I am quite responsible"; "I'm quite disciplined". Psychological readiness for self-education is considered low at a level of 1,0 to 1,7, average at a level of 1,7 to 2,3, high at a level above 2,3. The validity of this criterion is confirmed by a statistical study that reveals reliable relationships with the corresponding scales of standardized questionnaires "General structure of activity" by E.Yu. Mandrikova and "Style of self-regulation of behavior" by V.I. Morosanova.*

Key words: *self-education, self-educational activity, readiness for self-education, readiness for self-educational activity, psychological readiness, motivation, cognitive motivation.*

Самообразовательная компетенция является одной из важнейших для современного специалиста в любой области. Концепция «Образование через всю жизнь» становится ведущей, и это определяет задачу педагога: не просто передать знания и сформировать умения, а научить учиться. Однако для эффективного самообразования у специалиста должна быть сформирована готовность к этому виду деятельности. Готовность к самообразованию в данной статье будет рассматриваться как интегративное состояние личности, характеризующее ее способности осуществлять самообразование, в котором она пребывает в конкретный момент времени [1].

Инициатором самообразовательной деятельности является сам ее субъект, она не может осуществляться по образцу, но может стимулироваться извне. Педагог может повлиять на ее становление готовности к самообразованию, воздействуя на отдельные ее компоненты. В данном исследовании рассматриваются такие компоненты, как:

• мотивационно-целевой – положительное отношение к самостоятельному изучению волнующих субъект самообразования проблем; желание и потребность в дополнительной образовательной деятельности, саморазвитии, самоактуализации;

• ориентационный (который условно можно разделить на когнитивный и нравственно-волевой) – свойства личности, способствующие организации самообразовательной деятельности (любознательность, критичность, чувство долга, уверенность в себе), умение выделить и наметить пути достижения цели;

• организационный – умение планировать свою деятельность и свое время, дисциплинированность, ответственность;

• операциональный – наличие умений и навыков самообразовательной деятельности.

При этом мотивационно-потребностный и ориентационный компоненты составляют психологическую готовность субъекта к самообразованию, а организационный и операциональный – технологическую. Оба типа готовности опосредуются рефлексивностью как метакогнитивным образованием, отвечающим за планирование, прогнозирование, оценку и регуляцию своей деятельности, осознание соответствия полученных результатов планируемым.

Обучающиеся и специалисты любого возраста могут обладать различным уровнем развития отдельных компонентов готовности к самообразованию. Причем современные исследования показывают, что, несмотря на то, что большинство обучающихся положительно относятся к самостоятельной познавательной деятельности, к эффективному самообразованию они не готовы [2–7]. Для целенаправленного психолого-педагогического воздействия, формирующего определенные компоненты готовности к самообразованию, необходимы четкие критерии диагностики. В литературе [2; 5; 6; 8; 10] описаны компоненты готовности к самообразованию, выделены мотивационные факторы [3; 4; 6; 7], однако не установлен специальный инструментарий диагностики их уровней, не разработаны четкие критерии их оценки. Это обусловливает актуальность данной работы.

Проведение исследования является попыткой измерить и формализовать параметры диагностических критериев, устанавливающих уровень психологической готовности обучающихся к самообразованию. Результаты данного исследования могут применяться в практике педагогов для организации дифференцированного подхода к обучению и опосредованного управления развитием компонентов готовности к самообразованию.

Цель научной статьи – выделение и обоснование критериев диагностики уровня психологической готовности обучающихся к самообразовательной деятельности.

Материал и методы. В исследовании приняли участие обучающиеся IV курса специальности 2-74 03 02 «Ветеринарная медицина»: 134 обучающихся Аграрного колледжа учреждения образования «Витебская ордена "Знак Почета" государственная академия ветеринарной медицины» и 44 обучающихся учреждения образования «Смиловичский государственный аграрный колледж».

Исследование состояло из нескольких этапов. На первом была выделена структура готовности к самообразовательной деятельности, определено, что понимается под каждым компонентом. Далее были проанализированы существующие методы для диагностики уровня каждого из компонентов готовности к самообразованию [11].

Следующим этапом стала разработка анкеты «Готовность к самообразовательной деятельности». Она содержит 13 вопросов. Тестируемый должен оценить свое отношение к определенному утверждению, касающемуся его отношения к самообразованию, по трехбалльной шкале и ответить на один вопрос, выбрав наиболее предпочитаемый из 4-х предложенных вариантов оценки желания и умения заниматься самообразовательной деятельностью. Вопросы анкеты составлялись в соответствии со структурой готовности к самообразованию, чтобы они позволили определить уровень развития каждого из ее компонентов. 7 вопросов предполагали диагностику психологической готовности, 5 – технологической. В качестве критериев валидации выделенных компонентов были выбраны опросники рефлексивности (А.В. Карпов) [12], саморегуляции деятельности (Е.Ю. Мандрикова) (далее – ОСД) [13], «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) (далее – ССП-98) [14]. Выделенные в них критерии также позволяют определить психологические особенности готовности к самообразованию. Установление положительной статистически достоверной взаимосвязи между критериями, обозначенными в исследовании, и особенностями, определенными опросниками, позволяет судить об их валидности.

Математико-статистическая обработка результатов работы проводилась с помощью программного обеспечения MS Excel 2013 и Statistica 10.0 for Windows в операционной системе Windows 10.0. Анализ данных по математическим критериям считался достоверным при уровне значимости не выше 5% ($p \le 0,05$), однако анализировались данные и на уровне тенденции ($0,05 \le p \le 0,08$).

Результаты и их обсуждение. Опираясь на теорию ситуационного лидерства [15], можно констатировать, что сформированная готовность к самообразованию включает способность выполнить определенную самообразовательную деятельность (технологическая готовность) и желание ее выполнять (психологическая готовность).

Эмпирическим исследованием были определены уровни выраженности каждого из компонентов психологической готовности к самообразованию.

За уровень выраженности мотивационного компонента была принята средняя оценка параметров «Учусь дополнительно сам», «Мне нравится учиться самостоятельно». Мотивация к самообразованию бывает разной. У обучающихся могут преобладать познавательные или мировоззренческие мотивы. В таком случае они будут высоко оценивать свое положительное отношение к самообразованию. Если преобладают мотивы долга, ответственности, престижности, вынужденности (желание достичь высоких результатов в профессиональной деятельности, получить отметку выше, попасть в референтную группу и т.д.), то обучающийся может ответить, что ему не нравится учиться самостоятельно, однако положительно ответит на вопрос, учится ли он сам дополнительно. Рассчитав и проанализировав взаимосвязи выделенного мотивационного компонента готовности к самообразовательной деятельности, можно отметить следующее. Имеется положительная взаимосвязь данного критерия с уровнями рефлексии ($F(2,92)=9,72$, $p<0,0002$), шкал планомерности ($F(2,92)=3,19$, $p<0,05$) (опросник ССП-98) и оценивания результатов ($F(2,92)=4,82$, $p<0,02$) (опросник ОСД), результатом выполнения курсовой работы ($F(2,38)=4,55$, $p<0,02$). Рефлексия определяет способность человека к осознанию своих действий и мотивов. Этим объясняется указанная взаимосвязь. Шкала оценки результатов (опросник ОСД) характеризует адекватность самооценки индивида, сформированности субъективных критериев оценки деятельности.

Достоверно измерить результат самообразования невозможно. Поэтому за него в данном исследовании принята отметка за выполнение курсовой работы. Она является продуктом исследовательской деятельности обучающегося под руководством преподавателя. Необходимо учитывать, что мотивация выполнения курсовой работы является внешней, так как положительный результат обязателен в учебном процессе. Однако стиль выполнения работы во многом зависит от самого учащегося, в том числе и от его психологической готовности к самообразованию. Чем выше мотивация, тем успешнее будет выполняться курсовая работа. При затруднениях с технологическим компонентом при высоком уровне мотивации обучающийся может обратиться к преподавателю за помощью (например, по вопросам подбора литературы и осуществления анализа полученных данных).

За уровень развития целевого компонента психологической готовности к самообразованию была принята оценка параметра «Могу самостоятельно достичь поставленных целей самообразования». Данный показатель имеет статистически достоверную взаимосвязь с уровнем рефлексии ($F(2,174)=3,27$, $p<0,05$).

Когнитивный компонент подразумевает понимание учащимися сущности, форм и методов самообразования. За его уровень принята средняя оценка параметров «Осознаю, что не достигну поставленных целей без дополнительной учебы» как понимание сущности самообразования и «Ежедневно изучаю новое» как применение его форм и методов. Понимание невозможности достижения целей без самообразования не всегда генерирует действительное осуществление

самообразования. Ежедневное изучение нового не всегда обусловлено определенными целями самообразования. Оно может быть основано на познавательном интересе или необходимости решения определенной возникшей задачи. В данном исследовании указанные параметры имеют статистически значимую взаимосвязь ($F(2,175)=9,16$, $p<0,0002$). Рассчитанный уровень когнитивного компонента самообразования имеет достоверные связи с показателями программирования ($F(2,174)=7,24$, $p<0,001$), планирования ($F(2,174)=4,55$, $p<0,02$), общего уровня саморегуляции ($F(2,174)=4,2847$, $p<0,02$) (опросник ССП-98), планомерности ($F(2,173)=8,58$, $p<0,0005$), целеустремленности $F(2,174)=4,98$, $p<0,01$) (опросник ОСД), рефлексии ($F(2,174)=4,82$, $p<0,01$). Данные показатели говорят об уровне осознанной саморегуляции произвольной активности человека, потребности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, детализированности и развернутости разрабатываемых программ, что описывает когнитивные потребности личности. Понимание необходимости выполнения курсовой работы для достижения цели (получения диплома) обусловливает статистически достоверную взаимосвязь полученной за нее отметки и рассчитанного уровня когнитивного компонента ($F(6,68)=2,32$, $p<0,05$).

Качествами личности обучающегося, влияющими на самообразовательную деятельность, являются усидчивость, дисциплинированность, чувство долга, ответственность. В данном исследовании за уровень нравственно-волевого компонента принято среднее арифметическое самооценки дисциплинированности и ответственности обучающихся. Рассчитанный уровень данного компонента имеет статистически достоверные взаимосвязи с уровнями целеустремленности ($F(2,174)=5,18$, $p<0,01$), планомерности ($F(2,173)=3,59$, $p<0,05$), общего балла опросника ОСД ($F(2,174)=8,55$, $p<0,0005$), уровнем моделирования ($F(2,174)=3,63$, $p<0,05$) и общего уровня саморегуляции поведения ($F(2,174)=5,41$, $p<0,01$) (опросник ССП-98). Данные показатели также описывают качества личности, которые помогают ей регулировать собственную деятельность, выделять значимые условия достижения целей. Это подтверждает достоверность выбора критерия диагностики когнитивного компонента готовности к самообразованию. Следует отметить, что данный показатель не имеет связи с результатом выполнения курсовой работы ($F(6,68)=0,95$, $p>0,05$). В данном аспекте проявляется отличие самообразования, где инициатором и основным регулятором деятельности является ее субъект, от курсовой работы, содержание и достижение результата которой контролирует преподаватель, сроки регламентирует учебный план.

Таким образом, выделенные в данном исследовании компоненты позволяют определить уровень психологической готовности обучающихся к самообразовательной деятельности. Стоит также рассмотреть взаимосвязи выделенных компонентов друг с другом. Мотивационный компонент имеет статистически достоверные взаимосвязи со всеми остальными компонентами (целевым, когнитивным, нравственно-волевым), целевой – только с мотивационным, когнитивный – с мотивационным и нравственно-волевым, нравственно-волевой – с мотивационным и когнитивным. Следует отметить также статистически достоверные взаимосвязи уровней целевого и нравственно-волевого компонентов и рефлексии. Результаты дисперсионного анализа представлены в таблице.

Таким образом, можно сделать вывод, что об уровне психологической готовности обучающегося к самообразовательной деятельности можно судить по его оценкам утверждений, представленных в анкете «Готовность к самообразовательной деятельности».

Таблица – **Результаты дисперсионного анализа связей компонентов психологической готовности к самообразованию друг с другом и уровнем рефлексии**

Компоненты	Мотивационный	Целевой	Когнитивный	Нравственно-волевой
Мотивационный		$F(2,175)=7,30$, $p<0,001$*	$F(2,95)=25,00$, $p<0,00001$*	$F(2,124)=4,04$, $p<0,05$*
Целевой	$F(2,175)=7,30$, $p<0,001$*		$F(2,95)=0,61$, $p>0,05$	$F(2,124)=1,21$, $p>0,05$
Когнитивный	$F(2,95)=25,00$, $p<0,00001$*	$F(2,95)=0,61$, $p>0,05$		$F(2,124)=21,01$, $p<0,001$*
Нравственно-волевой	$F(2,124)=4,04$, $p<0,05$*	$F(2,124)=1,21$, $p>0,05$	$F(2,124)=21,01$, $p<0,001$*	
Рефлексия	$F(2,72)=2,8316$, $p=0,066$	$F(2,174)=3,27$, $p<0,05$*	$F(7,67)=2,03$, $p=0,066$	$F(7,67)=2,51$, $p<0,05$*

*статистически значимые результаты.

Следующим этапом исследования стал расчет уровня психологической готовности (УПГ) к самообразованию путем определения среднего арифметического между выраженностью компонентов психологической готовности к самообразованию. Среднее значение УПГ в данной выборке составило 2,08±0,33. Если УПГ проанализировать в связи с ответом на вопрос, хотят ли обучающиеся заниматься самообразованием, то у выбравших негативный вариант среднее значение составило 1,98±0,28, а у выбравших положительный вариант – 2,15±0,36. Описанные различия представлены на рисунке.

Необходимо отметить, что рассчитанный УПГ имеет следующие взаимосвязи, подтвержденные статистическим исследованием с уровнями шкал:

- программирования (опросник ССП-98) ($F(2,17)=3,76$, $p<0,05$);
- оценивания результатов (опросник ССП-98) ($F(2,17)=2,78$, $p=0,06$, взаимосвязь на уровне тенденции);
- общим уровнем саморегуляции (опросник ССП-98) ($F(2,17)=4,40$, $p<0,05$);
- планомерности (опросник ОСД) ($F(2,173)=7,43$, $p<0,001$);
- целеустремленности (опросник ОСД) ($F(2,17)=5,20$, $p<0,01$);
- общего показателя самоорганизации (опросник ОСД) ($F(2,174)=9,65$, $p<0,0005$);
- рефлексивности ($F(2,17)=6,51$, $p<0,005$).

Все перечисленные показатели также говорят о психологических особенностях личности, влияющих на ее психологическую готовность к самообразованию.

Таким образом, были выделены на уровне критерии, позволяющие диагностировать уровень психологической готовности к самообразовательной деятельности. Далее гипотеза исследования дополнилась новым допущением: психологическая готовность к самообразованию, отмечающаяся на уровне от 1,0 до 1,7, может считаться низкой, на уровне от 1,7 до 2,3 – средней от 2,3 до 3,0 – высокой. В результате статистического анализа взаимосвязей УПГ были выявлены следующие статистически значимые закономерности:

- с результатом выполнения курсовой работы ($F(2,72)=5,63$, $p<0,01$);
- с общим уровнем саморегуляции (опросник ССП-98) ($F(2,17)=4,62$, $p<0,05$);
- с общим показателем самоорганизации (опросник ОСД) ($F(2,17)=5,53$, $p<0,005$);
- с уровнем планомерности (опросник ОСД) ($F(2,17)=4,95$, $p<0,01$);

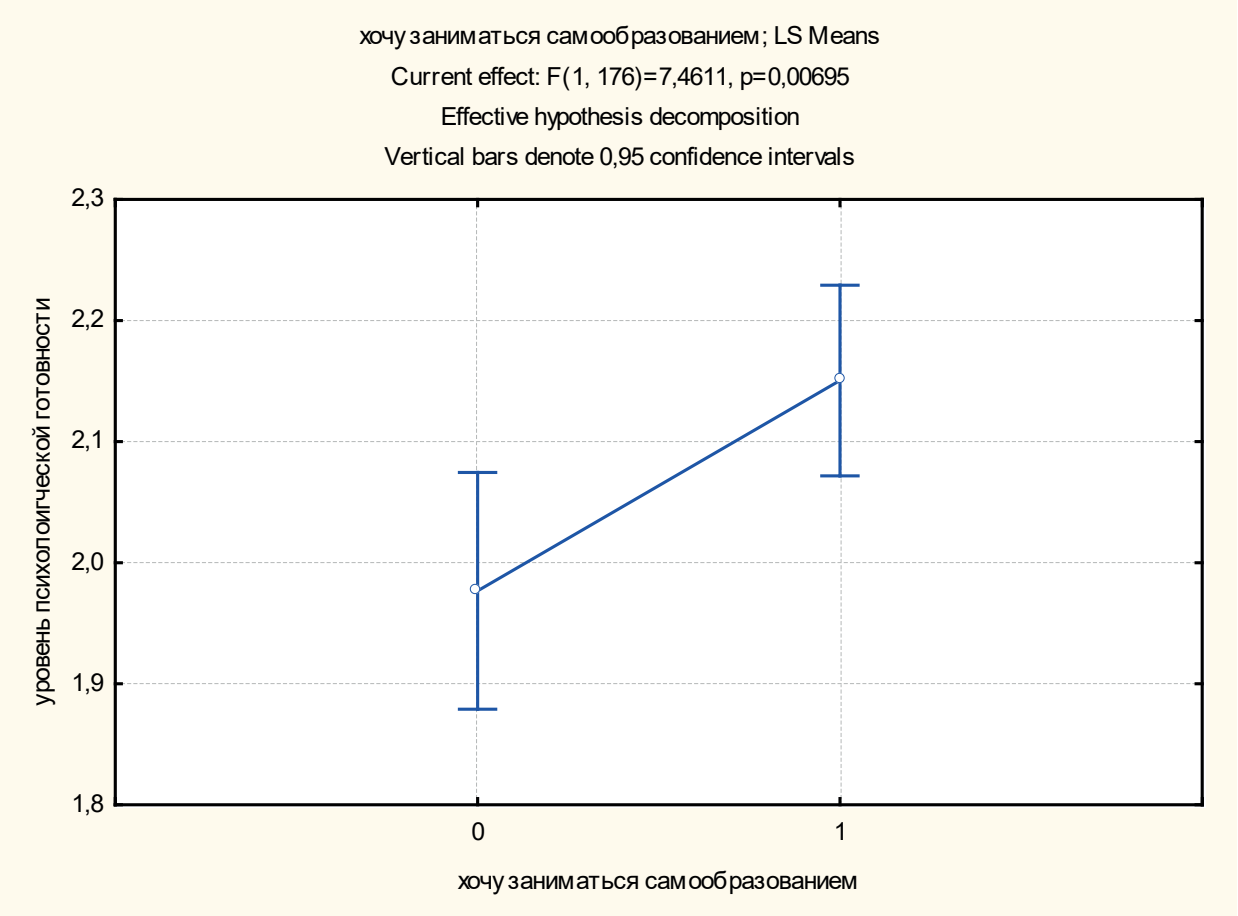


Рисунок – **Результаты дисперсионного анализа взаимосвязи самооценки желания обучающегося заниматься самообразованием и уровнем его психологической готовности к самообразованию**

• с уровнем оценивания результатов (опросник ССП-98) ($F(2,17)=3,14$, $p<0,05$);

• с уровнем гибкости (опросник ССП-98) ($F(2,17)=3,14$, $p<0,05$);

• с уровнем целеустремленности (опросник ССП-98) ($F(2,17)=5,43$, $p<0,01$).

Представленные зависимости подтверждают валидность градации выявленных показателей психологической готовности к самообразованию на три уровня.

Заключение. Для эффективной подготовки будущего специалиста, способного самостоятельно развиваться и заниматься самообразованием, необходимо качественное психологическое сопровождение образовательного процесса. Для применения индивидуального подхода в формировании готовности обучающегося к самообразованию, педагогу важен учет уровня психологической и технологической готовности к самообразованию и, соответственно, знание критериев ее диагностики. В данной статье представлено определение уровня психологической готовности к самообразованию.

Психологическая готовность к самообразованию понимается как желание выполнять определенные самообразовательные задачи, способность достигать целей самообразования, наличие нравственно-волевых качеств, которые способствуют выполнению данного задания (ответственность, дисциплинированность, усидчивость), понимание сути и необходимости самообразования для становления как специалиста. Уровень психологической готовности к самообразованию определяется как среднее арифметическое оценок обучающимися по трехбалльной шкале следующих утверждений: «Мне нравится самостоятельно учиться»; «Учусь дополнительно сам»; «Могу самостоятельно достичь поставленных целей самообразования»; «Осознаю, что не достигну поставленных целей без дополнительной учебы»; «Ежедневно изучаю новое»; «Я достаточно ответственный»; «Я достаточно дисциплинированный».

Психологическая готовность считается низкой при уровне ее от 1,0 до 1,7, средней – на уровне от 1,7 до 2,3, высокой – на уровне свыше 2,3.

Рассчитанный в статье показатель является валидным, что подтверждают статистически достоверные связи с показателями опросников ОСД Е.Ю. Мандриковой и ССП-98 В.И. Моросановой.

Литература

1. Совейко, Е.И. Самообразование: подходы к определению понятия [Электронный ресурс] / Е.И. Совейко // Мастерство online. – 2017. – № 2. – Режим доступа: http://ripo.unibel.by/index.php?id=2883. – Дата доступа: 01.02.2019.
2. Вакула, А.А. Критерии и показатели уровня готовности курсантов военного вуза к самообразованию [Электронный ресурс] / А.А. Вакула // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – Режим доступа: https://science-education.ru/pdf/2014/4/59.pdf. – Дата доступа: 01.04.2020.
3. Вегеро, М.В. Оценка готовности студентов педагогических специальностей университета к самообразовательной деятельности [Электронный ресурс] / М.В. Вегеро // Крым. науч. вестн. – 2017. – № 2-3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-gotovnosti-studentov-pedagogicheskih-spetsialnostey-universiteta-k-samoobrazovatelnoy-deyatelnosti. – Дата доступа: 07.04.2020.
4. Ефремкина, И.Н. Психолого-педагогические условия формирования готовности к самообразованию студентов вуза [Электронный ресурс] / И.Н. Ефремкина // АНИ: педагогика и психология. – 2016. – № 3(16). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-gotovnosti-k-samoobrazovaniyu-studentov-vuza. – Дата доступа: 03.02.2019.
5. Казакова, А.Г. Инновационные технологии в формировании готовности студентов к самообразовательной деятельности [Электронный ресурс] / А.Г. Казакова // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64-3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-formirovanii-gotovnosti-studentov-k-samoobrazovatelnoy-deyatelnosti. – Дата доступа: 05.04.2020.
6. Совейко, Е.И. Мотивационные особенности самообразовательной деятельности обучающихся / Е.И. Совейко // Психологический Vademecum: психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход: сб. науч. ст. / под ред. С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи, С.Ф. Пашковича. – Витебск, 2019. – С. 234–239.
7. Уйманова, Н.А. Этапы самообразовательной деятельности студента колледжа [Электронный ресурс] / Н.А. Уйманова // Вестн. ОГУ. – 2018. – № 6(218). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-samoobrazovatelnoy-deyatelnosti-studenta-kolledzha. – Дата доступа: 05.04.2020.
8. Карпова, О.Л. Готовность педагога к самообразовательной деятельности в современном социуме [Электронный ресурс] / О.Л. Карпова // Сибир. пед. журн. – 2007. – № 8. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-pedagoga-k-samoobrazovatelnoy-deyatelnosti-v-sovremennom-sotsiume. – Дата доступа: 05.04.2020.
9. Мамонова, Л.И. Самообразование студентов / Л.И. Мамонова // Инновационная наука. – 2015. – № 12-2. – С. 242–243.
10. Михайлова, Н.С. К вопросу о подготовке педагога к организации самообразования обучающихся (на примере изучения курса «Технологии и техники самообразовательной деятельности» в процессе переподготовки по специальности 1-08 01 71 «Педагогическая деятельность специалистов») / Н.С. Михайлова // Повышение квалификации и переподготовка педагогов: тенденции и перспективы развития: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 17 окт. 2012 г. / Белорус. гос. пед. ун-т имени М. Танка; редкол.: А.Ф. Климович [и др.]. – Минск, 2012. – С. 140–143.
11. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. – С. 421–424.
12. Карпов, А.В. Рефлексивность как психологическое свойство и методика ее диагностики / А.В. Карпов // Психол. журн. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 45–57.
13. Мандрикова, Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) / Е.Ю. Мандрикова // Психол. диагностика. – 2010. – № 2. – С. 87–111.
14. Моросанова, В.И. Стилевые особенности саморегулирования личности / В.И. Моросанова // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 121–127.
15. Hersey, P. Management of Organizational Behavior Utilizing Human Resources / P. Hersey, K.H. Blanchard. – 4th ed. – 1982. – 152 p.

Поступила в редакцию 27.05.2020

УДК 004:37.015.32:159.955.4-057.87

Информационные технологии как фактор развития рефлексии личностной учащегося

Шевцов А.В.
Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Статья посвящена альтернативному применению специалистами педагогической деятельности конструктивных средств информационных технологий для лучшего развития рефлексии личностной учащихся в условиях образовательного процесса.

Цель работы – нахождение альтернативных способов и методов использования положительного потенциала информационных технологий в условиях педагогической среды для развития рефлексии личностной у учащихся.

Материал и методы. *Исследование проводилось на базе государственного учреждения образования «Турецкий учебно-педагогический комплекс детский сад-средняя школа» на протяжении 4-х месяцев с февраля по май 2020 года. В нем приняли участие 30 испытуемых в возрасте от 14 до 17 лет. Для реализации поставленной цели нами были использованы следующие методики: стандартизированный тест (тест уровня рефлексивности А.В. Карпова), проективная методика (тематический апперцептивный тест Г. Мюррея), проективная методика (незаконченные предложения Г.В. Лосика, А.В. Шевцова), проективная методика (письмо к профессору А.Б. Прусак) и метод статистического анализа полученных данных (F-критерий Фишера).*

Результаты и их обсуждение. *Проанализированы полученные данные как количественно, так и качественно с подробными примерами ответов респондентов. Были определены уровни рефлексии личностной у респондентов, которые применяли и не применяли конструктивные виды информационных технологий в своей жизнедеятельности. Имеется описание определенного вида выбора подростков, раскрывающего специфику рефлексии личностной. Обосновывается важность роли развития рефлексии личностной в гармоничном формировании субъекта в реалиях цифровой среды. Аргументируется целесообразность использования конструктивных средств информационных технологий в педагогической деятельности с учащимися, которые имеют разный уровень рефлексии личностной.*

Заключение. *Учащиеся, которые использовали конструктивные средства информационных технологий в своей жизнедеятельности, имеют более высокий уровень личностной рефлексии в отличие от других учащихся, которые их не применяли. В исследовании подчеркивается важность использования положительного потенциала информационных технологий.*

Ключевые слова: *информационные технологии, альтернативное применение, педагогическая деятельность, специалист, гармоничное формирование, субъект, рефлексия личностная.*

Information Technologies as a Factor for the Development of Student Personality Reflection

Shevtsov A.V.
Education Establishment "Brest State A.S. Pushkin University"

The article is devoted to the alternative use by specialists of pedagogical activities of the constructive means of information technology for the better development of student personality reflection in the educational process.

The aim of this work is to find alternative ways and methods of using the positive potential of information technology in the pedagogical environment for the development of student personality reflection.

Material and methods. *The research base was the state education establishment "Turkish Academic and Pedagogical Complex of the Kindergarten- Secondary School". The research was conducted during the four months of February to May 2020. Thirty 14–17 year old students participated in it. To achieve this goal, we used the following methods: the standardized test (test of reflexivity level by A.V. Karpov), the projective technique (thematic apperceptive test by G. Murray), the projective method (unfinished proposals by G.V. Losik, A.V. Shevtsov), the projective technique (a letter to Professor A.B. Prusak) and the method of statistical analysis of the data obtained (Fisher's F-test).*

Findings and their discussion. *The obtained data were analyzed both quantitatively and qualitatively with detailed examples of respondents' answers. The levels of personal reflection were determined among respondents who applied and did not apply constructive types of information technologies in their life activities. A description of a certain type of adolescents' choice is obtained which reveals the specifics of personality reflection. The importance of*

the role of the development of personality reflection in the harmonious formation of the subject in the realities of the digital environment is substantiated. The expediency of using constructive means of information technologies in pedagogical activity with students who have different levels of personality reflection is argued.

Conclusion. *Students who used the constructive means of information technology in their life have a higher level of personality reflection in contrast to other students who did not use them. The study emphasizes the importance of harnessing the positive potential of information technology.*

Key words: *information technology, alternative application, pedagogical activity, specialist, harmonious formation, subject, personality reflection.*

В когнитивной психологии рефлексия рассматривается как мыслительный процесс, направленный на самопознание индивидом самого себя, в котором он совершает анализ собственных поступков и действий, эмоций, чувств, способностей, состояний и поведения (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.И. Слободчиков, Д.И. Фельдштейн, Э. Шпрангер) [1]. В свою очередь именно рефлексия личностная тесно связана с эмпатией, которая выступает как осознанное понимание внутреннего мира и эмоционального состояния другого человека (А.А. Бодалев, Т.П. Гаврилова, И.С. Кон, Ю.А. Менеджерицкая, А.М. Прихожан, Н.А. Щербакова) [2].

Развитие рефлексии личностной в подростковом возрасте напрямую связано с развитием личности в целом и нравственных чувств человека [3]. В этом возрасте интенсивно развиваются новые взгляды на жизнь и отношения между людьми, общение со сверстниками и родными. Именно в подростковом возрасте рефлексия личностная лучше помогает понять свой внутренний мир и ценности.

Все более возрастающая роль влияния различных средств информационных технологий на современное подрастающее поколение содержит в себе потенциальную возможность использования их положительного потенциала для развития рефлексии личностной у молодых людей в условиях педагогической среды [4]. Информационные технологии используются наиболее часто подростками, когда происходит интенсивное формирование социальной ситуации развития, главных психических новообразований, ведущей деятельности, оказывающих значительное влияние на будущую жизнедеятельность и отношение молодых людей в целом. В последние годы интересы исследователей сконцентрированы на влиянии информационных технологий на формирование и развитие личности обучающихся в условиях сугубо образовательного процесса.

Ряд авторов приходит к выводу, что с помощью информационных технологий в принципе невозможно формирование нравственных черт человека и рефлексии личностной (Р.П. Ершова, Г.В. Лосик, А.Ш. Тхостов). Существует и противоположная гипотеза, что такое формирование все-таки возможно, но дидактически затруднительно. Поэтому актуально раскрыть причину, почему информационные технологии в отдельных случаях могут, а в других не могут быть инструментом в передаче учащемуся некоторых видов знания и навыков. И найти, научно обосновать возможность обходного пути, позволяющего через информационные технологии формировать рефлексию личностную. До сих пор большинство исследований рефлексии личностной в подростковом возрасте производилось с целью определения ее выраженности [5]. Что же касается информационных технологий, то в настоящее время не имеется экспериментальных доказательств об их возможности развивать в подростковом возрасте такой важный компонент субъекта, как рефлексия личностная.

Нам представляется, что если расширить научные знания о роли информационных технологий как инструмента развития рефлексии личностной в подростковом возрасте, то можно найти обходной путь их применения для формирования наиболее значимых и важных качеств личности современных молодых людей в условиях образовательного процесса.

Могут ли информационные технологии и глобальная сеть Интернет быть инструментом развития рефлексии личностной? С одной стороны, именно развитие рефлексии личностной способствует лучшему пониманию самих себя как субъектов современной социальной действительности. Рефлексия позволяет определить личностную свободу выбора в различных областях жизнедеятельности и несение определенной ответственности за данный выбор. С другой стороны, информационные технологии могут содержать в себе не только положительный, но и отрицательный потенциал для развития у учащихся рефлексии личностной в условиях современного образовательного процесса.

Цель работы – нахождение альтернативных способов и методов использования положительного потенциала информационных технологий в условиях педагогической среды для развития рефлексии личностной у учащихся.

Материал и методы. Нами было проведено исследование развития личностной рефлексии в перспективе с помощью использования информационных технологий.

Независимой переменной выступили две группы респондентов с разными уровнями владе-

ния информационными технологиями в основных областях жизнедеятельности. *Зависимой* переменной в этом эксперименте явился уровень развития у подростков рефлексии личностной.

Исследование было проведено на базе государственного учреждения образования «Турецкий учебно-педагогический комплекс детский сад-средняя школа» на протяжении 4-х месяцев с февраля по май 2020 года. В нем приняли участие 30 испытуемых в возрасте от 14 до 17 лет. Данное исследование проводилось нами в 4 этапа.

В исследовании нами были использованы следующие методики:

1. Тест уровня рефлексивности А.В. Карпова, который позволяет определить уровень выраженности рефлексии личностной (высокий, средний, низкий) у респондентов: рефлексия прошлой, настоящей, будущей деятельности и рефлексия взаимодействия с другими людьми.

2. Проективная методика (тематический апперцептивный тест Г. Мюррея). Данная методика нами использовалась для определения 4-х видов выбора (отсутствие субъективного опыта выбора, ситуативный выбор, выбор эмоционального благополучия, моральный), раскрывающих особенности рефлексии личностной. Согласно инструкции испытуемые должны описать суть происходящей ситуации, определить уровень ответственности отношения изображенных субъектов по отношению как к самим себе, так и к окружающей их действительности в целом. В данном случае нами использовался метод контент-анализа при обработке полученных результатов респондентов.

3. Проективная методика (незаконченные предложения Г.В. Лосика, А.В. Шевцова). Данная методика позволяет выявить потенциал применения информационных технологий для определения уровня образования, видеоэкскурсий, удаленного общения, коммуникации (высокий, средний, низкий) у респондентов. В данном случае нами использовался метод контент-анализа при обработке полученных результатов респондентов.

4. Проективная методика (письмо к профессору А.Б. Прусак), состоящая из двух блоков: блок «А» (рефлексия личностная) и блок «Б» (эмпатия). На данном этапе исследования был использован только блок «А» (рефлексия личностная). Цель данного раздела методики – инструмент, дающий респондентам возможность описать свои трудности в учебе, прислушаться к своему внутреннему голосу, а значит, сделать их независимыми от внешних факторов. Таким образом, раскрывается их суть свободы выбора и несения личностной ответственности за этот выбор. В данном случае нами использовался метод контент-анализа при обработке полученных результатов респондентов.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведения исследования испытуемые нами были поделены на две основные группы: учащиеся, которые не использовали средства информационных технологий в своей жизнедеятельности на период эксперимента, и учащиеся, которые применяли их. С каждой группой респондентов были проведены разные виды методик, направленных на изучение уровня рефлексии личностной. Тест уровня рефлексивности А.В. Карпова и тематический апперцептивный тест Г. Мюррея применялись с той выборкой учащихся, которые не использовали информационные технологии в своей жизнедеятельности. Другая группа методик (незаконченные предложения Г.В. Лосика, А.В. Шевцова, письмо к профессору А.Б. Прусак (блок «А»)) применялась с теми молодыми людьми, которые активно использовали информационные технологии в различных сферах деятельности.

1. На *первом этапе* эксперимента нами применялась методика для оценки выраженности рефлексии личностной у учащихся, которые не использовали информационные технологии – тест уровня рефлексивности А.В. Карпова для определения уровня рефлексии личностной (высокий, средний, низкий), результаты которого показаны на рисунке 1.

По данной методике было выявлено следующее. Как в целом по выборке, так и в каждой группе учащихся по отдельности преобладает средний уровень рефлексии личностной прошлой, настоящей и будущей деятельности и общения – 53,3%, далее следует низкий – 40%, при этом наименее выражен высокий – всего лишь – 6,7%. В данном случае расчет критерия Фишера показал, что различия находятся в зоне незначимости (φ*эмп=0).

2. На *втором этапе* эксперимента для исследования учащихся, которые не использовали информационные технологии, нами была применена проективная методика (тематический апперцептивный тест Г. Мюррея) для определения рефлексии личностной, заключающейся в определенном виде выбора учащихся (отсутствие субъективного опыта выбора, ситуативный выбор, выбор эмоционального благополучия, моральный выбор), исходя из описания ими ситуаций с изображенными персонажами. В данном случае нами использовался метод контент-анализа при обработке полученных результатов респондентов. Результаты исследования показаны на рисунке 2.

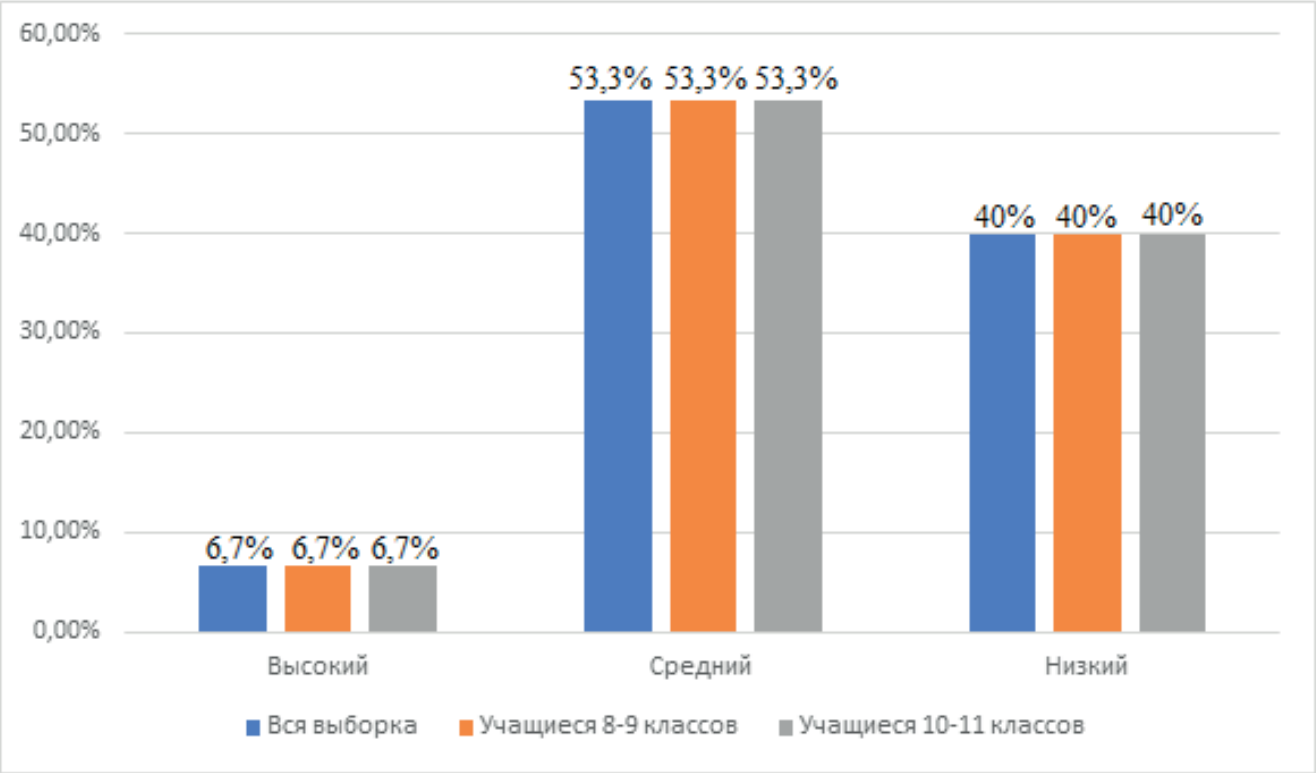


Рисунок 1 – **Результаты исследования уровня рефлексии личностной (без использования информационных технологий)**

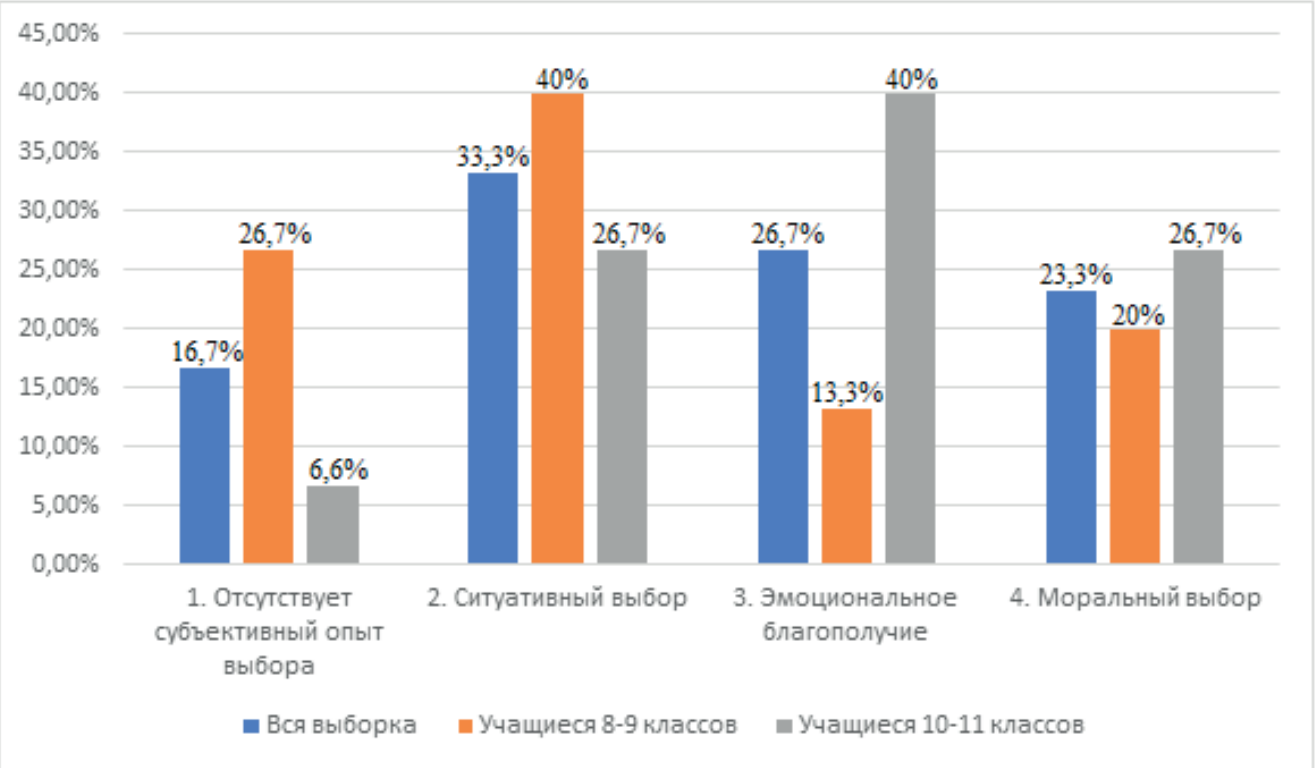


Рисунок 2 – **Результаты исследования видов выбора (без использования информационных технологий)**

Как видно из представленных данных, в группе учащихся 8–9-х классов доминирует ситуативный выбор – 40%. При этом в группе учащихся 10–11-х классов преобладает эмоциональное благополучие – 40%. Однако разница по видам выбора находится на уровне возрастной тенденции. В данном случае расчет критерия Фишера показал, что различия находятся в зоне неопределенности (φ*эмп=1,865).

Отсутствие субъективного опыта выбора заключается в эмоциональной нечувствительности субъектов к себе и окружающему их миру, примером будет являться следующее: «*На картинке показан мужчина возле фонаря. Ждет маршрутное такси и смотрит на часы*». Таким образом, внутренний мир представлен в самосознании лишь на уровне перечисления чувств без каких-либо попыток разобраться в причинах их возникновения и без размышлений о том, какие изменения могут в будущем произойти в самом себе. Для становления личностного выбора необходимы определенные условия и мотивация самих учащихся. Использование программы «ISTON», разработанной специалистами в Национальной академии наук Беларуси, для формирования личностной позиции следует организовать педагогам таким образом, чтобы учащиеся могли не только выбирать позиции того или иного объекта в «3D», но и сами задавать определенную траекторию объекта для того, чтобы другие учащиеся могли повторить данную траекторию в следующем действии. В дальнейшем это будет способствовать формированию определенного выбора у группы подростков, которые наименее проявляют активность и интерес в различных видах деятельности.

Ситуативный выбор раскрывает смысл поиска альтернативного решения выхода из сложившейся ситуации, но не более этого. Например: «*На фоне окна я вижу силуэт мальчика, который думает: пойти ли ему сегодня на баскетбол или остаться смотреть любимый сериал. Взвесив факты, он решает смотреть сериал "Сверхъявственное". Я бы на его месте лучше занялась бы спортом*». В данном случае у респондентов с ситуативным выбором для эффективного достижения поставленной цели необходимо в себе развивать волевые качества и уверенность в отстаивании собственной личностной позиции, так как их решения принимаются зачастую под влиянием внешних обстоятельств и условий. Целенаправленное использование специалистами в области образования различных образовательных (wikipedia.org, school.edu.by) и новостных (sb.by, tut.by) интернет-сервисов может способствовать развитию именно внутренней позиции подрастающего поколения по отношению как к самим себе, так и к окружающему миру в целом.

Выбор эмоционального благополучия заключается в сохранении для субъекта позитивной эмоционально-волевой сферы в любой ситуации, в которой он находится. Примером выбора будет являться следующее: «*Пожилой человек вышел пройтись по улице и вспомнил самые лучшие моменты своей жизни. Вот теперь он стоит под этим самым фонарем, где впервые делал предложение своей девушке, теперь они женаты более 40 лет и рады этому. Я бы на его месте сходил в парк, посмотрел на красивое озеро на фоне заката сквозь деревья*». В данном случае респонденты стремятся к сохранению благоприятной психологической атмосферы, но при этом они не готовы нарушить благоприятный эмоциональный баланс их личности ради других людей, им не хватает желания понять полностью самих себя такими, какими они есть на самом деле. Таким образом: учителям целесообразно организовывать просмотр на классных и информационных часах фильмов, эпизодов сериалов, содержащих в себе положительный потенциал формирования ценностного и ответственного отношения в период подросткового возраста для лучшего становления рефлексии личностной учащихся.

Моральный выбор показывает важность принятия решений – какие именно ценности станут отражением образа собственного «Я» у личности, в дальнейшем раскрывающего ее морально-нравственное отношение и занятие активной личностной позиции как к самому себе, так и окружающему миру в целом. Примером морального выбора является ситуация: «*На рисунке изображена обиженная женщина. Ее лучший друг, видя все это, решает за нее заступиться, отстоять ее честь и достоинство, несмотря на то, что он сам может пострадать. Я бы также заступился, будь на его месте, ведь очень непозволительно обижать других, тем более тех, кто слабее тебя*». В данном виде выбора представлено у респондентов раскрытие ценностей трансцендентного характера, которые описывают суть истинного и подлинного отношения к окружающему. Для них важную роль в жизнедеятельности играет стремление сделать «правильный» поступок и нести за него ответственность в дальнейшем. В данном случае педагогам необходимо обратить внимание на применение рекомендованных к использованию специалистами в области информационных технологий, конструктивно-развивающих игровых приложений для того, чтобы лучше развить личностную позицию учащихся способом отожествления себя с положительным персонажем и проигрыванием различных сложных, не-

однозначных и противоречивых ситуаций на классных часах под руководством педагога-психолога.

3. На *третьем этапе* эксперимента было проведено исследование учащихся, которые активно применяли информационные технологии в различных областях своей жизнедеятельности. Для этого нами была использована проективная методика (незаконченные предложения Г.В. Лосика, А.В. Шевцова) с целью определения возможности использования положительного потенциала информационных технологий, специалистами педагогической деятельности с учащимися для лучшего развития их личности в основных сферах жизнедеятельности. Результаты показаны в таблице.

Если рассматривать сферу образования, то применение информационных технологий в ***образовании*** в целом по выборке оценивается на среднем уровне (46,7%). При этом в группе учащихся 8–9-х классов чаще выявляется средний уровень (53,3%) по данному показателю, а в группе учащихся 10–11-х классов преобладает высокий уровень образования – 46,7%. Однако различия между группами находятся на уровне тенденций. Расчет критерия Фишера показал, что различия находятся в зоне незначимости (φ*эмп=0,928). В целом можно говорить о положительном влиянии информационных технологий на образовательный процесс. Примером высокого уровня значимости информационных технологий в образовании у молодых людей является ситуация: *«Дополнительный учебный материал в Интернете помогает мне найти любую интересующую тему, тем самым давая возможность* ***подготовить классный учебный проект*** *по любому предмету».* Среднего: *«Дополнительный учебный материал в Интернете очень полезен для* ***написания*** *реферата и выступления на уроке».* И низкого уровня: *«Дополнительный учебный материал в Интернете можно использовать вместо решебника для* ***быстрого выполнения*** *домашнего задания».*

Далее была исследована возможность применения ***видеоэкскурсий*** (конструктивной досуговой деятельности). Она оценивается на среднем уровне как в целом по выборке (56,6%), так и в каждой возрастной группе (46,6% и 66,7% соответственно). Это говорит о возможности применения видеоэкскурсий в образовательном процессе, однако к разработке материала надо подходить внимательно и предъявлять высокие требования к данной технологии. Расчет критерия Фишера показал, что различия находятся в зоне незначимости (φ*эмп=1,539). Примером высокого уровня значимости видеоэкскурсий с помощью использования информационных технологий у подростков и юношей является ситуация: *«Благодаря видеоэкскурсиям можно* ***узнать очень много*** *о разных странах, особенностях климата и жизни людей для того, чтобы сравнивать одну страну с другой и не только».* Среднего: *«Благодаря видеоэкскурсиям можно* ***"побывать"*** *в любой точке земного шара. Для меня это интересно и занимательно».* И низкого уровня: *«Благодаря видеоэкскурсиям можно* ***выбрать*** *лучшее место отдыха».*

Затем была исследована эффективность удаленного общения. Информационные технологии как средство удаленного общения оцениваются

Таблица – **Показатели рефлексивных процессов подростков в эксперименте**

Сферы применения информационных технологий в образовательном процессе	Группы респондентов		
	Вся выборка	Учащиеся 8–9-х классов	Учащиеся 10–11-х классов
1. Образование			
Высокий	33,3%	20%	46,7%
Средний	46,7%	53,3%	40%
Низкий	20%	26,7%	13,3%
2. Видеоэкскурсии			
Высокий	26,7%	26,7%	26,7%
Средний	56,6%	46,6%	66,7%
Низкий	16,7%	26,7%	6,6%
3. Удаленное общение (коммуникация)			
Высокий	26,7%	13,3%	40%
Средний	53,3%	53,4%	53,4%
Низкий	20%	33,3%	6,6%

учащимися обеих групп на среднем уровне – по 53,4% каждая. При этом расчет критерия Фишера показал, что различия находятся в зоне неопределенности (φ*эмп=1,936). Примером высокого уровня важности удаленного общения у учащихся является ситуация: «*В социальных сетях я обычно обсуждаю, как решить лучше домашние задание и* ***предложить,*** *если необходимо, свою помощь*». Среднего: «*В социальных сетях я обычно обсуждаю то, что меня интересует с лучшими друзьями, так проще, чтобы никого особо* ***не нагружать***». И низкого уровня: «*В социальных сетях я обычно обсуждаю* ***все подряд,*** *лишь бы себя хоть чем-то занять*».

4. На *четвертом этапе* эксперимента было проведено исследование учащихся, которые использовали информационные технологии в специальных целях виртуального общения с вымышленным собеседником. В данном случае нами была применена проективная методика (письмо к профессору А.Б. Прусак), блок «А» (личностная рефлексия). Цель данного раздела методики – инструмент, дающий респондентам возможность описать свои трудности в учебе, прислушаться к своему внутреннему голосу и, таким образом, сделать их независимыми от внешних факторов. В данном случае раскрывается их суть свободы выбора и несения личностной ответственности за этот выбор. Результаты исследования продемонстрированы на рисунке 3.

Как видно из представленных данных, в целом по выборке уровень рефлексии личностной высокий и средний – по 40% каждый. При этом в группе учащихся 8–9-х классов преобладает низкий уровень рефлексии – 40%, а в группе учащихся 10–11-х классов преобладает высокий уровень рефлексии личностной – 53,4% и не зафиксирован низкий уровень. Расчет критерия Фишера показал, что различия находятся в зоне значимости (φ*эмп=2,317).

Примером высокого уровня личностной рефлексии будет являться следующая ситуация: «*Я много изучала дополнительной литературы по химии для поступления в университет, но до сих пор не могу разобраться в решении очень сложной задачи по органике. могу ли я Вам выслать пример этот, так как мне важно* ***разобраться,*** *что нужно для того, чтобы быть хорошим и ответственным медиком в будущем*». Среднего: «*Хочу стать учителем физики, это была моя мечта с детства и мне нужен репетитор. Можно ли записаться к Вам на занятия, потому что я очень* ***люблю решать*** *разные задачи*». И низкого уровня: «*У меня в учебе трудностей вообще мало, а если вдруг* ***понадобится,*** *то тогда я обращусь*».

Таким образом, развитие рефлексии личностной у молодых людей можно формировать и с помощью удаленных средств использования информационных технологий специалистами педагогической деятельности. Например, различные почтовые, новостные, познавательно-образо-

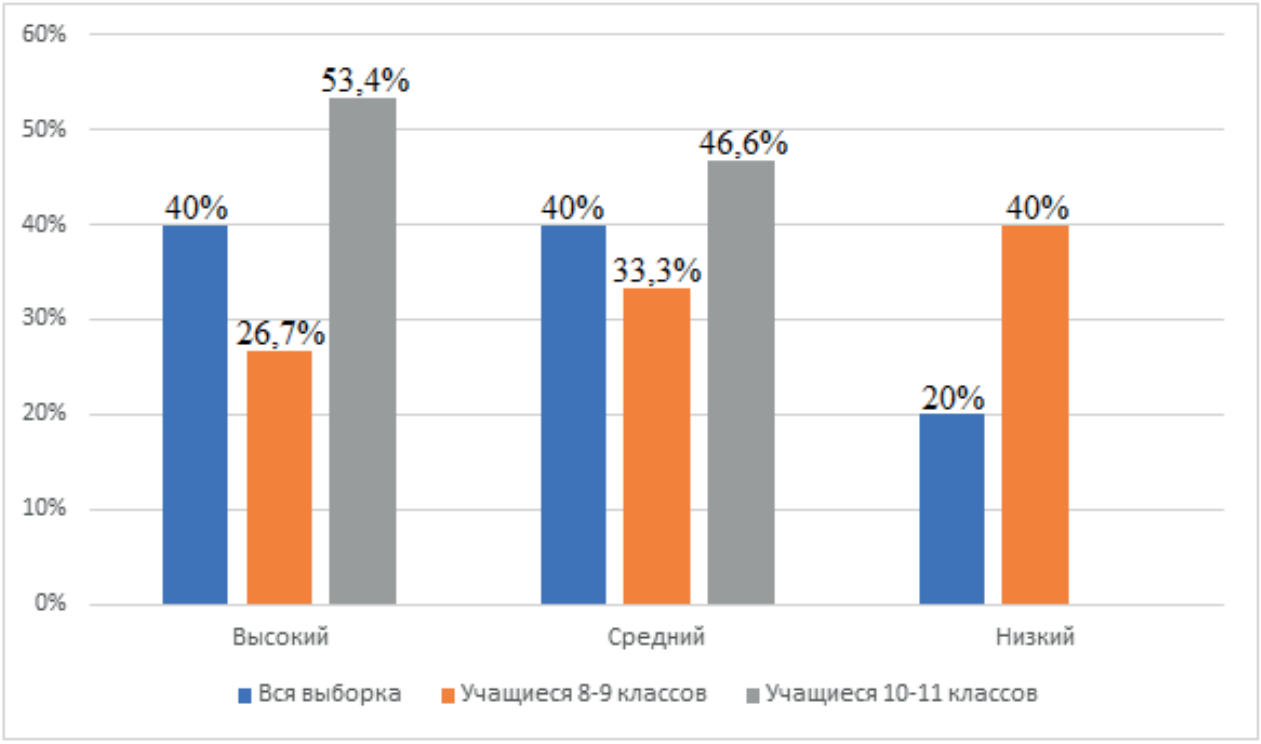


Рисунок 3 – **Результаты исследования уровня рефлексии личностной (с использованием информационных технологий)**

вательные интернет-сервисы (mail.ru, gmail.com, rambler.com, bbs news, euronews.com, aif.ru, wikipedia.org, khanacademy.org, lektorium.tv) в условиях современного образовательного процесса. Также при анализе применения информационных технологий в образовательном процессе можно говорить о положительном влиянии их на развитие пользовательской культуры удаленной коммуникации и на образовательный процесс в целом в поиске научных данных. В свою очередь применение видеоэкскурсий (интернет-сервис «Google Maps») в образовательном процессе возможно, однако к разработке материала надо подходить внимательно и предъявлять высокие требования со стороны педагога.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить, что у учащихся, которые активно использовали конструктивные средства информационных технологий, отмечаются более высокие показатели уровня рефлексии личностной, в отличие от тех учащихся, которые не применяли данные виды информационных технологий в своей жизнедеятельности. В данном случае для развития рефлексии личностной как инструмент могут использоваться различные варианты альтернативного позитивного применения информационных технологий. Например, использование в педагогической деятельности специалистами проективной методики (письмо к профессору А.Б. Прусак), познавательно-образовательных и новостных интернет-сервисов, конструктивных игровых приложений, рекомендованных к использованию специалистами в области информационных технологий, различных вырезок из средств массовой информации и коммуникации для анализа постов и действий, показанных в них субъектов.

Литература

1. Бодалев, А.А. Познание человека человеком / А.А. Бодалев. – СПб.: Речь, 2005. – 322 с.
2. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А.В. Карпов // Психол. журн. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 45–57.
3. Леонтьев, Д.А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Психология. – 2014. – № 11(4). – С. 110–135.
4. Слободчиков, В.И. Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах / В.И. Слободчиков. – М.: ПСТГУ, 2013. – 213 с.
5. Степанов, С.Ю. Психология рефлексии: проблемы и исследования / С.Ю. Степанов, И.Н. Семенов // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 31–40.

Поступила в редакцию 22.06.2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «**Право. Экономика. Психология**» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

– индекс УДК;

– название статьи;

– фамилия и инициалы автора (авторов);

– организация, которую он (они) представляет (-ют);

– введение;

– раздел «Материал и методы»;

– раздел «Результаты и их обсуждение»;

– заключение;

– список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел **«Материал и методы»** включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе **«Результаты и их обсуждение»** автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

– реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;

– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **"Law. Economics. Psychology"** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles:

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

– UDC index;

– title of the article;

– surname and initials of the author (s);

– represented organization;

– introduction;

– section "Materials and methods";

– section "Findings and their discussion";

– conclusion;

– bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section **"Materials and methods"** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "**Findings and their discussion**" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section **"Conclusion"** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

– abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

– key words in the original language;

– name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

– the author's phone number, e-mail address;

– recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

– expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 02.12.2020. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,90. Уч.-изд. л. 11,12. Тираж 100 экз. Заказ 150.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.